

Сопоставительные исследования 2013

**Центрально-Черноземное региональное отделение Научно-Методического Совета по иностранным языкам
Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

Сопоставительные исследования 2013

**Продолжающееся
научное издание**

Выпуск 10.

Посвящается 95-летию ВГУ

**Воронеж
2013**

УДК 81'1.001

Сопоставительные исследования 2013 – Воронеж: Истоки, 2013. – 156 с.
ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов посвящается 95-летию Воронежского госуниверситета и является десятым в серии ежегодных публикаций кафедры английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы Воронежского госуниверситета.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, проф. О.Н. Чарыкова,
доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Истоки», 2013

ISBN

От научного редактора

Настоящий межвузовский сборник научных трудов является десятым в серии выпускаемых в Воронежском университете ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. За время, прошедшее с момента публикации первого выпуска сборника в 2004 году, на его страницах было опубликовано 438 статей, посвященных теоретическим проблемам сопоставительных исследований, сопоставительным исследованиям в области лексики, фразеологии, концептосфер, фонетики, грамматики, дискурса, а также исследованиям в области лингвокультурологии и перевода.

В последние годы сборник стал опытной платформой реализации разрабатываемого в Воронежском госуниверситете сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований – 66 из опубликованных в нем статей посвящены теоретическим вопросам сопоставительно-параметрического метода или выполнены в его рамках.

За время своего существования сборник приобрел достаточно широкую известность и стал не просто межвузовским, а по существу Всероссийским и международным: в его десяти выпусках, помимо Воронежских авторов, опубликовано в общей сложности 133 статьи ученых из 41 города России и ближнего зарубежья. География авторов достаточно впечатляющая – это Украина и Белоруссия, а также Российские города от Калининграда до Владивостока. Пользуясь случаем, приведем перечень городов, работы лингвистов которых нашли отражение на страницах «Сопоставительных исследований»: Алексеевка, Астрахань, Белгород, Борисоглебск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Волжский, Глазов, Гродно, Донецк, Екатеринбург, Елец, Иваново, Ижевск, Казань, Калининград, Коломна, Краснодар, Курск, Липецк, Магнитогорск, Мичуринск, Москва, Набережные Челны, Нальчик, Новочеркасск, Орел, Пушкин, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Старый Оскол, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тольятти, Томск, Элиста, Якутск.

Юбилейный, десятый выпуск сборника выходит в год 95-летия Воронежского госуниверситета и посвящается этому знаменательному событию.

Стернина М.А.
доктор филологических наук,
профессор

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина

Использование сопоставительно-параметрического метода для определения национальной специфики семантем

По мере развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернин, Стернина 2010а; Стернина, Стернин 2010б; Стернина, Стернин 2011; Sternina 2010, Sternina 2011) определились его возможности для выявления национальной специфики семантики на разных уровнях: на уровне лексических группировок, семантем, концептов. Рассмотрим подробнее возможности данного метода для выявления национальной специфики семантем в разных языках на примере конкретных лингвистических исследований, выполненных под нашим руководством.

Так, в ходе исследования степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках Н.А. Портнихиной (Портнихина 2011) был введен целый ряд формализованных параметров, с помощью которых может быть количественно охарактеризована степень проявления национальной специфики семантического развития слова.

В результате изучения семантического развития 41 пары наименований природных явлений и девяти пар наименований небесных тел, сопоставимых в русском и английском языках, исследовательницей было установлено, что развитие семантики слова может осуществляться на трех уровнях семантического развития слова (семенном, словообразовательном и фразеологическом) одновременно, на двух из них, на одном уровне, а может не происходить вовсе, как, например, у русских лексем *брязг*, *иней* и *циуна* и у английских лексем *hoarfrost* и *tsunami*.

Для определения репрезентативности каждого из вышеперечисленных уровней в развитии семантики слова были введены индексы представленности семенного (словообразовательного, фразеологического) уровня семантического развития слова, определяемые как отношение количества производных семантических единиц этого уровня к общему количеству семантических единиц, производных от семемы D_1 рассматриваемой лексемы.

Так, в частности, для лексемы *буря* индекс представленности семенного уровня семантического развития слова оказался равным 31,2%, индекс представленности словообразовательного уровня семантического развития

слова – 43,8%, а индекс представленности фразеологического уровня семантического развития слова составил 25%. Таким образом, как показало проведенное исследование, семантическое развитие данной лексемы осуществляется преимущественно на словообразовательном уровне.

Что касается сопоставимой с лексемой *буря* английской лексемы *storm*, исследованием было установлено, что ее семантическое развитие также происходит на трех уровнях: семенном, словообразовательном и фразеологическом. При этом индекс представленности семенного уровня семантического развития лексемы *storm* оказался равен 15,7%, индекс представленности словообразовательного уровня – 62,7%, а индекс представленности фразеологического уровня составил 21,6%. Таким образом было определено, что семантическое развитие данной лексемы, как и русской лексемы *буря*, осуществляется преимущественно на словообразовательном уровне.

В процессе исследования было установлено, что производные семантические единицы могут демонстрировать разную активность на разных уровнях семантического развития слова. Чтобы выявить наиболее репрезентативный уровень семантического развития рассмотренных лексем, представилось целесообразным ввести индекс *представленности семенного (словообразовательного, фразеологического) уровня семантического развития слов в группе*, который определяется как отношение количества производных от всех лексем группы семантических единиц соответствующего уровня к общему количеству производных от лексем группы семантических единиц. В русском языке в группе наименований природных явлений индекс представленности семенного уровня семантического развития слов составил 21,2%, индекс представленности словообразовательного уровня оказался равен 56,8%, а индекс представленности фразеологического уровня – 22%. В английском языке в этой группе индекс представленности семенного уровня семантического развития слов составил 27,8%, индекс представленности словообразовательного уровня – 47%, а индекс представленности фразеологического уровня – 25,2%.

Таким образом, было выявлено, что в группе наименований природных явлений в обоих языках семантическое развитие слова наиболее активно происходит на словообразовательном уровне. Следующим по репрезентативности в русском языке является фразеологический уровень, в английском – семеный. Наименее представлен в русском языке семеный уровень, а в английском – фразеологический.

В ходе исследования Н.А. Портнихиной были выделены семантические признаки, релевантные для развития лексем на разных уровнях семантического развития. Определить важность семантического признака в семантическом развитии конкретной лексемы позволил введенный ею

индекс продуктивности семантического признака развития слова. Как показало исследование, в русском языке в группе наименований природных явлений значения данного индекса колеблются от 2,3% до 100%¹, в английском языке – от 1,4% до 100%. Так, например, в русском языке семантический признак **интенсивность проявления природного явления**, релевантный для семантического развития лексемы *мороз*, имеет значение индекса продуктивности, равное 2,3%, а семантический признак **природное явление**, зафиксированный в развитии семантики лексемы *морось*, имеет индекс продуктивности, равный 100%. В английском языке семантический признак **благоприятное воздействие природного явления**, мотивирующий семантическое развитие лексемы *snow*, имеет значение индекса продуктивности, равное 1,4%, а семантический признак **неблагоприятное воздействие природного явления**, характерный для семантического развития лексемы *thunderstorm*, имеет индекс продуктивности, равный 100%.

Как показало проведенное исследование, признаки семантического развития, являющиеся эндемичными для отдельной пары лексем, в целом для группы могут не являться таковыми, поскольку мотивируют семантическое развитие других лексем группы. Наличие одноименных семантических признаков, лежащих в основе семантического развития лексем определенной группы, обусловило необходимость определить индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе, который вычисляется как отношение количества производных семантических единиц группы, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных от лексем данной группы семантических единиц.

Согласно полученным значениям данного индекса, в группе наименований природных явлений в русском языке наиболее продуктивным в семантическом развитии слов оказался семантический признак **природное явление**, в английском языке – **неблагоприятное воздействие природного явления**. Наименее продуктивными семантическими признаками в русском языке оказались: **быстротечность/краткосрочность природного явления, временность природного явления и поток воды**; в английском языке – семантический признак **быстротечность/краткосрочность природного явления**.

При сравнении семантических признаков, лежащих в основе развития сопоставимых лексем, исследовательницей были выявлены как одноименные признаки, мотивирующие семантическое развитие обеих лексем одновременно, так и эндемичные семантические признаки, характерные для семантического развития лишь одной из лексем пары.

¹ Индекс продуктивности семантического признака развития слова, равный 100%, свидетельствует о том, что данный семантический признак лег в основу развития всех производных от рассматриваемой лексемы семантических единиц.

Для характеристики общих и национально-специфических черт в семантическом развитии рассмотренных лексем Н.А. Портнихиной были введены еще два индекса: *совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков* и *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков*, вычисляемые как суммы значений индексов продуктивности одноименных (эндемичных) семантических признаков, мотивирующих семантическое развитие сопоставимых лексем.

Индексы продуктивности одноименных семантических признаков в русском и английском языках в большинстве случаев оказались неодинаковыми. Так, в группе наименований природных явлений в русском языке совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков оказался выше, чем в языке сопоставления, у 16 лексем: *буря, ветер, вьюга, гром, затмение, лавина, молния, мороз, наводнение, облако, оттепель, радуга, слякоть, сумерки, торнадо, циклон*. В английском языке значения этого индекса оказались больше, чем в русском, у 13 лексем: *dawn, dew, downpour, fog, gale, hail, hurricane, rain, snow, snowstorm, squall, thunderstorm, whirlwind*. Это свидетельствует о том, что одноименные семантические признаки в разных языках могут обладать разной степенью продуктивности. Лишь у восьми пар сопоставимых лексем (*антициклон – anticyclone, засуха – drought, землетрясение – earthquake, морось – drizzle, муссон – monsoon, оползень – landslide, сель – mudflow, тайфун – typhoon*) совокупные индексы продуктивности одноименных семантических признаков оказались одинаковыми.

Что касается значений совокупных индексов продуктивности эндемичных семантических признаков, то в русском языке в данной группе они оказалось выше, чем в английском, у 11 лексем: *вихрь, град, гроза, заря, лавина, ливень, метель, снег, туман, ураган, шторм*. В английском языке показатели этого индекса оказались больше, чем в русском, у 18 лексем: *blizzard, breeze, cloud, cyclone, dew, eclipse, flood, frost, lightning, rain, rainbow, slush, squall, storm, thaw, thunder, tornado, twilight*. У 12 пар сопоставимых лексем (*антициклон – anticyclone, ветер – wind, засуха – drought, землетрясение – earthquake, иней – hoarfrost, морось – drizzle, муссон – monsoon, оползень – landslide, сель – mudflow, снегопад – snowfall, тайфун – typhoon, цунами – tsunami*) совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков совпадает или равен 0.

Таким образом, с помощью введенных индексов стало возможным определить как общее в семантическом развитии сопоставимых лексем, так и имеющиеся национальные особенности.

Особый интерес представляет еще один введенный Н.А. Портнихиной параметр – *интегральный индекс национально-специфических различий*

семантического развития сопоставимых лексем, вычисляемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем.

Как показало проведенное исследование, значения этого индекса варьируются в пределах от 0 до 57,78% для наименований природных явлений и в пределах от 0 до 22,72% для наименований небесных тел.

На основе показателей данного индекса исследовательницей была предложена шкала степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем, согласно которой при значении индекса, равном 0, признается **отсутствие национально-специфических различий**, если показатель интегрального индекса национально-специфических различий находится в пределах от 0,1% до 10%, национально-специфические различия определяются как **заметные**, при значениях данного индекса от 10,1% до 30% различия квалифицируются как **яркие**, а при значении более 30,1% – как **значительные**.

Проведенное исследование показало, что в группе наименований природных явлений значение интегрального индекса национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем оказалось равным 0 для девяти пар лексем: *антициклон* – *anticyclone*, *засуха* – *drought*, *землетрясение* – *earthquake*, *иней* – *hoarfrost*, *морось* – *drizzle*, *муссон* – *monsoon*, *сель* – *mudflow*, *снегопад* – *snowfall*, *циunami* – *tsunami*. Согласно введенной шкале, для развития семантики данных лексем было зафиксировано **отсутствие национально-специфических особенностей**.

Показатели интегрального индекса национально-специфических различий варьируются в пределах от 0,1% до 10% у трех пар лексем: *ветер* – *wind*, *дождь* – *rain*, *снег* – *snow*, что, согласно введенной шкале, свидетельствует о **заметных различиях**.

Значения интегрального индекса национально-специфических различий оказались в пределах от 10,1% до 30% у 20 пар лексем: *буря* – *storm*, *вихрь* – *whirlwind*, *град* – *hail*, *гром* – *thunder*, *заря* – *dawn*, *затмение* – *eclipse*, *молния* – *lightning*, *мороз* – *frost*, *облако* – *cloud*, *оползень* – *landslide*, *оттепель* – *thaw*, *радуга* – *rainbow*, *роса* – *dew*, *сумерки* – *twilight*, *тайфун* – *typhoon*, *торнадо* – *tornado*, *туман* – *fog*, *ураган* – *hurricane*, *циклон* – *cyclone*, *шквал* – *squall*, что характеризует национально-специфические различия как **яркие**.

Значения интегрального индекса превышают 30,1% у девяти пар лексем: *бриз* – *breeze*, *вьюга* – *blizzard*, *гроза* – *thunderstorm*, *лавина* – *avalanche*, *ливень* – *downpour*, *метель* – *snowstorm*, *наводнение* – *flood*, *сякоть* – *slush*, *шторм* – *gale*. Данные показатели позволяют считать национально-

специфические различия семантического развития данных лексем **значительными**.

Отметим, что введенная Н.А. Портнихиной шкала степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем дала возможность сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития лексем русского и английского языков и с успехом может быть применена при рассмотрении семантического развития любых пар сопоставимых наименований разных языков.

При сопоставлении групп наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках Л.А. Кривенко (Кривенко 2010) было выявлено шесть соответствий: *door* – *дверь*, *money* – *деньги*, *month* – *месяц*, *question* – *вопрос*, *war* – *война*, *week* – *неделя*. Для выявления национальной специфики семантом данных лексем представилось целесообразным ввести два новых параметра:

Индекс денотативной представленности семантемы – отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в семантеме.

Индекс коннотативной представленности семантемы – отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме.

Как показало исследование, индексы денотативной представленности семантом для пары соотносимых лексем *door* и *дверь* равны соответственно 75% и 83%, индексы коннотативной представленности – 25% и 17%. Индексы денотативной и коннотативной представленности семантом *money* и *деньги* оказались одинаковыми и равными 50%. Для пары соотносимых лексем *month* и *месяц* индексы денотативной и коннотативной представленности семантом также одинаковы и равны соответственно 33% и 67%. Такие же показатели рассматриваемых индексов зафиксированы и в паре лексем *question* – *вопрос*. Индекс денотативной представленности семантемы лексемы *war* – 25%, а лексемы *война* – 33%, индекс коннотативной представленности семантемы *war* равен 75%, а семантемы *война* – 67%. Для пары соотносимых лексем *week* и *неделя* индексы денотативной представленности равны соответственно 25% и 33%, а индексы коннотативной представленности – 75% и 67%.

В целом проведенное исследование показало, что семантемы наиболее частотных субстантивных лексем русского языка характеризуются более высокими индексами коннотативной представленности, в то время как семантемы наиболее частотных субстантивных лексем английского языка – более высокими индексами денотативной представленности.

В ходе проведенного исследования Л.А. Кривенко было также установлено, что семантемы рассмотренных русских и английских соотносимых лексем, помимо одинаковых, включают и эндемичные семемы. Для оценки степени эндемичности изученных семантом был введен *индекс эндемичности семантемы*, под которым понимается

отношение количества эндемичных семем в семантеме к общему количеству ее семем. Для изученных лексем показатели данного индекса оказались следующими: *door* – 40%, *дверь* – 33%; *money* - 75%, *деньги* – 50%; *month* – 33%, *месяц* - 33%; *question* – 40%, *вопрос* - 16%; *war* - 50%, *week* – 25%. Как видно из перечисленных значений, индексы эндемичности в английском языке оказались выше, чем в русском языке.

При изучении особенностей лексико-грамматической полисемии² наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в английском и русском языках Л.А. Кривенко (Кривенко 2010) были введены еще четыре новых индекса:

Индекс субстантивной представленности семантемы – отношение количества субстантивных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме.

Индекс глагольной представленности семантемы – отношение количества глагольных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме.

Индекс адъективной представленности семантемы – отношение количества адъективных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме.

Индекс адвербальной представленности семантемы – отношение количества адвербальных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме.

Исследование материала с помощью данных индексов показало, что в семантиках изученных лексем английского языка преобладают субстантивные семы (индексы субстантивной представленности колеблются от 0,67 до 1). На втором месте по уровню представленности оказались адъективные семы (индексы адъективной представленности вариируются от 0,2 до 0,33), на третьем – глагольные (индексы глагольной представленности находятся в диапазоне от 0,14 до 0,2).

В семантиках исследованных лексем русского языка, также как и в английском языке, преобладают субстантивные семы (индексы субстантивной представленности колеблются от 0,7 до 1). Однако на втором месте в русском языке оказались семы вводного слова (с индексом представленности 0,3), а на третьем – адвербальные семы (с индексом адвербальной представленности 0,2). Таким образом, введенные индексы дали возможность определить национальные особенности лексико-грамматической полисемии в семантиках двух неблизкородственных языков.

² Подробнее о лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности см. Стернина 1999.

В ходе исследования многосеменных субстантивных лексем, вошедших в число ста наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков Л.А. Кривенко (Кривенко 2011) был осуществлен аспектный анализ исследования национальной специфики семантом по трем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, а также аспекту коммуникативной релевантности семем.

Для характеристики аспекта развития лексической полисемии исследовательницей были использованы *индекс полисемантичности*³, *индексы денотативной и коннотативной представленности семем в группе*, *индекс лексической полисемантичности семантомы*, *индексы денотативной и коннотативной представленности семантомы*.

Анализ аспекта развития лексической полисемии выявил более высокий уровень развития лексической полисемантичности у наиболее частотных многосеменных субстантивных лексем русского языка по сравнению с английским, а также более высокий уровень денотативной представленности семантом изученных английских лексем по сравнению с русскими и более высокий уровень коннотативной представленности семантом русских лексем по сравнению с английскими. При этом было установлено, что как в русском, так и в английском языках в рассматриваемых группах преобладают коннотативные семены.

Для характеристики аспекта развития лексико-грамматической полисемии были использованы *индекс субстантивной / глагольной / адъективной / адвербиальной представленности семантомы*; *индекс лексико-грамматической полисемии*; *индекс лексико-грамматической вариантиности*; *индекс субстантивной / глагольной / адъективной / адвербиальной представленности семантом в группе*.

Анализ данного аспекта позволил выявить, что в обоих языках, как в семантомах отдельных лексем, так и во всей группе, преобладают семены с субстантивной семой, однако индекс субстантивной представленности семантом в группе в русском языке существенно превышает соответствующий индекс группы многосеменных английских лексем, что свидетельствует о значительно меньшей развитости лексико-грамматической полисемии в русском языке. Была констатирована также большая степень развития лексико-грамматической вариантиности в английском языке по сравнению с русским.

Для объективной характеристики аспекта коммуникативной релевантности были использованы *индекс коммуникативной релевантности семемы* и *индексы коммуникативной релевантности денотативных и коннотативных семем в семантоме*.

³ Способы вычисления данного и приведенных ниже индексов см. в Стернина, Стернин 2011.

Анализ аспекта коммуникативной релевантности позволил количественно охарактеризовать коммуникативную релевантность семем каждой исследованной лексемы, а также установить, что денотативные семемы D_1 , несмотря на предполагаемую наивысшую коммуникативную релевантность, не всегда являются в обоих языках наиболее коммуникативно востребованными.

Проведенный исследовательницей аспектный анализ национальной специфики семантом русского и английского языков показал, что наиболее частотные субстантивные лексемы демонстрируют национально-специфические различия по всем аспектам, но наиболее ярким аспектом проявления национальной специфики семантом русского и английского языков является аспект развития лексико-грамматической полисемии.

В заключение отметим, что возможности сопоставительно-параметрического метода для выявления национальной специфики семантом в разных языках, разумеется, не ограничиваются описанными выше – по мере развития данного метода мы прогнозируем значительное расширение таких возможностей.

Литература

1. Sternina M.A. Comparative-parametric method in linguistics: how it can help teachers // Enhancing Teacher Effectiveness. Proceedings of the XVIth NATE-Russia Annual Conference. – Chelyabinsk, June 23-26, 2010. - P. 22-24.
2. Sternina M.A. Comparative-Parametric Method: New Opportunities for Linguists and Teachers // Abstracts for the XVII NATE-Russia International Annual Conference "NEW TIMES - NEW SONGS: ELT AFTER 2010". – Kaliningrad, 28-30.June 2011. – Kaliningrad, 2011. – P.178-180.
3. Баранова /Кривенко/Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках// Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С.18-21.
4. Кривенко Л.А. Лексико-грамматическая полисемия наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем русского и английского языков // Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 82-85.
5. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантом субстантивных лексем русского и английского языков // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Научный журнал. – №4. – Том 7. Филология. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 212-223.

6. Стернин И. А., Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод в исследовании языков, концептосфер и культур // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора Ирины Павловны Лысаковой. Т. 1. – СПб.: «Сударыня», 2010. – С. 242-246.
7. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
8. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития// Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.
9. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж: Истоки. 2011. – С. 3 -18.

А.А. Махонина, М.А. Стернина
Особенности лакунарности лексем
различной частеречной отнесенности

Исследования межъязыковых лакун, проведенные на материале субстантивных (Махонина 2006), адъективных (Петросян 2011) и глагольных (Суханова 2012) лакунарных лексем, позволили проанализировать и сделать важные выводы об особенностях лакун различной частеречной отнесенности.

Отметим, что количество лакун, выделенных у различных частей речи, неодинаково. Так, например, в общей сложности было выявлено 3349 русско-английских адъективных лакун, 7137 субстантивных и 10803 глагольных лакун, что свидетельствует о большем распространении явления лакунарности в сфере глагола по сравнению с другими частями речи.

Как показали результаты исследований, к русско-английским лакунам различной частеречной отнесенности применима типология, разработанная первоначально для субстантивных лакун (Махонина 2006, с. 55) и основывающаяся на причине лакунарности, т.е. причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной является отсутствие в исследуемом языке (в нашем случае – русском) либо соответствующего обобщения, либо соответствующей конкретизации по определенному признаку. Согласно предлагаемой типологии, все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие.

Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующего обобщения. Например, *что-л., прикреплённое за один конец, свешивающееся или развевающееся на ветру*

– ср. *flap; разрушенный или пострадавший от землетрясения* – ср. *earthquaked; увлечь и обмануть* – ср. *jilt*.

Конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку. Например, *человек в возрасте между 70 и 79 годами* – ср. *septuagenarian; медленно идущий вдоль берега (о судне)* – ср. *landsick; подрывать ограничениями, трудновыполнимыми условиями план, замысел* – ср. *crimp*.

Проведенное О.В. Сухановой (Суханова 2012) исследование показало, что, помимо обобщающих и конкретизирующих лакун, у русско-английских глагольных лакун выделяется ещё один тип – обобщающе-конкретизирующие.

Обобщающе-конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке одновременно как обобщения, так и конкретизации. Например: *тяжело идти, бежать или скакать* – ср. *pound*.

Как показал проведенный анализ, подобное явление характерно и для субстантивных, и для адъективных лакун, где также наблюдаются случаи одновременного отсутствия как обобщения, так и конкретизации. Например: *предмет, лежащий поверх другого предмета* – ср. *rider; обозначающий или выраждающий переход, перевод, перемещение* – ср. *translative*. Таким образом, можно констатировать, что выделенный тип лакун характерен для лакунарных лексем всех изученных частей речи, на основании чего типологическая классификация межъязыковых лакун должна быть расширена и включать три типа: **обобщающие, конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие лакуны**.

Наличие у лакун различной частеречной отнесенности одинаковых типов не означает, однако, что типологическая классификация субстантивных, адъективных и глагольных лакун полностью идентична. Как показали проведенные исследования, лакуны разных частей речи характеризуются определенными особенностями.

Так, в частности, в группе обобщающих глагольных лакун Сухановой О.В. (Суханова 2012, с. 52) были выделены подтипы **симультанных, вариативных и консективных** лакун.

У **симультанных обобщающих** лакун обобщение выражено глагольными лексемами, обозначающими разные действия, происходящие одновременно. Например: *идти и разглядывать* – ср. *mosey*. Под **вариативными обобщающими** лакунами понимаются такие, у которых обобщение представлено вариативно с использованием разделительного союза *или* и выражено лексемами, обозначающими разные действия: *задвигаться или отодвигаться* – ср. *shoot*. **Консективные** обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного лексемами, которые обозначают разные действия, происходящие

последовательно. Например: *надеть и застегнуть* – ср. *clasp*, где действия *надеть* и *застегнуть* происходят последовательно, друг за другом.

Как показал анализ, у субстантивных и адъективных обобщающих лакун также можно выделить симультанные и вариативные подтипы. Так, симультанными обобщающими лакунами являются субстантивная лакуна *что-либо непропорционально длинное и тонкое* – ср. *spindling* и адъективная лакуна *маленький и изящный* – ср. *bijou*. Субстантивная лакуна *что-либо, уничтожающее растения или приносящее им вред* – ср. *blight* и адъективная лакуна *тупой или вздернутый (о носе)* – ср. *snub* являются вариативными обобщающими лакунами.

Что касается консекутивных обобщающих лакун, то такого подтипа у субстантивных и адъективных лакун не наблюдается, данный подтип характерен только для лакунарной сферы глагола, что можно считать особенностью лакунарности данной части речи. Представляется, что наличие подобного подтипа глагольных лакун может быть объяснено тем, что последовательность более характерна для ориентированной на времена глагольной категории, в то время как существительные и прилагательные характеризуются, как правило, исключительно одновременными признаками.

Особенностью лакунарности адъективных лексем является наличие в группе обобщающих адъективных лакун, наряду с **эксплицитно-обобщающими** лакунами, типологического подтипа **имплицитно-обобщающих** лакун (Петросян 2011, с. 59).

Под **эксплицитно-обобщающими** адъективными лакунами понимаются такие, у которых обобщение выражено эксплицитно в словарной дефиниции. Например, *ясный и солнечный* – ср. *fair*. В данном случае обобщение *ясный и солнечный* эксплицитно присутствует в словарной дефиниции.

Под **имплицитно-обобщающими** адъективными лакунами понимаются такие, у которых обобщение не выражено в словарной дефиниции, но может быть понято благодаря денотативным семемам лексем, входящих в словарное определение. Например, *без надписи, без тиснения* – ср. *letterless*. В данном случае имплицитно подразумевается обобщение *существующий, продающийся, сделанный и т.д. без надписи, без тиснения*.

Отметим, что у субстантивных и глагольных лакун обобщение в словарных дефинициях выражено исключительно эксплицитно. В сфере существительного оно выражается либо обобщающими словами «что-либо», «нечто», «то, что» (что-либо, *починенное на скорую руку* – ср. *vamp*), либо словами «предмет» или «вещь» (*вещь, полученная напрокат или во временное пользование* (*автомобиль, часы и т.п.*) *на время ремонта*) – ср. *loaner*). В сфере глагола обобщение выражается либо

симультанно, либо вариативно, либо консекутивно, но при этом также всегда эксплицитно.

Анализ адъективных эксплицитно-обобщающих лакун (Петросян 2011) показал, что обобщение может быть выражено конъюнкцией или дизъюнкцией, в результате чего можно говорить о дизъюнктивных и конъюнктивных лакунах. Дизъюнктивные обобщающие адъективные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, представленного в виде **альтернативы** между двумя родовыми признаками. Например: *учащийся или изучаемый экстерном* – ср. *external*.

Конъюнктивные обобщающие адъективные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного **совокупностью** родовых признаков. Примером такой лакуны может служить *простой и безмятежный* – ср. *comfortable*.

Проведенное исследование также дало возможность выделить одну дизъюнктивную адъективную лакуну с конъюнкцией – *спелый и мягкий или сладкий и сочный (о фруктах)* – ср. *mellow*. Таким образом, было констатировано наличие **дизъюнктивно-конъюнктивной** обобщающей адъективной лакуны.

Отметим, что обобщение у субстантивных и глагольных лакун также может быть выражено дизъюнкцией или конъюнкцией. Примерами дизъюнктивных обобщающих могут служить субстантивная лакуна *то, что упало или падает каплями (дождь, стекающий жир и т.п.)* – ср. *droppings* и глагольная лакуна *вычёркивать или изменять по цензурным соображениям* – ср. *censor*. В качестве примера конъюнктивных обобщающих субстантивных и глагольных лакун приведем следующие: *нечто неосозаемое, неуловимое, смутное* – ср. *intangible*; *формовать и обжигать глиняные изделия* – ср. *pot*.

Что касается дизъюнктивно-конъюнктивно обобщающих лакун, то подобного подтипа среди субстантивных и глагольных лакун не зафиксировано, данный подтип характерен только для адъективных лакун.

Заметим, что конъюнкция и дизъюнкция у субстантивных, адъективных и глагольных обобщающих лакун может быть **двуячленной, трехчленной** и более, однако, в отличие от адъективных и глагольных лакун, обобщение у субстантивных лакун не обязательно выражается исключительно при помощи дизъюнкции или конъюнкции. Если у адъективных и глагольных лакун обобщение всегда выражено при помощи набора признаков или действий: *заросший или обсаженный ивняком* – ср. *willowed*; *исключительно сильный или мощный* – ср. *bioni*; *почти или слегка задеть, зацепить* – ср. *shave*; *подрезать или связывать крылья* – ср. *ripion*, то для субстантивных лакун преимущественно характерно обобщение, выраженное одним словом, например, *что-л., позволяющее сэкономить время* – ср. *timesaver*, *предмет, имеющий форму буквы Y* – ср. *wye*, что может быть объяснено семантическими особенностями существительного

как лексико-грамматического класса слов.

Особенностью глагольных обобщающе-конкретизирующих лакун является их способность подразделяться на **собственно обобщающе-конкретизирующие и псевдообобщающе-конкретизирующие** (Суханова 2012, с. 57). Так, лакуна *двигаться или наклоняться под углом* – *ср. angle* является собственно обобщающе-конкретизирующей, поскольку обобщение *двигаться или наклоняться* представлено эксплицитно с одновременной конкретизацией по признаку образа действия.

Псевдообобщающе-конкретизирующие лакуны, подобно собственно обобщающе-конкретизирующим, выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке одновременно как обобщения, так и конкретизаций. Однако обобщение в данном случае выражается синонимичными лексемами, что и позволяет называть такие лакуны псевдообобщающе-конкретизирующими. Например: *быстро листать, перевёртывать страницы книги* – *ср. ruffle; внезапно стихать, прекращаться (о ветре)* – *ср. slump*.

Исследования субстантивных и адъективных лакун показали невозможность выделения у них подобных подтипов, все обобщающе-конкретизирующие субстантивные и адъективные лакуны являются собственно обобщающе-конкретизирующими, поскольку обобщение в их словарных дефинициях выражено либо одним словом (преимущественно у существительных), либо лексемами, не вступающими между собой в синонимические отношения. Например, *то, что излучает слабый прерывистый свет* – *ср. twinkle; не освещенный или не согретый солнцем* – *ср. unsunned*.

Как показало исследование субстантивных лакун, только у них выделяется отдельный подтип – **конкретизирующие лакуны с денотативным ограничением** (Махонина 2006, с. 70). Такое ограничение может быть представлено либо в виде закрытого списка денотатов (*животное, птица или рыба, пытающиеся падалью* – *ср. scavenger*), либо указанием на исключение отдельного денотата из денотативной отнесенности лексического соответствия (*промышленная рыба (кроме камбалы)* – *ср. roundfish*).

Анализ корпуса глагольных лакун показал, что среди конкретизирующих и обобщающе-конкретизирующих лакун встречается отдельный подтип – лакуны с денотативным расширением (Суханова 2012, с. 61). В случае лакун с денотативным расширением список денотатов расширяется за счёт использования сочетания «и т.п.» и остаётся открытым. Примерами такого рода лакун могут служить конкретизирующая лакуна *попрошайничать в питейных заведениях и т.п.* – *ср. beachcomb* и обобщающе-конкретизирующая лакуна *запасать и хранить в погребе вино и т.п.* – *ср. lay down*.

Отметим, что лакуны с денотативным расширением наблюдаются также у субстантивных и адъективных лакун, например, *сбор, взимаемый за право постройки ларька и т. п.* –ср. *stallag*; *поддающийся заучиванию, изучению и т. п.* –ср. *learnable*.

В целом, проведенное исследование позволило выявить следующие типологические особенности лакун различной частеречной отнесенности:

- Только у глагольных обобщающих лакун выделяется подтип лакун консективных;
- Только глагольные обобщающе-конкретизирующие лакуны могут быть псевдообобщающе-конкретизирующими;
- Только у адъективных лакун зафиксированы имплицитно-обобщающие и дизъюнктивно-конъюнктивно обобщающие лакуны;
- Только субстантивные лакуны характеризуются подтипом лакун с денотативным ограничением.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2006.
2. Петросян Ж.В. Проблема адъективной лакунарности (на материале русско-английских адъективных лакун): дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2011.
3. Суханова О.В. Лакунарность глагольной лексики (на материале русско-английских глагольных лакун): дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2012.

Е.А. Маклакова

Трафаретная модель аспектного семного описания значения (на материале русских и английских наименований лиц)

В процессе исследования семной структуры отдельной семемы и проведения семного описания и контрастивного сопоставления семантики наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке (7,5 тысяч наименований лиц в русском языке, около 20 тыс. значений, 300 тыс. контекстов их употребления и 6,5 тыс. наименований лиц в английском языке) был выявлен набор сем, релевантный для аспектного описания семантики наименований лиц в русском и английском языках, разработана модель *аспектного семного*

описания значений и осуществлена унификация метаязыка семного описания наименований лиц в двух языках.

Аспектный подход к описанию семной структуры отдельной семемы выражается в последовательном описании денотативного, коннотативного и функционального макрокомпонентов каждой семемы. Данная модель имеет следующую структуру.

1. Денотативный аспект: включает семы, выявление которых связано с категоризацией действительности на основе типового представления об обозначаемом лице. Описание денотативного макрокомпонента значения семемы производится посредством перечисления *денотативных* сем значения по следующей схеме:

- архисема (*лицо, совокупность лиц, лицо // совокупность лиц*),
- полоразличительный признак (*женский пол, мужской пол, мужской // женский пол*),
- интегральный признак тематической группы (*глухой – сема физические особенности: лишен слуха; солдат семема-1 – сема отношение к военной службе: состоит на военной службе; олух царя небесного – сема интеллектуальные способности: отличается полным отсутствием ума и сообразительности; виртуоз семема-1 – сема уровень профессиональной подготовки: обладает совершенной техникой своего искусства; и т.п.*),
- яркие дифференциальные семы

– для выявления ярких и доминирующих сем в структуре отдельной семемы в нашем исследовании был сформулирован и апробирован *прием негативации семантики*. Суть его сводится к тому, что яркий или доминирующий микрокомпонент значения будет всегда отрицаться в конструкции типа «он / она НЕ кто-либо, так как НЕ (семантический признак)», например:

он / она не *банкир* (не работает в банке), не *вратарь* (не защищает ворота своей команды), не *новатор* (не вносит новые, прогрессивные идеи), не *отпускник* (не находится в отпуске), не *очкарик* (не носит очки), не *паломник* (не совершает паломничество) и т.п.,

• периферийные дифференциальные семы (*временной период: постоянно, временно, на определенный срок; цель действия: в оздоровительных целях, в познавательных целях, для отдыха; месторасположение: в горах, на хуторе, в деревне, в северных районах, на полярной станции; направление движения: мимо, навстречу, впереди; и т.п.*).

2. Коннотативный аспект: сосредоточена информация об оценочном и эмоциональном отношении субъекта к объекту номинации на основе собственного или уже имеющегося в социуме колективного знания. Оценка является способом выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, эмоция – выражение свойственных личности психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний положительные (приятные) или негативные (неприятные)

ощущения говорящего. Описание коннотативного макрокомпонента значения семемы осуществляется при помощи перечисления **коннотативных** сем следующим образом:

- оценочная сема (**неоценочное, одобрительное, неодобрительное**);
- эмоциональная сема (**неэмоциональное, положительно-эмоциональное, отрицательно-эмоциональное**).

3. **Функциональный аспект**: содержит семантические признаки, которые обусловлены функционированием слова в системе языка, без информации об этом употребление лексической единицы в коммуникативном процессе становится весьма затруднительным, а в ряде случаев может привести к проблемам непонимания. Описание функционального макрокомпонента значения осуществляется в следующей последовательности:

стилистический микрокомпонент указывает на условия использования лексических и фразеологических единиц, на их принадлежность к одной из дифференциальных разновидностей языка, которая обычно связана с определенной сферой употребления речи (**книжное – высокое, поэтическое, официально-деловое; межстилевое; разговорное; сниженное – просторечное, жаргонное, сленговое, вульгарное**);

социальный микрокомпонент указывает либо на отсутствие социальных ограничений (**общеупотребительное**), либо на определенную социальную группу, в которой данная лексика используется (**социально-неограниченное, т.е. употребляется всеми носителями языка – общеупотребительное; социально-ограниченное – детское, молодежное, студенческое, уголовное, солдатское, семейное, юридическое, военное, театральное, церковное, музыкальное, спортивное, медицинское, компьютерное и т.п.**);

temporальный микрокомпонент указывает на восприятие языковым сознанием слова как обладающего определенной временной характеристикой (**современное, новое, устаревающее, устаревшее**);

территориальный микрокомпонент указывает на регион употребления данной лексики (**территориально-неограниченное – общераспространенное; территориально-ограниченное – в России, в ряде стран Латинской Америки, в странах Африки, ирландское, шотландское, американское, британское, в Германии и некоторых др. странах, на Украине, в Грузии, на Дону и т.д.**);

частотный микрокомпонент указывает на степень употребительности данной лексики в современной речи носителей языка, при этом учитывается представленность единицы в современной речи всех социальных, возрастных, профессиональных групп (**неупотребительное, редкое, малоупотребительное, употребительное, высокоупотребительное**);

социально-корректирующий микрокомпонент характеризует лексику, которая социально показана (**политкорректное**) / противопоказана (**неполиткорректное**) к употреблению в современном дискурсе по

отношению к определенным группам граждан и выражает социальное отношение общественного сознания к данной группе лиц;

коммуникативно-тональный микрокомпонент отражает в семной структуре значения то или иное субъективное отношение говорящего к объекту наименования в ситуативных или статусно обусловленных контекстах (то есть отражает задаваемую данным компонентом тональность общения или тональность отдельного речевого акта) и характеризует лексику, которая употребляется с целью оказания эмоционально-волевого воздействия на слушающего (**тонально-нейтральное, почтительное, вежливое, восхитительное, дружеское, ласковое, шутливое, ироничное, сочувственное, фамильярное, уничижительное, пренебрежительное, презрительное, грубое, бранное**).

Таким образом, *трафаретная аспектная модель семного описания* наименований лиц в структурированном виде имеет следующую форму:

1. *Денотативный аспект*. Семный состав денотативного аспекта:

архисема,

полоразличительная сема,

доминирующая опорная дифференциальная сема,

другие яркие дифференциальные семы,

слабые периферийные дифференциальные семы;

например:

лицо, женский пол, старого возраста (*старушка*);

лицо, мужской пол, преимущественно молодого возраста, большого роста, бестолковый, не любит работать (*балбес*);

лицо, мужской пол, любит ухаживать за женщинами, обычно без серьезных намерений, обычно зрелого возраста (*волокита*);

лицо, мужской пол, пожилого возраста, крепкого телосложения, невысокого роста (*старичок-боровичок*);

лицо мужской // женский пол, отличается тихим и безобидным нравом, не может постоять за себя (*божья коровка*);

2. *Коннотативный аспект*. Семный состав коннотативного аспекта:

оценочная сема,

эмоциональная сема;

например:

неоценочное, положительно-эмоциональное (*старушка*);

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное (*балбес*);

неоценочное, неэмоциональное (*волокита*);

одобрительное, положительно-эмоциональное (*старичок-боровичок*);

контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность (*божья коровка*);

3. *Функциональный аспект*. Семный состав функционального аспекта:

стилистическая сема,

социальная сема,

temporальная сема,
 территориальная сема,
 частотная сема,
 сема социальной коррекции,
 сема коммуникативной тональности;

например:

межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, ласкательное (*старушка*);

просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, фамильярное (*балбес*);

разговорное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное, малочастотное, политкорректное, тонально-нейтральное (*волокита*);

разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, ласкательное (*старичок-боровичок*);

разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, ироничное // пренебрежительное (*божья коровка*).

Модель названа нами *трафаретной*, поскольку ее применение напоминает наложение на семантику описываемого слова, а также контрастивно сопоставляемых слов, трафарета с заранее определенными типами семантических компонентов, которые нужно выявить и описать.

Исследование показало, что данный метаязык применим и для описания английских переводных соответствий. Для описания межъязыковых соответствий по трафаретной аспектной модели и проведения их контрастивного анализа следует произвести:

- 1) подбор для каждой семемы исходного языка (в нашем случае – русского) переводных соответствий в фоновом языке (английского);
- 2) описание семной структуры переводных соответствий по предложенной выше схеме на основе анализа словарных дефиниций и контекстов их употребления;
- 3) корректировку и унификацию семного описания семемы исходного языка и её переводного соответствия для уточнения формулировок сем.

Результаты семного аспектного описания контрастивных пар двух языков имеют следующие варианты представления:

1. герой семема-1 = *hero*

лицо	лицо
мужской пол	мужской пол
совершило подвиг	совершило подвиг
проявило личное мужество	проявило личное мужество
готовность к самопожертвованию	готовность к самопожертвованию
одобрительное	одобрительное
положительно-эмоциональное	положительно-эмоциональное
межстилевое	межстилевое
общеупотребительное	общеупотребительное

современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

современное
общераспространенное
частотное
политкорректное
тонально-нейтральное

2. *контральто семема-2 = contralto singer*

лицо, женский пол, обладает низким певческим голосом;
неоценочное, неэмоциональное;
межстилевое, музыкальное, современное, общераспространенное, частотное,
политкорректное, тонально-нейтральное;

3. *сума переметная*

лицо, мужской или женский пол, легко меняет свои убеждения, переходит из одного противоборствующего лагеря в другой;
неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общеупотребительное, устаревающее, общераспространенное,
малочастотное, неполиткорректное, презрительное;
~ *weathercock* (флюгер), **отсутствует сема:** переходит из одного противоборствующего лагеря в другой;
~ *a man of straw* (человек из соломы) **присутствуют дифференциальные семы:** мужской пол, ненадежный человек; современное, употребительное.

Применение предлагаемой модели аспектного описания значения конкретного слова

- облегчает анализ и описание семантики, поскольку показывает исследователю направление поиска того или иного семантического компонента;
- облегчает формулирование сем, поскольку дает возможность во многих случаях выбирать уже готовые единицы унифицированного метаязыка;
- позволяет описать значения разных слов по единым принципам, что облегчает установление системных связей между ними, системной интеграции и дифференциации значений по семантике, облегчает сопоставление единиц лексики в межъязыковом аспекте;
- позволяет единообразно описывать значения исследуемых слов в толковых словарях, что делает их более доступными в плане понимания для пользователей словаря;
- представляет более информативное и четко структурированное описание семантики слова.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

А.П. Бабушкин

Англо-русские параллели фразеологизмов со словами *water/вода*

Статья посвящена интересному явлению – на примере фразеологизмов, в состав которых включается лексема «вода», выявляются отдельные, но далеко не единичные параллели в образном мышлении носителей двух неродственных языков – английского и русского. Гипотетической основой для существования данного феномена служит тот факт, что вода – источник жизни на нашей планете – с незапамятных времен представлялась человеку как одна из основных стихий мироздания, наряду с землей и воздухом (Славянская мифология 1995, с. 96). Вода из родников, колодцев и водоемов всегда была народной поилицей, а наполняя реки, моря и океаны подводными обитателями – еще и кормилицей. Вода очищает, она служит средством передвижения. Люди издавна используют ее энергетическую силу.

По этим и многим другим причинам вода является неотъемлемой частью не только бытовой, научной, но и образной картины мира. Лексема «вода» – нередкий гость фольклорных произведений, песен и сказок. Словарь любого языка содержит множество идиоматических выражений, включающих слово «вода». Считается, что фразеологический состав языка глубоко национален. Привычно называть совокупность ФЕ – «народной сокровищницей», в которой тот или иной языковой коллектив представляет присущие только ему стереотипы образного мышления, построенные на наблюдательности людей, говорящих на одном языке, и их природном юморе. Тем любопытнее становится «сближения» в этом «видении мира» и совпадения в оценке его реалий.

В результате сплошной выборки из Англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина были собраны примеры, в которых автор усматривает сходства ФЕ английского и русского языков, ставя между ними «знак равенства» или «приблизительного равенства».

Сравните английское *be in low water* (страдать из-за отсутствия денежных средств) и русское *сидеть на мели*. В русском аналоге лексема «вода» отсутствует, но слово «мель» ее предполагает («мель» – мелководное место в реке, водоеме). *Be in smooth water* (обрести покой в результате преодоления определенных трудностей) сопоставимо с выражением *достичь тихой гавани* (где «гавань» – прибрежная часть

водного пространства, используемая для стояния, причала и ремонта судов). *Carry water in sieve* соответствует русскому *носить воду решетом*, также как *fish in troubled water* – *ловить рыбу в мутной воде*.

И англичане, и русские в движении воды видят проявление финансового изобилия (Ср.: *Money flows like water* и *Деньги текут рекой*). Любопытно совпадение английского *like water off a duck's back* и русского *как с гуся вода*, в которых единственное различие заключается в том, что в одном случае речь идет об утке, а в другом – о гусе.

Составитель словаря нашел удачный «перевод» английского фразеологизма *still waters have deep bottoms* (что-то в роде: *в спокойной воде дна не достать*) в виде русского – *в тихом омуте черти водятся*. Подтекст обеих ФЕ – одинаков: проявление внешнего порядка и спокойствия может быть обманчивым. Один к одному совпадают фразеологизмы *a lot of water has flowed since...* и *много воды утекло с тех пор...* Нельзя не заметить смысловой близости в идиомах: *it's no safe wading in an unknown water* и *не зная броду, не суйся в воду*, а также *pour (или throw) cold water on somebody* и *облить (кого-то) холодной водой*. О драгоценном камне англичанин скажет, что он – *of the first water*, а русский назовет алмаз камнем *чистой воды*.

Кстати, в книге Ю. Германа «Дело, которому ты служишь» читаем: «Я коллекционер *чистой воды*. Есть, например, люди, которые собирают марки, есть – картины, бронзу, деньги». Возможность такой же интерпретации идиомы находим в авторитетных словарях английского языка: «When you say that something is *of the first water*, you mean it is the thing of the best examples of it» (т.е. вещь, которой приписывается качество чистой воды – в английском аналоге: *первой воды* – представляется лучшим примером (или экземпляром) того, о чем идет речь).

В свою очередь, *water bewitched* есть нечто иное – *водичка, слабый чай*. По ассоциации вспоминается русское выражение «одна вода» – так говорят о том, где обилие воды вовсе не желательно (*суп – вода водой*).

Русская фраза «много воды» звучит в виде неодобрительной оценки того, что слушают или читают («в докладе много воды»). На память приходит и строчка из песни А.И. Островского на слова К.Я. Ваншенкина: *Вода, вода, кругом вода...*, в переосмыщенном виде понимаемая как нечто пустое, бессодержательное.

Думается, что носителю английского языка был бы также понятен смысл высказывания *There is much water in this article*.

См. другие фразеологические параллели, типа: *written in water* и *на воде писано (вилами на воде писано)*; *go through fire and water for somebody* и *идти за кого-то в огонь и воду*.

Приведенные примеры позволяют сделать следующие выводы. Носителей обоих языков – английского и русского – роднит возможность переноса слова *water/вода* на проявления человеческой натуры, различные

житейские обстоятельства, как правило, воспринимаемые с долей юмора. Сходства, отмеченные в английских и русских фразеологизмах, объясняются единством знаний обоих народов о многогранных свойствах этой «прозрачной жидкости, без цвета, без запаха» (как определяют воду соответствующие словари), свойства, которые образно и удивительно похоже осмысливаются людьми, говорящими на разных языках.

Вместе с тем, ряд явных совпадений ФЕ в английском и русском языках нельзя возводить в абсолют, более того – переносить этот факт на всю фразеологию. Имеется множество случаев, когда английские и русские фразеологические выражения, в том числе, включающие в свой состав слово «вода», являются уникальными и по форме, и по содержанию. Ниже приводятся некоторые из таких ФЕ. См. английские: *draw a lot of water* – быть влиятельным человеком, важной персоной, «шишкой»; *have water in the brain* – у человека «не все дома»; *it's all water under the bridge* – о том, что случилось в прошлом, а сейчас уже давно забыто или утратило свою актуальность (русское *что было, то было* не содержит аллюзии к воде). Свое своеобразие имеют русские ФЕ: *Возить воду на ком-то, дуть на воду, толочь воду в ступе*. Прямой перевод таких идиом, вне контекста «развернет» в сознании людей, говорящих по-английски, более, чем странные «сценарии».

Однако указанные нами варианты совпадений не случайны, и в своей «неслучайности» они достойны внимания исследователя.

Литература

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 1984.
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

И.А. Барабушка

Индивидуально-авторская метафора в образах города в русской и английской прозе конца XX – начала XXI века

В современной гуманитарной науке представление об окружающей действительности связано с понятиями картины мира и образа мира. Репрезентация образа мира, как правило, невозможна без метафоризации, которая позволяет творческой личности максимально полно воплотить в слове переживаемый ею образ мира и становится способом, «выстраивающим сложную диалектическую систему отношений между формой и содержанием, преломляющуюся в различных аспектах существования художественного текста» (Чумаков 2010, с. 459).

Метафоры позволяют нам рассмотреть познаваемое через уже познанное, интерпретировать хорошо известное через нетрадиционные

сопоставления. Метафора становится неким универсальным механизмом, приводящим во взаимодействие «и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину мира – создать ее языковую картину, воспринимаемую за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений» (Телия 1988, с. 180).

В настоящем исследовании мы рассматриваем метафору не в качестве средства выразительности речи, а в качестве механизма мышления, направленного на организацию познавательной деятельности человека, и служащего средством и способом концептуализации окружающей действительности. «Языковая метафора есть отражение метафоры когнитивной» (Мишанкина 2003, с.109), и анализируя ее, мы получаем возможность исследовать особенности когнитивной модели интерпретации того или иного фрагмента действительности носителями данной лингвокультуры.

Большинством исследователей выделяются метафоры узуальные (освоенные носителями языка) и индивидуально-авторские, возникающие, чаще всего, в языке художественной литературы. **Узуальная метафора** (мертвая, стершаяся) является неотъемлемой частью языковой системы, она воспроизводится носителем языка зачастую без осознания им переносного значения. **Индивидуально-авторская метафора** выводит предмет за рамки стандартного восприятия, отражает личностное видение мира, предлагает новые, порой неожиданные возможности для сопоставления реалий и понятий, а также «обогащает семантико-стилистическое пространство слова окказиональными коннотациями» (Чумаков 2010, с. 456). Таким образом, авторская (окказиональная) метафора становится для личности инструментом познания мира, поскольку базируется на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира и создает на этой основе новые смыслы.

В рамках исследования тематической группы «урбанистические реалии» были рассмотрены 5000 примеров, взятых из Национального корпуса русского языка, в которых встречается лексема «город» и 2760 примеров, взятых из The British National Corpus, в которых встречается лексема «city». Приводимые ниже данные представляют собой результат анализа окказиональных (т.е. встречающихся не чаще 1-2 раз) метафорических образов города, которые не только обладают высоким экспрессивным потенциалом, но и характеризуют индивидуальность автора, являясь результатом диалогического общения человека с городом.

Так, дуализм природы городской среды, являющейся одновременно и физической частью нашего бытия, и феноменом духовной жизни человека, находит отражение в том, что при восприятии города человек

концентрируется либо на внешнем, либо на внутреннем содержании данного культурного концепта. Так в русском языковом сознании «внешность» города может приобретать следующие формы:

- **Солнце**

Мы видели людей, умерших задолго до рождения Христа, мы видели город, похожий на солнце, как его рисовали древние славяне, город-колесо.

- **Кристалл**

Кристалл с тысячью граней, или дерево с тысячью веток, или город?

- **Растение (дерево)**

Его первый вольный порыв вознес его над Москвой, и он замер в восторге, опираясь на воздух, озирая розово-белый город, похожий на срез огромного дерева, в кольцах, слоях, в радиальных прожилках и линиях.

Возможно, стремление уподобить архитектуру застывшей музыке наделяет город такой чертой как «хороводность»: *Мой длинный зонт, в скрипичных ключах, привезенный из хороводного венского города, вычерчивал нечто на земле перед скамейкой.*

Для некоторых город – это не просто окружающая среда, это нечто более близкое, такое же необходимое, как уютная одежда:

Яна тебя, проклятого, достанет, в какой бы из своих потайных карманов ни спрятал тебя этот город, Яна глаз не сомкнет и росы не пригубит, пока не вытряхнет тебя из твоего обмана!

Повсюду блестели купола церквей, и город из-за этого представлялся огромной косухой, густо усыпанной бессмысленными заклепками.

Постоянное движение города, его суeta делают его похожим на муравейник:

Он надеялся, что Бенарес (Варанаси) будет напоминать беспорядочный муравейник, а он, Трубников, хоть и пестрый муравей (он всегда носил яркие малиновые костюмы), но вряд ли будет сильно выделяться в таком городе.

Звуки города, его шумность отчасти напоминают крикливого младенца:

Уж очень хороши был тихий, ясный, предвечерний свет, и замолчавший после сирен город — как младенец после крика, — и глубокое голубое небо в больших, чисто вымытых, косо пересечённых стёклах.

Интересным представляется видение города как потенциальной возможности «выбиться в люди» сквозь призму повседневных мелочей, сопутствующих данному процессу:

В сущности, город представлял собой пачку папирос и жетон на метро с вероятностью попасть на пир и выйти в дамки.

Размеры города, его масштабность и некая чужеродность уподобляют город материку:

Тогда они смогут уехать из города, который подобно Атлантиде погрузится в равнодушное море забвения.

Неприятие города, ощущение его чужеродности также рождают в сознании человека образ места, в котором не хочется жить:

Постепенно город почти обезлюдел и выглядел заброшенным приютом для сумасшедших, стариков и сопливых детей.

Этот город наверняка тосклив, как вечность. Как число со множеством нулей, которые обессмыливают человеческое существование.

Хочется отметить, что с точки зрения внутреннего содержания, в русской литературе акцентируется интеллектуальный аспект существования города. Таким образом, восприятие индивидом города сквозь призму образов, созданных литературой и искусством, превращает его в некий результат интеллектуального творчества, продукт интеллектуальной деятельности:

Амстердам, входящий в тройку богатейших городов мира, с его ожерельями узких, в три окна, средневековых домов, нанизанных на нитки каналов, велосипедистами, стадами неприкаянных автомобилей, магазинами бриллиантов, где служат почему-то только ортодоксальные евреи с бородами и в кипах, напоминает огромный ребус – какой-то должен же быть в этом высший смысл!

А уходить самой... только не сейчас, жизнь пока дает свободу ярким цветам, новый город, похожий на неизвестную сказку Андерсена, открывает свои потайные щели.

Ощущение иллюзорности бытия, а также стремление отгородиться, дистанцироваться от окружающей действительности превращают городскую среду в некое подобие декораций, своего рода театральных подмостков, на которых люди «играют» спектакль-жизнь:

Свежий ветерок с мелкими каплями дождя долетал в раскрытое окно машины. Она любила езду по ночному городу. Пустые улицы, казавшиеся декорацией из какого-то старого фильма, невозможное днем ощущение легкости и освобождение от забот.

Вошло в привычку и даже стало ритуалом во все прочие дни таить в себе сладкую жуть суббот, в священный же вечер отъехать от дома, где всё назойливо кричит о сиюминутности подальше, в ту часть города, где давно не бывал, и в сумерках (особо желателен туман) идти по малолюдной улице; бесплотными тенями проишмыгивают мимо случайные прохожие – как даты, события, эпохальные происшествия, до которых сейчас, в эту именно субботу, нет никакого дела, они лишние, они безынтересны, их день и час ещё не настал, но грянет календарное число – и уже на другой улице, в другую субботу заголосят немые тени; раздвинется занавес – и на сцене возникнут новые персонажи, на них, как бы в кресле развались, и будет посматривать он, Гастев.

Что касается английского языкового сознания, то в нем «внешность» города уподобляется по форме следующим образом:

- **Веер**

The city fans upwards from the coast, its white towers climbing gracefully into the foothills of the distant mountains.

- **Драгоценный камень**

And it introduced her to Budapest, a jewel of a city.

Below us, the city twinkled; jewels in black velvet.

- **Растение (каменная роза)**

The black and iron-frosted gardens of a city that was once a rose of stone, and now was only stone ...

Постепенно трансформируясь в сознании человека из безликой внешней среды в более близкое, обжитое пространство, город начинает восприниматься как собственная квартира (*This broad flat street was the city's living room.*), или одежда (*They hid in the city's petticoats. They stayed awake.*).

В отличие от русскоязычной лингвокультуры, англичане уподобляют шумный, полный суеты и движения город не муравейнику, а улью:

Rich planet though Stalin vast was, real food couldn't necessarily be guaranteed in a hive city, even in an Empire Hotel; not least in a time of strife.

Ощущение собственной чужеродности и ненужности, желание уйти от окружающей обстановки лежат в основе уподобления города затерянному материку:

Every last city will turn into Venice and Venice will turn into the lost city of Atlantis.

Интересным представляется тот факт, что если образ «город-лабиринт» в русской прозе широко распространен, в английской художественной литературе исследуемого периода данный образ относится к индивидуально-авторским:

The city was a vast maze of narrow alleys pocked with ale houses and middens, shops and smithies, brothels and moneylenders.

Таким образом, анализ окказиональных (индивидуально-авторских) метафорических образов города показал, что наряду с метафорами, образы которых относительно сходны (Атлантида, растение, одежда), имеются и специфичные для каждой из рассмотренных лингвокультур. Так в русской прозе – это сравнение города с декорациями/театральной сценой, с продуктом интеллектуального творчества, заброшенным приютом и др.; в английской прозе – это особенности внешности города, его форма (веер, драгоценный камень). Особенности восприятия различных аспектов существования города и отражение их в русской и английской лингвокультурах позволяют в более полной мере описать всю сложность и многообразие городской среды, как целостного феномена. То, что некоторые из окказиональных метафорических образов, обнаруженных в

исследованных лингвокультурах, совпадают, предположительно является результатом современной тенденции к интеграции культур.

Литература

1. Мишанкина Н. А. Метафорическое моделирование саундшафта романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»// Миромоделирование в языке и тексте. – Томск, 2003. – С. 106–116.
2. Национальный корпус русского языка. – <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2012)
3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М, 1988. – С. 183-204.
4. Чумаков А.Н. Метафора как инструмент репрезентации образа мира языковой личности// Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: I Международная научно-практическая интернет-конференция: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова; филологический факультет; 5 –12 октября, 23 ноября – 7 декабря 2009 г.: Труды и материалы. – М., 2010. – С. 455-460.
5. The British National Corpus. – <http://bncweb.lancs.ac.uk> (дата обращения: 07.01.2013)

И.Ю. Вострикова

Особенности проявления национальной специфики ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках

Исследования в области сопоставительного языкознания проводятся многие десятилетия, при этом в последние годы приоритет в данной области отдается сопоставительно-параметрическому методу, разрабатываемому в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы. Этот новый, современный подход в сопоставительных исследованиях дает возможность объективно взглянуть на результаты проявления национальной специфики лексических единиц, групп, полей, текстов и т.д. в сопоставляемых языках. К настоящему моменту исследователями разработано более ста формализованных параметров (индексов), сопоставление которых дает возможность сравнить проявление национальной специфики в разных языках в процентах или абсолютных числах.

Нами было исследовано проявление национальной специфики ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. Отметим, что

при сравнении ЛСП «Трудовая деятельность» национальная специфика наиболее ярко была выявлена в рамках следующих формализованных параметров:

- *Номинативная плотность* – количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик 2004, с.111).

(816 лексических единиц в русском языке и 1337 – в английском);

- *Индекс принадлежности к полю* – отношение общего количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семой поля к общему количеству семем данной структурной единицы (Шишкина 2004, с.34).

(57,72% в русском языке и 51,45% – в английском);

- *Индекс структурно-семантической связности поля* – отношение количества лексем структурной единицы поля, входящих разными семемами в другие структурные единицы поля, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Чернова 2006, с.38).

(17,22% в русском языке и 44,38% – в английском);

- *Индекс лексико-семантической замкнутости поля* – отношение количества лексем, все семеи которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы.

(42,25% в русском языке и 24,04% – в английском);

- *Индекс семантической близости единиц поля* – отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данного поля (Чернова 2006, с.38).

(9,8% в русском языке и 31,79% – в английском);

- *Индекс семантической противопоставленности единиц поля* – отношение количества лексических единиц, образующих антонимические пары, к общему количеству лексем данного поля.

(4,17% в русском языке и 2,54% – в английском);

- *Индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля* – отношение количества лексических единиц со стилистической и/или эмоциональной окраской к общему количеству лексем данного поля.

(14,58% в русском языке и 2,24% - в английском);

- *Индекс представленности одноименных зон поля* – отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля.

(в русском и английском языках соответственно: для ядра – 0,74% и 1,65%, для ближней периферии – 72,18% и 56,99%, для дальней периферии – 16,79% и 26,7%, для крайней периферии – 3,79% и 6,88%).

Отметим, что на данный момент в рамках сопоставительно-параметрического метода исследователями был введен еще целый ряд

индексов, которые могут быть использованы при исследовании нашего материала.

Попробуем применить несколько новых формализованных параметров для сопоставления ЛСП «Трудовая деятельность» и выявления проявления национальной специфики:

- *Семенная плотность* – общее количество семем, репрезентируемых семантиками лексем, номинирующих определенную сферу деятельности (Калугина 2006, с.5).
(32,63% в русском языке и 52,9% в английском языке);
- *Индекс однозначности лексем поля* – отношение количества однозначных лексем поля к общему количеству лексем поля (Колтакова 2008, с.18).
(32,46% в английском языке и 39,09% в русском языке);
- *Индекс денотативной представленности семем* – отношение количества денотативных семем к общему количеству семем поля (Баранова/Кривенко/ 2009, с.18).
(48,33% - в русском и 25,46% в английском языке);
- *Индекс коннотативной представленности семем* – отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем поля (Баранова/Кривенко/ 2009, с.18).
(1,75% в русском языке и 2,24% - в английском);
- *Индекс первичной денотативной отнесенности к полю* – отношение количества лексем, входящих в поле по семеме Д1 к общему количеству лексем поля (Колтакова 2008, с.18).
(65,44% - в русском и 55,42% - в английском);
- *Индекс вторичной денотативной отнесенности к полю* – отношение количества лексем, входящих в поле по семеме Д2 к общему количеству лексем поля (Колтакова 2008, с.18).
(16,18% в русском языке и 25,06% в английском языке).

Для более объективной интерпретации полученных результатов, применим предложенную С.В. Колтаковой градацию оценки степени проявления национальной специфики семантики и сравним значения используемых нами формализованных параметров.

Отметим, что *существенные национально-специфические* различия, под которыми понимаются расхождения между показателями индексов более 10% или отношение абсолютных показателей сравниваемых групп больше 1,3 (Колтакова 2008, с.18), выявлены нами по следующим параметрам:

- номинативная плотность (816 лексем в русском языке и 1337 лексем в английском). Относительная же номинативная плотность (термин Т.А. Чубур – Чубур 2005, с.10) равна 1,6;
- индекс структурно-семантической связности (17,22% в русском языке и 44,38% – в английском);
- индекс лексико-семантической замкнутости (42,25% в русском языке и 24,04% – в английском);
- индекс семантической близости единиц поля (9,8% - в русском и 31,79% - в английском);
- индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля (14,58% в русском языке и 2,24% в английском языке);
- индекс представленности одноименных зон поля (в русском и английском языках соответственно: для ближней периферии – 72,18% и 56,99%, для дальней периферии – 16,79% и 26,7%);
- семемная плотность (32,63% в русском языке и 52,9% в английском языке);
- индекс денотативной представленности семем (48,33% - в русском и 25,46% в английском языке);
- индекс первичной денотативной отнесенности к полю (65,44% - в русском и 55,42% - в английском).

Заметные национально-специфические различия, под которыми понимаются расхождения между показателями индексов от 5 до 10% (Колтакова 2008, с. 18), выявлены нами по трем параметрам:

- индекс принадлежности к полю (40% в русском языке и 31,96% – в английском);
- индекс однозначности лексем поля (32,46% в английском языке и 39,09% в русском языке);
- индекс вторичной денотативной отнесенности к полю (16,18% - в русском и 25,06% - в английском).

В целом национальную специфику исследуемых полей можно охарактеризовать как *ярко выраженную* (Колтакова 2008, с.18), поскольку подавляющее большинство использованных нами параметров показывают существенные и заметные расхождения в показателях сопоставляемых индексов.

Литература

1. Баранова / Кривенко / Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С.18-21.
2. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на

- материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
3. Калугина В.А. национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): автореф. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
 4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.– М., 2004.
 5. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках): автореф. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
 6. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С.3-18.
 7. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
 8. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2005.
 9. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2004.

С.И. Деркач

**Аспектный анализ национальной специфики
тематической подгруппы «Наименования политических,
государственных и международных объединений»
в русском и английском языках**

Данная статья посвящена аспектному описанию национальной специфики семантики одной из тематических групп «Политика» в русском и английском языках – «Наименования политических, государственных и международных объединений». Исследование было проведено в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина, Стернин 2011) посредством использования ряда формализованных параметров (индексов). Последние были распределены по следующим аспектам: количественно-структурному, семантического развития лексем группировки, типологической характеристики семем группировки и семантической близости лексем группировки.

Основными параметрами **количественно-структурной** характеристики лексической группировки являются *номинативная плотность*, (Карасик 2004, с. 111), а также *структурная сложность лексической группировки* (количество ее структурных единиц)⁴.

В русском языке данная подгруппа является однородной по составу и насчитывает 15 лексем: *восьмёрка, двадцатка, семёрка, шестерка, блок, Европарламент, Интернационал, коалиция, конфедерация, лига, организация, сообщество* и др.

Номинативная плотность одноименной подгруппы английского языка – 20 лексических единиц: *alliance* (*союз между государствами*), *coalition* (*коалиция*), *confederacy* (*конфедерация, союз государств*), *confederation* (*конфедерация, союз государств*), *hexarchy* (*союз шести государств*), *league* (*лига, союз*), *superpower* (*международная организация, способная применять санкции в отношении какого-либо государства*) и др.

Основываясь на проведенном выше анализе количественно-структурного аспекта национальной специфики исследуемой тематической группы, рассмотрим аспект семантического развития лексем, составляющих данную группу в русском и английском языках посредством использования следующих параметров: *семенная плотность* (Калугина 2006, с. 5) *индекс однозначности лексем группы* (Колтакова 2008, с. 38), *индекс полисемантичности* (Шишкина 2004, с. 34), *индекс принадлежности к исследуемой тематической группе* (Шишкина 2004, с. 34).

В русском языке данная подгруппа включает три однозначные лексемы и 12 лексем, демонстрирующих полисемию. При этом все развивающие многозначными лексемами семемы содержат семы, выходящие за пределы рассматриваемой тематической группы.

В качестве примера приведем семантику лексемы *союз*. В ее состав входит семема Д1 и четыре семемы Д2. Семемой Д1 в семантике данной лексемы является семема «тесное соединение, связь (отдельных лиц, групп, классов и т.п.)» /*дружеский союз*/ . Статус семемы Д2 имеет семема «государственное объединение, состоящее из нескольких государств, земель и т.п., с общей верховной властью» /*Союз Советских Социалистических Республик*/, по которой данная лексема входит в рассматриваемую тематическую подгруппу. Еще три семемы Д2 не содержат семы исследуемой группы лексики: «объединение, соглашение для каких либо совместных действий, целей» /*тайный союз*/, «общественная организация, объединение» /*Союз писателей*/, «служебное неизменяемое слово, служащее для соединения слов и предложений» /*сочинительный союз*/.

⁴ Здесь и далее, индексы, разработанные другими исследователями, даются с указанием на источник, а индексы, введенные нами, объясняются в скобках.

В целом лексемы данной подгруппы развиваются 51 семему. Следовательно, индекс полисемантичности данной подгруппы равен 3,4. Однозначными являются три лексемы, из чего следует, что индекс однозначности лексем подгруппы здесь равен 20%. Семы рассматриваемой группы лексики содержатся в 16 семемах, таким образом, индекс принадлежности данной подгруппы к исследуемой тематической группе составляет 31,4%.

Из 20 английских лексем одиннадцать являются однозначными, пять лексем двузначны, и еще четыре характеризуются развитой полисемией. Исследование показало, что лексемы *alliance*, *bloc* и *superpower* содержат в своих семантиках семемы входящие в состав других структурных единиц тематической группы «Политика».

В качестве примера проведем анализ лексемы *superpower*. Семантическая единица данной лексемы включает в свой состав четыре семемы. По семемам Д1 «сила, не имеющая себе равной» и Д2 «общая мощность объединенных энергетических систем» лексема *superpower* выходит за рамки исследуемой тематической группы. По семеме Д2 «международная организация, способная применять санкции в отношении какого-либо государства» /a *Superpower summit*/ данная лексема относится к рассматриваемой тематической подгруппе. По семеме Д2 «сверхдержава, одна из наиболее мощных держав мира» /*War with an emerging superpower like China would mean World War Three.*/ эта лексема вошла в одну из подгрупп тематической группы «Государство» – «Характеристика государств».

В целом 20 лексем данной подгруппы развиваются в своих семантиках 41 семему. Следовательно, индекс полисемантичности равен 2,1. Однозначными являются 11 лексем подгруппы, таким образом, индекс однозначности составляет 55%. Сему изучаемой тематической группы содержат 21 семена, из чего следует, что индекс принадлежности к исследуемой тематической группе равен 53,7%.

Основными параметрами исследования **аспекта типологической характеристики семем группировки** являются: индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с. 38), индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с. 38), индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с. 38), индекс первичной коннотативной отнесенности (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы), индекс денотативной и коннотативной отнесенности (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы).

Из 15 лексем данной подгруппы в русском языке семь входят в нее по

семеме Д1, четыре – по семеме Д2 и четыре лексемы (**«шестерка», «семерка», «восьмерка», «двадцатка»**) вошли в данную подгруппу по семеме К1. Таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности равен 46,6%, индекс вторичной денотативной отнесенности равен 26,7%, а индекс конотативной отнесенности к группе составляет 26,7%.

В английском языке 17 из 20 лексем рассматриваемой подгруппы входят в нее по семеме Д1, три – по семеме Д2. Таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности к подгруппе оказался равным 85%, а индекс вторичной денотативной отнесенности – 15%.

Основными параметрами исследования **аспекта семантической близости лексем группировки** являются индекс семантической близости единиц группы (Чернова 2006, с.38) и индекс семантической противопоставленности лексем группы (Вострикова 2006, с.7).

Как в русской, так и в английской подгруппе была отмечена семантическая близость лексем данной группировки. Следует отметить, что в сравниваемых тематических группах антонимические пары выявлены не были.

В русском языке лексемы **блок – конфедерация – лига – сообщество – уния** представляют собой синонимический ряд.

В целом 5 из 15 лексем подгруппы демонстрируют синонимические отношения. Таким образом, индекс семантической близости лексем данной подгруппы равен 33,3%.

В английском языке из 20 лексем подгруппы четыре (***alliance – bloc – confederacy – confederation*** (союз государств)) образуют синонимический ряд. Таким образом, индекс семантической близости единиц подгруппы равен 20%.

Для определения характера проявления национальной специфики рассматриваемых тематических групп в русском и английском языках по разным аспектам и интерпретации полученных значений индексов воспользуемся предложенной С.В. Колтаковой градацией оценки степени проявления национальной специфики лексики (Колтакова, 2008). Согласно данной шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **несущественные** (если отношение соответствующих абсолютных показателей варьируется в промежутке 1,0 до 1,1, а для показателей в процентах численная разница не превышает 1%), **видимые** (когда различия в абсолютных цифрах попадают в промежуток от 1,1 до 1,2, а различия в процентах – от 1 до 5%), **заметные** (если отношение абсолютных показателей колеблется в пределах 1,2 – 1,3, а расхождения в процентах – от 5 до 10%) и **существенные** (когда отношение абсолютных показателей оказывается более 1,3, а разница в процентных показателях превышает 10%).

По данным проведенного исследования характер национально-специфических различий по рассмотренным аспектам может быть представлен следующим образом:

Количественно-структурный аспект

Параметр	Количественный показатель в русском языке	Количественный показатель в английском языке	Отношение количественных показателей	Характер национально-специфических различий
<i>Номинативная плотность</i>	15	20	1,5	<i>Существенные</i>

Аспект семантического развития лексем группировки

Параметр	Показатель индекса в русском языке	Показатель индекса в английском языке	Отношение абсолютных показателей (разница в значениях, выраженных процентами)	Характер национально-специфических различий
<i>Индекс полисемантичности единиц группы</i>	3,4	2,1	1,6	<i>существенные</i>
<i>семенная плотность</i>	51	41	1,2	<i>заметные</i>
<i>индекс однозначности единиц группы</i>	20%	55%	35%	<i>существенные</i>
<i>индекс принадлежности к группе</i>	31,4%	53,7%	22,3%	<i>существенные</i>

Аспект типологической характеристики семем группировки

Параметр	Значение индекса в русском языке	Значение индекса в английском языке	Разница в значениях индексов	Характер национально-специфических различий
индекс первичной денотативной отнесенности к группе	46,6%	85%	38,4%	существенные
индекс вторичной денотативной отнесенности к группе	26,7%	15%	11,7%	существенные
индекс первичной коннотативной отнесенности к группе	26,7%	0	26,7%	существенные

Аспект семантической близости лексем группировки

Параметр	Значение индекса в русском языке	Значение индекса в английском языке	Разница в значениях индексов	Характер национально-специфических различий
индекс семантической близости лексических единиц группы	33,3%	20%	13,3%	существенные

Таким образом, во всех рассмотренных выше аспектах семантического развития лексем группы наблюдается преобладание **существенных** различий.

Согласно шкале степени выраженности национальной специфики лексической группировки, разработанной С.В. Колтаковой (Колтакова, 2008), если при сравнении двух лексических группировок преобладают **существенные и заметные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **ярко выраженную**. Следовательно, национальная

специфика тематических подгрупп «Наименования политических, государственных и международных объединений» в русском и английском языках может быть признана *ярко выраженной*.

В целом проведенное исследование показало, что с помощью сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований можно успешно проводить аспектное изучение национальной специфики языка. Представляется возможным применение предложенной методики аспектного анализа национальной специфики к изучению других лексических группировок разных языков.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Калугина В.А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
4. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
5. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: возможности и перспективы// Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 3-18.
6. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
7. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2004.

Н.А. Козельская, Али Фарис Хассун Али
**Контрастивная ценность метафор с перцептивными
прилагательными в русском языке на фоне арабского**

Наши наблюдения сделаны в русле сопоставительного изучения системности переносных значений в русском и арабском языках. Предметом исследования явились адъективные метафоры с

перцептивными прилагательными. В ходе анализа семантики компонентов данных сочетаний определились разные типы переносов значения и соответственно разные типы метафор с перцептивными прилагательными. Наше внимание прежде всего привлекла классическая синестезийная (синестетическая) метафора. Эта метафора описана в известной работе С. Ульманна (Ульманн 1970) как языковая универсалия.

Как указывает Ульманн, синестетическая метафора, "состоящая в том, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств, представляет собой древнюю, широко распространенную, а возможно, даже универсальную форму метафоры" (Ульман 1970, с.279). Древность данной формы метафоры подтверждает тот факт, что она встречается в произведениях Гомера и Эсхила, а также присутствует в ряде обычных выражений греческого языка, таких как *barytone* (от *barys* "тяжелый") и *oxytone* (от *oxys* "острый") и в латинских словах *gravis* и *acutus*, к которым восходят современные термины *grave accent* и *acute accent*.

Ульманн отмечает, что синестезия обнаружена в языках Китая, Японии, Индии, Ирана, Аравии, Египта, древнего Вавилона и Палестины. Современные языки изобилуют такого рода метафорами. Некоторые из этих метафор превратились в клише, например: англ. *cold voice* – холодный голос, *piercing sound* – пронзительный звук, *loud colours* – кричащие краски; фр. *couleur criarde* – кричащий цвет, итал. *colore stridente* – кричащий цвет и многие другие (Ульман 1970, с.280).

Как выяснилось, метафоры с перцептивными прилагательными недостаточно изучены в арабском языке и не рассматривались в контрастивном аспекте по отношению к русскому языку. Высокая коммуникативная востребованность в речи лексики, обозначающей восприятие, делает актуальной задачу выявления общего и национально-специфического в синестезийной метафоре русского и арабского языков.

Мы рассматривали сочетания прилагательных, обозначающих восприятие пятью основными органами чувств (зрением, осязанием, слухом, обонянием, вкусом) и существительных, которые обозначают: 1) чувственно воспринимаемые качества, состояния человека, предметов и среды (звук, тон, цвет, контур, голос, свет, блеск, аромат, воздух; зрение, слух, нюх, обоняние, чутье и т.д.) и 2) рационально оцениваемые конкретные и абстрактные объекты, среди которых выделены группы: а) особенности внешнего облика человека, мимика, телодвижения (*взгляд, улыбка, вид, черты лица, глаза, жест, походка* и т.д.); б) личность, характер, ум человека в целом (*человек, характер, нрав, воля, ум* и т.д.); в) чувства и эмоции человека (*радость, бешенство, печаль, зависть* и т.п.) и некоторые другие.

Анализ лексикографического описания перцептивных прилагательных в русском и арабском языках показал, что они отличаются большой

активностью в развитии переносных значений, хотя и разной продуктивностью в зависимости от модуса ощущений. Приведем количественные показатели многозначности русских прилагательных в сопоставлении с арабским языком (первой цифрой указывается количество значений в русском языке, второй – в арабском).

Модус вкуса: сладкий 6 – 4; соленый 5 -5; горький 7 – 4; кислый 8 – 4.

Модус зрения: высокий 7 - 5; низкий 6 – 3; толстый 8 – 7; тонкий 20 – 12; яркий 8 – 7.

Модус осязания: твердый 11 – 5; мягкий 13 – 5; горячий 8 - 3; холодный 11 – 4; теплый 7 – 2; острый 13 – 8; тупой 8 – 3.

Модус слуха: тихий 8 – 2; звонкий 4 – 2; глухой 10 – 3.

Модус гравитации: тяжелый 20 – 7; легкий 21 – 14.

Таким образом, самыми многозначными в русском и арабском языках оказываются прилагательные *легкий*, *тяжелый*, *тонкий*; самыми минимальными по количеству значений в русском языке являются прилагательные *звонкий* (4), *соленый* (5), в арабском – *тихий*, *звонкий*, *теплый* (2). Наиболее активно семантическая деривация проявляется в модусах гравитации, осязания и зрения. Отметим, что нет ни одного примера преобладания переносных значений прилагательных в арабском языке над русскими соответствиями.

Исследователями (Мерзлякова 2001, Скляревская 2004) установлено, что перцептивные прилагательные могут образовывать сенсорные метафоры двух типов: 1. собственно синестезийные, которые обнаруживаются в пределах чувственных ощущений (ср.: *сладкий чай* – *сладкая мелодия*; *мягкий пух* – *мягкий звук*) и 2. синкетические или эмоционально-рациональные, в основе которых лежит перенос конкретного признака на абстрактный объект (ср.: *острый нож* – *острый звук* – *острый спор*; *мягкий пух* – *мягкий звук* - *мягкий характер*). В таких сочетаниях в семантике перцептивных прилагательных нейтрализуется вся информация о чувственном компоненте значения и актуализируются возникающие на ассоциативной основе потенциальные семы, которые характеризуют качество по более абстрактным параметрам. Например, в метафорах: *сухой человек*, *холодный ответ*, *горькая радость*, *темные воспоминания* реализуется оценочный параметр (*приятный* – *неприятный*), в метафорах: *горячее участие*, *глухая ненависть*, *тихая радость*, *прохладные отношения* – интенсивность проявления признака и т.д. И русские, и арабские перцептивные прилагательные образуют сенсорные метафоры названных двух типов.

Проведенное исследование позволило выявить в двух языках сходное и различное в исследуемых метафорических сочетаниях.

Как в русском, так и в арабском языках наиболее универсальными по возможностям описания других видов ощущений являются тактильные ощущения. Прилагательные, обозначающие тактильные ощущения,

используются для передачи слуховых (*мягкий голос, горячие аплодисменты, холодный тон*), зрительных (*холодный взгляд, холодный свет*), вкусовых (*острый соус*) образов. Далее по широте переноса значения следуют прилагательные, обозначающие зрительное восприятие. Они используются для номинации обонятельных (*тонкий запах*), вкусовых (*тонкий вкус*), слуховых (*тонкий слух*) ощущений. Кроме того, в обоих языках есть перенос слуховых ощущений на зрительные (*тихая улыбка*), вкусовых на обонятельные (*горький запах*), гравитационных на слуховые (*легкая музыка*).

Было установлено также большое количество семенных лакун (отсутствия метафорических значений лексем) в арабском языке на фоне русского. Приведем несколько примеров семенных лакун в арабском языке.

ТЯЖЕЛЫЙ

Т. голова. Т. задача. Т. слог. Т. характер, нрав. Т. запах. Т. случай. Т. наказание, вина, преступление. Т. рана. Т. чувство. Т. впечатление.

ЛЕГКИЙ

Л. задача. Л. жизнь. Л. наказание. Л. болезнь. Л. чтение. Л. усмешка. Л. рука.

КИСЛЫЙ

К. капуста. К. суп. К. настроение. К. выражение лица.

ОСТРЫЙ

О. проблема. О. чувство. О. сюжет. О. интерес. О. слово.

МЯГКИЙ

М. хлеб. М. свет. М. характер. М. климат. М. приговор. М. шаги.

ТВЕРДЫЙ

Т. взгляд. Т. срок. Т. власть. Т. решение. Т. память. Т. цены. Т. знания.

Среди семенных лакун абсолютно преобладают немотивированные. К мотивированным, т.е. объясняющимся отсутствием соответствующего артефакта в культуре, относятся следующие: *кислые ягоды, кислая капуста, толстый журнал, легкая кавалерия, горький пьяница, глухой сад*.

Анализ показал, что в арабском языке не представлены или мало представлены с помощью перцептивных прилагательных метафорические обозначения особенностей мимики, речи, передачи чувств, настроения, эмоций, характеристики интеллекта. Другим словами, в арабском языке менее активным является образование синкетических, эмоционально-рациональных метафор.

С целью выявить варианты компенсации лакун в арабском языке мы обратились к анализу переводов метафорических сочетаний с перцептивными прилагательными в романе Л.Н.Толстого «Война и мир».

Нами были выявлены примеры замены одних перцептивных прилагательных на другие:

Рус.	Араб.
высокое небо	глубокое небо
высокий лоб	широкий лоб
толстые морщины	глубокие морщины
тонкий смех	острый смех
тяжелая красота	твердая красота
яркий свет луны	резкий свет луны
холодная улыбка	тусклая улыбка
холодный смех	сухой смех

Большую группу составили примеры, в которых синестезийные метафоры заменяются сочетаниями с прилагательными, прямо называющими чувства, состояния, действия, характеристики предметов и явлений. Например:

Рус.	Араб.
тяжелые воспоминания	печальные воспоминания
тяжелые мысли	приносящие боль мысли
тяжелая служба	трудная служба
тяжелое дыхание	учащенное дыхание
высокая душа	благородная душа
горькое чувство	чувство жалости
тихий темп	медленный темп
сладкая улыбка	сердечная улыбка
холодное выражение лица	дурное выражение лица
тонко знают	хорошо знают
горячий выговор	жестокий выговор
твёрдые шаги	уравновешенные шаги
твёрдо верил	сильно верил
твёрдое лицо	решительное лицо
	гордое лицо

Как выяснилось из контекстуального анализа, для Толстого характерно настойчивое повторение какого-либо одного прилагательного для характеристики лица или события, которое становится своего рода лейтмотивом образа. В таких случаях переводчик нередко одно прилагательное переводит точно, а другое заменяет, например:

Она, холодно (пер. недовольно) и не глядя на сына послала за мужем, и, когда он пришел, графиня хотела коротко и **холодно** (пер. холодно)... сообщить ему в чем дело...

*Он опять засмеялся своим **холодным*** (пер. холодным) смехом... Князь опять засмеялся своим **холодным** (пер. сухим) смехом.

Иногда синестезийная метафора просто не передается в переводе, даже, если есть соответствие:

*Но вместе с тем он ехал с **твёрдым** (нет пер.) намерением ясно дать почувствовать... Он **твёрдо** (нет пер.) верил, что найдет возрождение к новой жизни. Граф Илья Андреич, **сладко** (нет пер., хотя возможен) улыбаясь, одобрительно кивал головой.*

Возникают и неточности при переводе, истолковании синестезийных метафор:

*Утро было **теплое и серое** (Т.) – Утро было **великолепное** (пер.)*

*Он писал, что ...уже давно бы был на пути в Россию если бы неожиданно в **теплом климате** (пер. из-за плохого климата) не открылась его рана...*

По нашим данным, в языке Толстого много синестезийных метафор, что говорит о важности чувственных образов для писателя. В переводах эта «сенсорность» языка передается слабо, зато более точно и определенно для иностранного читателя называются различные характеристики лиц, предметов, действий и состояний.

Таким образом, контрастивная ценность метафор с перцептивными прилагательными в русском языке на фоне арабского определяется следующими факторами: 1. значительным количественным преобладанием метафорических значений в русском языке (209 рус. и 109 араб.); 2. преобладанием в русском языке полисемантической активности прилагательных модуса осязания, а в арабском – модуса зрения; 3. активным образованием метафорических обозначений особенностей мимики, речи, передачи чувств, настроения, эмоций, характеристики интеллекта с помощью перцептивных прилагательных.

Литература

1. Мерзлякова А.Х. Типология адъективной метафоры //Лингвистические исследования. – Дубна, 2001. – С.104-117.
2. Скляревская Г.С. Метафора в системе языка. – СПб., 2004.
3. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике, вып. У. Языковые универсалии. – М., 1970. – С. 250 – 299.

Г.Г. Корсакова, В.В. Поздняков
**Структурно-семантический анализ английских и русских
фразеологических единиц,
содержащих соматические термины**

Сопоставительный анализ русских фразеологических единиц (РФЕ), содержащих соматические термины, с их английскими эквивалентами или

прототипами (АФЕ) выявил изоморфные, индивидуальные лексико-семантические, грамматические и фразеологические признаки, установил общие и частные тенденции фразеологического калькирования и предположил наличие полигенезиса – независимого возникновения тождественных по структуре и семантике ФЕ в двух рассматриваемых языках.

Контрастивный анализ АФЕ и РФЕ в условиях англо-русского двуязычия осложняется внутренней и внешней интерференцией – существованием системных связей и взаимодействия в каждом отдельно взятом языке и, с другой стороны, наличием межъязыковых аналогов универсального и/или индивидуального характера на лексико-семантическом и фразеологическом уровнях.

Выявлено, что по формальным структурно-грамматическим признакам наибольшее число составили следующие модели⁵ и их осложненные варианты (субстантивные и адъективные типы словосочетаний, в том числе сравнительные обороты):

A+N; N+pr.+N; (as) A+as+N

П+C; C+C род.п; П+пр.+C

Глагольные типы:

V+N, V+pr.+N; V+N+pr.+N

Г+C; Г+пр.+C; Г+C+пр.+C

Адвербиальные типы:

Pr.+N, V+pr.+N; pr+N+pr+N

Пр.+C; C+пр.+C; C+H; пр+C+пр.+C

Наиболее распространенными, т.е. имеющим наивысший функциональный статус, как в английском, так и в русском языках, являются модели первой группы, что, вероятно, можно объяснить фактами заимствования, калькирования (ср. a broken heart – разбитое сердце; wisdom tooth – зуб мудрости, the arm of the law – рука правосудия и мн.др.), конвергенцией терминологических подсистем английского и русского языков (см. типологическую метафоризацию названий частей тела человека в технической терминологии, хотя и здесь не исключено калькирование: saw tooth – зуб пилы, the nose of the plane – нос самолета или the mouth of the river – устье реки и т.д.), интернационализацией словосочетаний, имеющих более древнюю историю (the finger of God – перст божий, the bone of bones, the flesh of flesh – кость от кости, плоть от

⁵ В представленных моделях английского языка использованы следующие сокращения: A – adjective (прилагательное), N – noun (существительное), pr – preposition (предлог), V – verb (глагол); в моделях русского языка: П – прилагательное, С – существительное, род.п – родительный падеж, Г – глагол, пр. – предлог, Н – наречие.

плоти; an eye for an eye, tooth for tooth – око за око, зуб за зуб; the apple of one's eye – зеница ока и др.)

Типологическая адекватность синтаксических и грамматических структур АФЕ и РФЕ в некоторых случаях нарушается использованием в русских моделях несогласованного определения, выраженного существительным в родительном падеже (dollar diplomacy - долларовая дипломатия, или дипломатия доллара), заменой частей речи и использованием свободного порядка слов в русском сверхсловном комплексе.

Исследование АФЕ и РФЕ в сопоставительном плане позволило выявить классы ФЕ эксплицитного, открытого содержания, в которых компоненты ФЕ и соответствующие им лексемы совпадают по денотативному и фразеологическому аспектам значений, и ФЕ имплицитного характера, когда дискретные смыслы компонентов не раскрывают общего значения фразеологизма.

Определены четыре класса английских и русских соответствий и расхождений в порядке нарастания идиоматичности, т.е. увеличивающегося разрыва между значением лексемы и компонента ФЕ в одном языке и общим значением фразеологизма и несоотносимости фразеологических значений одноструктурных ФЕ на межъязыковом уровне.

Так, первый класс составили полные английские и русские эквиваленты, которые мы условно называем «фразеологическими синонимами», с типологическим сходством по всем параметрам: arm in arm – рука об руку; to open smb's eyes to smth – открыть кому-либо глаза на что-либо.

Второй класс составляют ФЕ, условно названные нами как «логические синонимы», когда и АФЕ, и РФЕ имеют одинаковый или близкий план содержания, а также похожий выводимый логически план выражения: not to lift a hand (букв.: не поднять и руки) = не шевельнуть и пальцем; to drag by the head and ears (букв.: притянуть за голову и уши) = притянуть за волосы, за уши.

Третий класс представили наиболее сложные в условиях двуязычия и межъязыковой интерференции словосочетания, так называемые «ложные друзья переводчика» на уровне фразеологии. По формальным внешним характеристикам компонентный состав таких АФЕ и РФЕ тождествен по следующим параметрам: квантитативному, т.е. число компонентов АФЕ и РФЕ одинаково; структурно-грамматическому и синтаксическому, т.е. наблюдается один и тот же порядок слов, один и тот же тип словосочетания, компоненты выступают в качестве таких же частей речи. Внешнее совпадение наблюдается и в логико-семантическом содержании компонентного состава АФЕ и РФЕ. Однако фразеологическое значение русской и английской единиц совершенно различно: to drag by the ears (букв.: тащить за уши) = грубо действовать; to lead by the nose (букв.:

водить за нос) = держать кого-либо в подчинении, всецело подчинить себе кого-либо; on the nose (букв.: на носу) = точно, правильно, тютелька в тютельку; to get off on the wrong foot (букв.: встать не с той ноги) = произвести плохое впечатление, неудачно начать.

Наблюдаются случаи совпадения лишь части словосочетания, компоненты которого генетически восходят к словам – межъязыковым синонимам: РФЕ «зеница ока» употребляется лишь в сочетании с глаголом «беречь», в то время как английская единица «the apple of smb's eye» сочетается с глаголами to keep, to love, to cherish (букв.: хранить, любить, лелеять как зеницу ока).

Таким образом, имея формальное, внешнее сходство, АФЕ и РФЕ третьего класса демонстрируют глубокие расхождения стилистического, семантического и фразеологического параметров. Трудность актуализации АФЕ третьего класса в условиях двуязычия осложняется внешней, видимой эквивалентностью русской аналогичной фразеологической единицы, т.е. межъязыковой интерференцией, поскольку не всегда микро- и даже макроконтекст способствует раскрытию значения фразеологизма. Ср.: at arm's length (букв.: на расстоянии руки). Остается непонятным – это далеко или близко? Longman Dictionary of English Idioms (1987) дает значение: far away so that one does not have to touch something or become friendly, однако из контекста (She kept him at arm's length during the first week) это значения трудно вывести.

В четвертый класс сопоставляемых единиц войдут АФЕ и РФЕ, представляющие собой полные расхождения, не имеющие аналогов в обоих языках. Они характеризуются высшей степенью неразложимости, неделимостью значений компонентов. Это фразеологизмы, утерявшие мотивированность значений своих компонентов, воспроизведимые в речи главным образом в инвариантной форме.

Структурно-грамматические модели ФЕ четвертого класса более разнообразны, однако для идиом выводить типологическое сходство считаем нецелесообразным: это специфические для английского и русского языков словосочетания, которые в условиях двуязычия, учебной и переводческой практики должны быть выделены в тематические группы или словари-минимумы.

Н.В. Костенко

Способы языкового представления линейного перемещения (на материале русского и английского языков)

В настоящее время в лингвистике особую важность приобретают исследования конкретных участков языковой системы с целью выявления

национальной специфики способов познания и отражения объективной реальности.

Предметом данной статьи является сопоставительный анализ способов обозначения линейного перемещения, соотносимого с движением от периферии к центру пространственной координации, на материале двух неблизкородственных языков – русского и английского. Объект исследования составила лексико-семантическая группа (ЛСГ) с общим значением «окончание перемещения субъектов/объектов, движущихся из разных исходных пунктов, в одном общем конечном пункте». Данная ЛСГ представлена русскими глаголами *съехаться, сбежаться, собраться, свезти, сгрести, стянуть* и т.п. и английскими глаголами *to gather, to assemble, to crowd, to muster, to band together, to bring together* и т.п.

По семантическому признаку «направление и характер трассы линейного перемещения» единицы исследуемой группы находятся в антонимических отношениях с ЛСГ, обозначающей движение из центра пространственной координации к периферии. Ср.: *сбежаться на сходку – разбежаться в разные стороны, свезти дрова в сарай – развести детей по домам; the two armies converged on the enemy capital – the crowd scattered in all directions, the clouds dispersed as quickly as they had gathered* (Костенко 2009, с. 37-40).

Совокупность исследуемых единиц чётко дифференцируется по двум интегральным семам: релевантность для субъекта (характеристика действия, направленного на субъект) и релевантность для объекта (характеристика действия, направленного на объект действия). К первой подгруппе относятся такие единицы, как *съехаться, сбежаться, собраться; to convene, to assemble, to crowd* и другие. Ко второй – *свезти, снести, стянуть; to gather, to muster* и другие.

Характерной особенностью английского языка является наличие единиц, способных совмещать в своей структуре оба компонента. Ср.: *To protect themselves, deer gather together in large herds. He gathered his papers and slipped quietly away.*

Помимо отмеченных выше дифференциальных признаков для исследуемой ЛСГ релевантными оказались признаки, соотносимые с направлением движения, способом действия и некоторые детерминаторы действия. Мы определяем их как родовые семантические признаки. Причём первые – направление движения субъекта/объекта и способ действия – относятся к описательным признакам, так как отражают внутреннюю сущность действия, тогда как детерминаторы действия выступают в виде относительных семантических признаков, характеризующих данное действие по его отношению к другому действию (Гак 1977, с. 14; Гайсина 1981, с. 15-18).

Семантический признак «направление движения» эксплицитно выражен во всех русских глаголах семантикой приставки **с-**. Прямое

пространственное значение приставки **с-** «перемещение от периферии к центру» реализуется с глаголами перемещения. При этом актуализируются семы «однонаправленное перемещение», «самостоятельное/несамостоятельное перемещение», «приближение», «нейтрализация степени приближения – дальше/ближе», «окончание движения». Отметим, что самостоятельное перемещение субъекта обозначают только глаголы на **-ся**, т.е. субъектные глаголы. Несамостоятельное перемещение объекта передают глаголы без **-ся**, т.е. объектные глаголы. В нашей выборке отмечается регулярная сочетаемость глаголов самостоятельного перемещения с формой «с + твор. падеж существительного», интенсифицирующей значение совместного движения: *сбежаться со всех дворов, снести вещи со всех комнат*.

В отличие от русского, в английском языке признак «направление движения» актуализируется небольшим количеством глаголов. Семы «из разных исходящих точек – from different directions/several places», «в один общий конечный пункт – in a particular place» фиксируются в семантике только отдельных единиц: *to converge, to collect*. Для английского языка более актуальным оказался признак «сближение – to come/bring/gather closely together», который отмечен в большинстве английских глаголов. Признак «направление движения» обозначается обстоятельственными позициями, контекстом. Интересно отметить, что в антонимичной английской группе «движение из центра к периферии» семантический признак «направление движения» разработан более детально.

Как показал анализ, проведённый на основе словарных статей и контекстов, наряду с выражением движения субъекта/объекта для данной группы характерным является обозначение способа действия. Родовой семантический признак «способ действия» реализуется в составе следующих семантических признаков: «способ передвижения», «интенсивность действия», «характеристика движущегося субъекта/объекта».

Семантический признак «способ передвижения» выявляется в русском языке лексическим противопоставлением *сбежаться – слететься – скатиться – слиться – сползти*. При этом имеет место указание на «среду перемещения» (*сбежаться – двигаться по земле; слететься – двигаться в воздухе*), «самостоятельное перемещение субъекта с помощью ног» (*сойтись, сбежаться, снести*), либо «перемещение при помощи каких-либо средств перемещения» (*съехаться, свезти*).

Семантический признак «интенсивность действия» относится к градуированным семантическим признакам. Интенсивность может охватывать всю шкалу градации признака – усиление и ослабление. Сема «быстро» входит в семантику корня глагола «сбежаться» - бегом собраться в одном месте, т.е. быстро. Сема «медленно» «наводится»

семантикой корня глагола «*сбрестись*» - бредя, сойтись в одно место, т.е. тихо, медленно.

В английском языке отмеченные выше признаки оказались не актуальными для языкового сознания данного народа и не нашли закрепления в семантике универбов или устойчивых фразеосочетаний.

Сходство языков проявилось в семах, связанных с характеристикой движущегося субъекта/объекта. В обоих языках имеются универбы, характеризующие этот аспект действия.

В русском языке семантический признак «о жидком, текучем» выражается в системных значениях глаголов «*слиться*» и «*слить*»: *слить жидкость в колбу из разных пробирок*. Семантический признак «о сыпучем, рассыпающемся» зафиксирован в семантике глагола «*сгрести*»: *сгрести сено (зерно)*.

В сферу внимания английского языка попал признак «о военных людях» – «*such as soldiers*». Этот признак отмечен в семантике глагола «*to muster*»: *...behind which the Twelfth Division mustered*.

Как видно из описания, семантическое содержание видового признака «характеристика движущегося субъекта/объекта» в сопоставляемых языках не совпадает.

Завершая рассмотрение семантических признаков, соотносимых со способом действия, заметим, что эта категория более детально дифференцирована в русском языке. Сравнение показывает, что семы, соотносимые со способом действия, заметно превалируют в семемах русских глаголов.

Как уже отмечалось выше, для семантики исследуемой ЛСГ характерно выражение родовых относительных семантических признаков, которые характеризуют данное действие по его отношению к другому действию и выступают в функции детерминаторов действия. Анализ фактического материала показал, что детерминаторами описываемого действия являются «целевая установка субъекта», количественный детерминатор и временной детерминатор.

Детерминатор «целевая установка субъекта» конкретизируется в сопоставляемых языках по разным семантическим параметрам. В отличие от русского, в английском языке закрепляются признаки «собраться для принятия участия в какой-либо деятельности» (*to assemble, to mobilize, to meet*), «собраться для достижения поставленной цели» (*to band together*), «собраться для принятия участия в заседании на официальном уровне» (*to convene*), «собраться для поддержки идеи, партии и т.д.» (*to rally*).

Несмотря на то, что детерминатор «целевая установка субъекта» выражается в системных значениях языковых единиц английского языка, вышеуказанные глаголы часто поддерживаются другими грамматическими формами для выражения цели: предлогом **for** – *assembled for a summit*

meeting; инфинитивом глагола —small groups of women banded together to talk about liberation.

В русском языке получил закрепление единственный признак, передающий целевую установку, «собрать в одно место с целью помочь, побудить встретиться» (*свести*): *свести друзей*.

Количественный детерминатор представлен в нашей выборке признаками «о многих» и «о малом количестве». Сходство языков проявилось в материализации признака «о многих», который входит в семантическую структуру большинства русских и английских единиц: *съехаться, столпиться, стянуться* и др.; *to crowd, to mass, to mass up* и др.

Семантический признак «о малом количестве» актуализируется семой английского глагола *to cluster* — “if things cluster together they gather in a small group”. Особенность этого детерминатора заключается в том, что он закрепляется в семантике глагола наряду с другим признаком — «вокруг конечного ориентира — around a central point»: *Passengers clustered round a radio*.

Признак «о малом количестве» не находит выражение в лексемном фонде русского языка. Сравните: *...clustered round the teacher — теснились вокруг учителя*.

Временной детерминатор конкретизируется семой «не сразу, постепенно». Эта сема материализуется семой русского глагола *стянуться: войска стянулись к мосту* и семемами английских единиц *to collect и to accumulate: a crowd was beginning to collect around the scene of accident*.

Подведём некоторые итоги. Как свидетельствует проведённое исследование, в выражении линейного перемещения от периферии к центру сопоставляемые языки проявляют больше черт различия, чем сходств. Сходство языков проявилось в фиксации наиболее общих признаков, выявляя тем самым общность (в принципиальных моментах) отражения рассматриваемого фрагмента пространственных отношений.

Однако совпадение отдельных признаков ещё не означает единообразия выражения описываемого действия в английском и русском языках. Значительные различия, зарегистрированные в разработке многих семантических признаков, свидетельствуют о достаточно индивидуализированном подходе конкретного языка к познанию и отражению данной ситуации объективной действительности. Межъязыковое сопоставление показало, что для семантики русских единиц более характерным является выражение направления движения и способа действия, а для английских глаголов релевантно указание на детерминаторы действия.

Литература

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
2. Гайсина Р.М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения). – Уфа, 1980.
3. Костенко Н.В. Общие и национально-специфические особенности обозначения линейного перемещения (на материале русского и английского языков) //Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С.37-40.

Н.В. Кочетова

Особенности полисемии русских и английских многосеменных адвербиональных лексем

Данная статья посвящена особенностям полисемии многосеменных адвербиональных лексем русского и английского языков.

Материалом исследования послужили многосеменные адвербиональные лексемы, отобранные из списка ста наиболее частотных наречий, полученных в результате сплошной выборки из Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных наречий Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk). Следует отметить, что вслед за М.А. Стерниной под многосеменными мы понимаем такие лексемы, которые содержат в своих семантиках от шести до десяти семем (Стернина 1999, с.42).

Исследование показало, что в русском языке в группу многосеменных адвербиональных лексем входят 7 лексем: *больше, вообще, вперед, прямо, спокойно, точно, ясно*. В английском языке данная группа также включает в себя 7 лексем: *now, only, please, together, very, why, when*.

Основной задачей исследования было выявление национальной специфики семантических лексем по двум аспектам: аспекту развития лексической полисемии и аспекту развития лексико-грамматической полисемии (Стернина 1999). Для достижения данной цели были применены следующие индексы, предложенные в рамках развивающегося в Воронежском государственном университете сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2011):

Аспект развития лексической полисемии

- *индекс полисемантичности группы* (Шишкина 2004);
- *индекс денотативной и коннотативной представленности семем в группе* (Баранова (Кривенко) 2009).

Аспект развития лексико-грамматической полисемии

- *индекс лексико-грамматической полисемии группы*;

- *индекс адвебиальной представленности семантом в группе* (Кривенко 2011);
- *индекс адъективной представленности семантом в группе* (Кривенко 2011);
- *индекс субстантивной представленности семантом в группе* (Кривенко 2011);
- *индекс глагольной представленности семантом в группе* (Кривенко 2011);
- *индекс конъюнктивной представленности семантом в группе;*
- *индекс партикулярной представленности семантом в группе;*
- *индекс междометной представленности семантом в группе;*
- *индекс лексико-грамматической вариантиности группы.*

В целом, 7 наиболее частотных многосеменных адвебиальных лексем русского языка развиваются в своих семантах 49 семем, в аналогичной английской группе у 7 лексем насчитывается 50 семем. По данным проведенного исследования, *индекс полисемантичности*, под которым понимается отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной группы, к общему количеству лексем этой группы (Шишкина 2004, с. 34), в русском языке составляет 7, в английском - 7,1.

Как показало исследование, анализируемые группы многосеменных адвебиальных лексем русского и английского языков незначительно отличаются *индексами денотативной и коннотативной представленности семем*, под которыми понимается отношение количества денотативных/ коннотативных семем к общему количеству семем в группе (Баранова (Кривенко) 2009, с.21). В русском языке индекс денотативной представленности семем равен 22%, в английском – 20%, индекс коннотативной представленности семем в русском языке составил 78%, в английском - 80%. Таким образом, в исследуемых группах обоих языков превалируют коннотативные семемы, а количество развивающихся лексемами семем приблизительно одинаково.

Переходя к рассмотрению аспекта лексико-грамматической полисемии, отметим, что в русском языке данное явление характерно для 6 лексем: *вообще, вперед, прямо, спокойно, точно, ясно*. *Индекс лексико-грамматической полисемии группы*, под которым мы понимаем отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству семем в группе, равен 20%. В английском языке лексико-грамматическую полисемию демонстрируют все лексемы, входящие в исследуемую группу, а именно: *now, only, please, together, very, why, when*. Индекс лексико-грамматической полисемии группы в английском языке составил 58 %.

В качестве примера проявления лексико-грамматической полисемии приведем лексему *точно*.

Семантема лексемы *точно* насчитывает 7 семем: 4 авербиальных, одну союзную и две - с семой частицы.

Авербиальными семемами в рассматриваемой семантеме являются семена Д1⁶ «подлинно, правильно» (*Как точно мыслил он, как верно угадывал!)*⁷ и 3 семемы К1 «строго соблюдая что-либо принятое, назначенное, установленное» (*Все в самых умеренных, очень точно отмеренных дозах*), «как раз, прямо, ровно» (*Одна из цистерн остановилась точно напротив Пети*), «действительно, в самом деле» (*А точно ты вернул всех лошадей крестьянам?*).

Сема частицы в данной семантеме содержится в двух семемах К1 «кажется, вроде» (*Люди, составляющие эту страшную, всемогущую и совершенно безответственную тройку (их, кажется, было точно трое), не имели ни фамилий, ни званий, ни должности*), «да» (*Так точно, всё на месте!*).

Союзная сема содержится в семеме «как, словно» (*Но эта мысль, также как все, о чем я думал вчера, мигом канула куда-то, точно ее сдуло ветерком*).

Как показало исследование, исследуемые группы значительно отличаются *индексом авербиальной представленности семантем в группе*, под которым понимается отношение количества авербиальных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011, с. 54). В русском языке данный индекс составил 80 %, в английском – 42 %.

Что касается *индекса адъективной представленности семантем в группе*, под которым понимается отношение количества адъективных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011, с. 54), то в русском языке данный индекс равен 0, в английском - 18 %.

Индекс субстантивной представленности семантем в группе, под которым понимается отношение субстантивных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011, с. 54), в русском языке составляет 0, в английском – 5 %.

Индекс глагольной представленности семантем в группе, под которым понимается отношение глагольных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011, с. 54), в русском языке составил 0, в английском – 7 %.

Что касается *индекса конъюнктивной представленности семантем в группе*, под которым мы понимаем отношение количества союзных семем в группе к общему количеству семем в группе, то в русском языке данный индекс равен 4 %, в английском - 15 %.

Индекс партикулярной представленности семантем в группе, под которым мы понимаем отношение количества семем с семой частицы в

⁶ Используется терминология М.М.Копыленко и З.Д.Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31).

⁷ Источник примеров – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

группе к общему количеству семем в группе, в русском языке составляет 14 %, в английском – 0.

Индекс междометной представленности семантем в группе, под которым мы понимаем отношение количества семем с семой междометия в группе к общему количеству семем в группе, в русском языке составляет 2 %, в английском – 13 %.

Исследование показало, что анализируемые лексемы русского и английского языков отличаются **индексами лексико-грамматической вариантности группы**, под которыми мы понимаем отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству семем в группе. Так, в английском языке индекс лексико-грамматической вариантности оказался равным 12 %. В русском языке лексем, семемы которых проявляют лексико-грамматическую вариантность, выявлено не было, следовательно, индекс лексико-грамматической вариантности группы равен 0.

В качестве примера проявления лексико-грамматической вариантности приведем лексему *very*.

Семантема лексемы *very* включает 7 семем, две из которых проявляют лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и прилагательного, одна является адвебиальной и 4 – адъективными.

Лексико-грамматическую вариантность в семантеме лексемы *very* проявляют семемы K1 adv/a⁸ «именно, точно, как раз/ тот самый, тот же, именно тот» (*It's not the first time I have received a favor from Saint Josemaria, but this time the favor came in the very same words I had said to him. / They had bought the bird that very afternoon while I was safely away at school*)⁹ и K1 adv/a «самый» (*She eventually married 'the very worst of those who sought her hand' / I was at the very bottom of the list*).

Адвебиальная сема в семантеме лексемы *very* содержится в семеме Д1 «очень, весьма» (*He didn't sound very sure*). Адъективными семемами рассматриваемой лексемы являются 4 семемы K1 «настоящий, истинный, подлинный, сущий» (*The speculative builder, by his very nature, is not a plannable instrument*), «полный, абсолютный» (*The pleasing dream that you can select the good points of West and East and weave them into one is the very reverse of the truth*), «сам по себе» (*The very thought frightens me*), «самый» (*The very children know it*).

Для интерпретации полученных значений индексов нами была использована шкала оценки степени проявления национальной специфики лексики, предложенная С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с. 17). Согласно данной шкале, в зависимости от расхождения между показателями

⁸ Обозначается лексико-грамматическая вариантность семемы на уровне соответствующих частей речи, подробнее см. Стернина 2009.

⁹ Источник примеров - Британский национальный корпус (www.natcorp.ox.ac.uk).

индексов, национально-специфические различия можно классифицировать как **несущественные, видимые, заметные и существенные**.

Согласно шкале степени выраженности национальной специфики лексических группировок, разработанной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008) и дополненной С.И. Деркач (Деркач 2011), если наблюдается преобладание **несущественных и видимых** различий, то национальная специфика характеризуется как **неярко выраженная**. Если выявляется преобладание **видимых и существенных** расхождений в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **умеренно выраженную**. Если преобладают **заметные и существенные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику анализируемых групп можно охарактеризовать как **ярко выраженную**.

По данным проведенного исследования, характер национально-специфических особенностей по рассмотренным аспектам может быть представлен следующим образом: по индексу полисемантичности расхождения квалифицируются как **несущественные**. По индексу денотативной и коннотативной представленности семем различия характеризуются как **видимые**. Таким образом, национальная специфика по аспекту развития лексической полисемии может быть признана **неярко выраженной**.

По индексам глагольной и субстантивной представленности семантем в группе различия могут быть охарактеризованы как **заметные**. Что касается индекса лексико-грамматической вариантности, индекса лексико-грамматической полисемии группы, индексов адвербиальной, адъективной, конъюнктивной, партикулярной и междометной представленности семантем в группе, то здесь наблюдаются **существенные** различия. Таким образом, национальную специфику рассмотренных лексем русского и английского языков по аспекту развития лексико-грамматической полисемии можно охарактеризовать как **ярко выраженную**.

Литература

1. Британский национальный корпус – URL: www.natcorp.ox.ac.uk
2. Баранова (Кривенко) Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 18- 21.
3. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.

4. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
5. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова . – Воронеж, 1989.
6. Кривенко Л.А. Лексико-грамматическая полисемия многосеменных субстантивных лексем русского и английского языков // Культура общения и ее формирование. – Вып. 24. – Воронеж, 2011. - С. 48-51.
7. Национальный корпус русского языка – URL: www.ruscorpora.ru
8. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
9. Стернина М.А, Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. С. 3 – 18.
10. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp
11. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Л.А. Кривенко

Из опыта описания коммуникативной релевантности сопоставимых лексем русского и английского языков

Национальная специфика семантем может быть исследована по нескольким аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, под которой мы вслед за М.А. Стерниной (Стернина 1999, с. 25) понимаем полисемию на уровне частей речи, аспекту эндемичности семанты и аспекту коммуникативной релевантности семем. Каждый из приведенных аспектов может быть количественно охарактеризован с помощью индексов, предложенных в рамках сопоставительно-параметрического метода, развивающегося в Воронежском государственном университете.

В данной статье мы предпринимаем попытку проиллюстрировать методику описания одного из аспектов - аспекта коммуникативной релевантности на примере двух сопоставимых лексем *путь* и *way*, входящих в число наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных существительных Британского национального корпуса (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>). Под сопоставимыми мы понимаем лексемы, имеющие эквивалентные семемы

Д1 (терминология М.М. Копыленко, З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с. 31).

Для характеристики аспекта коммуникативной релевантности сопоставимых лексем мы использовали следующие параметры:

- **индекс коммуникативной релевантности семемы** - отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству её исследованных употреблений (Баранова/Кривенко/ 2009, с. 51).

- **индексы коммуникативной релевантности денотативных и коннотативных семем в семантеме** - отношение количества зафиксированных употреблений денотативных и коннотативных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011, с.92).

Для ранжирования степени выраженности исследуемых параметров представляется целесообразным использовать **шкалу**, согласно которой, если значение индекса равно 0, то можно признать *отсутствие* рассматриваемого явления. Если показатель индекса больше 0 и меньше 10%, то степень развития рассматриваемого явления признается *низкой*. При значениях индекса больше или равных 10% и меньше 30% степень развития изучаемого явления считается *заметной*. При показателях индекса больше или равных 30% и меньше 50% степень развития интересующего нас явления может быть охарактеризована как *яркая*. Если значение больше или равно 50% и меньше 70%, то мы считаем степень развития изучаемого явления *значительной*. Если значение индекса больше или равно 70% и меньше 90%, то степень выраженности рассматриваемого явления считается *высокой*. При показателях индекса больше или равных 90% и меньше 100% степень выраженности рассматриваемого явления может считаться *гипервысокой*, а при значении индекса 100% степень выраженности может быть охарактеризована как *абсолютная*.

Лексемы *путь* и *way* объединены семемой Д1 «дорога, полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы)» (*К дому ведут удобные подъездные пути, рядом находится автостоянка, сохранены березы, ивы. / Could you please tell me the way to Leicester square, I said, speaking softly, in my best voice and with my toothiest smile.*). В русском языке данная семема характеризуется низкой коммуникативной релевантностью - 2,2%, в английском языке рассматриваемая семема имеет заметную степень развития данного явления - 24,3%.

Семантема лексемы *путь* содержит одиннадцать семем, в семантеме лексемы *way* – пятнадцать семем. Помимо семемы Д1, у данных лексем совпадают две семемы К1 – «средство, способ» (*Другой путь достижения нужных результатов обеспечивают нанотехнологии / The contradiction can be viewed in two ways*) со значительной степенью развития

коммуникативной релевантности в русском языке - 51,4% и низкой коммуникативной релевантностью в английском - 4%, «направление» (*И первый шаг на этом пути - сделать так, чтобы человеку было психологически спокойно / They needed to be positioned inside departments' own policy units or inside Number 10 itself rather than stumbling around Whitehall in an unguided way*) с низкой коммуникативной релевантностью - 8,7% в русском языке и 9% в английском языке.

Семантическая лексема *путь* содержит одну эндемичную, то есть не отмеченную в семантике сопоставимой в английском языке лексемы, семему Д2 «определенная линия движения, перемещения планет» с индексом коммуникативной релевантности 0, и семь эндемичных семем К1, одна из которых – «направление деятельности, развития кого-либо, чего-либо» (*Лавров пытался изложить своё понимание путей развития универсального алгоритмического языка, каковым, по его убеждению, Алгол ещё не являлся, и тем самым повлиять на разработку новой версии языка*) имеет заметную коммуникативную релевантность (22,4%), а шесть – низкую. Это семемы «расстояние, которое предстоит пройти, проехать или которое уже пройдено» (*Стоило ли, напрягая все силы, проделывать смертельно опасный путь в двенадцать полноценных этажей*) с индексом коммуникативной релевантности 9,6%, «образ действия» (*В случае отгрузки продукции путём самовывоза фактом приёмы Покупателем продукции является накладная и счёт-фактура, подписанные представителями Покупателя и Продавца*) с индексом коммуникативной релевантности 2,1%, «доступ куда-либо, к кому-либо» (*К началу 80-х годов прошлого столетия американская экономика столкнулась с серьезным ростом стоимости исследовательских работ, при том, что сами внедряемые через государственные институты разработки, созданные на бюджетные деньги, с трудом находили путь на рынок*) с индексом коммуникативной релевантности 1,3%, «место, линия в пространстве, по которым или в пределах которых производится передвижение» (*Там начинался морской путь, по которому китайский фарфор поступал в Корею, Японию и страны Юго-Восточной Азии*) с индексом коммуникативной релевантности 0,8%, «поездка, путешествие» (*От смельчака, решившегося отправиться в путь, требуется совершенное знание снастей и очень крепкий парус*) с индексом коммуникативной релевантности 0,7% и «жизнь человека, ее течение» (*Ты на глазах у зрителя вершишь свой путь*) с индексом коммуникативной релевантности 0,4%.

Семантическая лексема *way* включает двенадцать эндемичных семем – одну семему Д2 «направляющая (станка)» с индексом коммуникативной релевантности, равным 0, и одиннадцать семем К1: одну семему со яркой степенью коммуникативной релевантности – «возможность, путь, средство» (*Stealing, cheating and lying become the only way to pay*) с

индексом коммуникативной релевантности 40,4%, одну семему с заметной степенью развития коммуникативной релевантности – «особенность, характерная черта, уклад, обычай, привычка» (*He laughed in his merry way*) с индексом коммуникативной релевантности 19,5%, одну семему с низкой степенью коммуникативной релевантности – «расстояние, которое предстоит пройти, проехать или которое уже пройдено» (*'Was it a long way?'*) с индексом коммуникативной релевантности 2,8% и восемь семем с нулевой коммуникативной релевантностью - «движение вперёд, ход», «отношение, аспект», «положение, состояние, размах, масштабы деятельности», «область, сфера, занятие», «категория, род», «право прохода, проезда», «состояние», «улица».

Отметим, что семантина лексемы *путь* имеет низкую степень развития денотативной коммуникативной релевантности – 2,2% и гипервысокую степень развития коннотативной коммуникативной релевантности – 97,8%, семантина лексемы *way*, в свою очередь, характеризуется заметной денотативной коммуникативной релевантностью – 13% и высокой степенью развития коннотативной коммуникативной релевантности – 87%.

Как видно из вышеописанного материала, семема $\Delta 1$ лексемы *путь* «полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); дорога» вопреки ожидаемой большей востребованности по сравнению с другими семемами демонстрирует низкую коммуникативную релевантность – всего лишь 2,2% (пятое место по убыванию индекса коммуникативной релевантности в семантике), в то время как семема $K1$ «средство, способ» характеризуется значительной коммуникативной релевантностью - 51,4%. В английском языке семема $\Delta 1$ лексемы *way* также, как и в русском языке сдала свои лидирующие позиции (индекс коммуникативной релевантности - 24,3%) и уступила роль «главной» семемы семеме $K1$ «возможность, путь, средство», характеризующейся яркой коммуникативной релевантностью - 40,4%. Данный факт может быть объяснен изменениями, происходящими в действительности, окружающей носителей языка. Востребованность одних предметов или явлений ослабевает, в связи с чем теряет свои «лидерские позиции» семема $\Delta 1$, на смену им приходят реалии новые, вытесняя на место «главной» семемы ранее нерелевантные значения. Такие изменения обычно не фиксируются в словарях, однако заслуживают особого внимания, поскольку позволяют как выявлять изменения, происходящие в одном языке, так и сравнивать подобные изменения в рамках нескольких языков.

Для характеристики национально-специфических различий сопоставимых лексем по изучаемому аспекту представляется целесообразным использовать **интегральный индекс национально-специфических различий**, вычисляемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения

национальной специфики по определенному аспекту (Портнихина 2011, с. 47).

Для оценки степени проявления национально-специфических различий по аспектам мы предлагаем использовать **шкалу степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем**, введенную Н.А. Портнихиной (Портнихина 2011, с. 198-199), согласно которой, если значение интегрального индекса равно 0, то можно признать **отсутствие** национально-специфических различий. Если индекс находится в пределах от 0,1% до 10%, то различия признаются **заметными**. При значениях индекса от 10,1% до 30% национально-специфические различия считаются **яркими**, при показателях индекса от 30,1% до 50% степень развития национальной специфики может быть охарактеризована как **значительная**.

Как показали анализ исследованного материала и полученное значение интегрального индекса по аспекту коммуникативной релевантности, (22,1%), национально-специфические различия в паре *путь-way* могут считаться яркими.

Литература

1. Баранова (Кривенко) Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура речи и ее формирование. – Воронеж, 2009. - С. 50-52.
2. Британский национальный корпус – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Копыленко М.М. Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 191 с.
4. Национальный корпус русского языка – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Малыхина Н.И. Особенности семантики наиболее частотных глаголов английского языка // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2011. – С. 90-93.
6. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова: дис. ... канд. филологических наук / Н.А. Портнихина – Воронеж, 2011.
7. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
8. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.

К.Ю. Лёвин

Англоязычные и русскоязычные психолингвистические термины, обозначающие процесс порождения речи

Как известно, процессы распознавания и порождения речи активно исследуются психолингвистами с момента оформления психолингвистики

в отдельную дисциплину в 50-х годах XX столетия. За время существования психолингвистики как науки сформировались различные психолингвистические школы, обладающие своей терминологией. Часто на научных конференциях возникает проблема понимания психолингвистических терминов и понятий, особенно если речь идет о международных конференциях. Как объяснить смысл термина или понятия, введенного в обиход определенным автором, на другом языке? Перевод термина или понятия на целевой язык не позволяет осмысливать его значение, так как не способен отразить место понятия (термина) в терминологической (понятийной) системе автора. Без понимания последнего невозможно, на наш взгляд, получить полное представление о том или ином понятии (термине). Мы считаем целесообразным сопоставить 2 терминологические (понятийные) системы психолингвистических терминов на примере терминологии А.Н. Леонтьева (Леонтьев 1969) и У. Дж. Левелта (Levelt 1989).

Мы используем следующие методы исследования:

- Метод сплошной выборки для отбора терминов (понятий);
- Метод системного анализа для сопоставления терминологических (понятийных) аппаратов различных авторов (школ).

В настоящей статье мы остановимся на сопоставлении терминов (понятий), описывающих процесс порождения речи. Рассмотрим в качестве отечественного источника терминологии модель процесса порождения высказывания А.А. Леонтьева (Леонтьев 1969).

Методом сплошной выборки нами были отобраны из книги А.А. Леонтьева следующие понятия:

1. мотив;
2. речевая интенция;
3. образ результата;
4. замысел высказывания;
5. общая смысловая схема высказывания;
6. речевое целое;
7. единицы внутреннего кода;
8. синтаксическая организация высказывания;

С целью толкования данных терминов для англоязычных читателей объясним их на английском языке:

1. мотив высказывания - the speaker's motive, i.e. his/her motivation;
2. речевая интенция – the intention of speaker who is planning his statement;
3. образ результата – the mental image of the speaker's end-statement;
4. замысел высказывания – the concept of the statement;
5. обобщенная смысловая схема высказывания – the abstract scheme of the statement's sense;
6. речевое целое – the thought which is being formed undividedly;

7. единицы внутреннего кода – the items of the speaker's inner code, the mental items containing the sense;

8. синтаксическая организация высказывания – the syntax-based scheme of the statement;

В качестве примера англоязычной терминологии рассмотрим термины, предложенные У. Дж.Левелтом в его теории порождения высказывания (Levelt 1989).

Нами отобраны следующие термины (понятия):

1. Conceptualizer;
2. Message generation;
3. Self-monitoring ;
4. Preverbal message;
5. Formulator;
6. Grammatical encoding;
7. Phonetic plan;
8. Articulator.

Раскроем смысл понятий средствами русского языка:

1. Conceptualizer – «функциональный отдел», отвечающий за разработку концепции высказывания;
2. Message generation – создание речевого сообщения;
3. Self-monitoring – процесс внутреннего отслеживания собственных речевых ошибок;
4. Preverbal message – сообщение, еще не имеющее вербальной формы;
5. Formulator – «функциональный отдел», в котором происходит формулирование высказывания;
6. Grammatical encoding – грамматическое кодирование высказывания;
7. Phonetic plan – фонетический план высказывания, набор «фонетических команд», соответствующих данному высказыванию;
8. Articulator – «функциональный отдел», отвечающий за артикуляцию звуков данного высказывания.

Сопоставление вышеперечисленных терминов (понятий) показывает, что в представлениях двух авторов о процессе порождения речи содержатся некоторые взаимосвязанные друг с другом или схожие по значению термины (понятия), как то:

- «замысел высказывания» и «conceptualizer» – по мнению А.Н. Леонтьева, высказывание существует изначально в виде замысла, У. Дж. Левелт предполагает наличие «отдела», отвечающего за разработку замысла (концепции) высказывания;
- «обобщенная смысловая схема высказывания» и «preverbal message» – оба автора считают возможным наличие промежуточного состояния высказывания;

- «синтаксическая организация высказывания» и «grammatical encoding» – и А.Н. Леонтьев, и У. Дж. Левелт представляют, что высказывание должно формироваться на уровнях синтаксиса и грамматики.

Дальнейших сходств в терминологических (понятийных) системах двух авторов не обнаружено, что обусловлено различными путями развития психолингвистики в нашей стране и в англоязычном мире.

Литература

1. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М. , 1969.
2. Levelt, W. J. M. Speaking: From intention to articulation. – Cambridge, 1989.

Л.В. Лукина

Лексико-семантическая группировка наименований речевых событий в русском и английском языках

Сопоставительное изучение языков, взаимосвязь языка народа и его национального сознания волнуют лингвистов на протяжении последних двух столетий. Вопросы национально-культурной специфики языка интересовали многих ученых, начиная с В. фон Гумбольдта в XIX веке и заканчивая представителями новых направлений лингвистической науки.

В конце XX века из сопоставительного языкознания выделилось новое теоретико-прикладное лингвистическое направление - контрастивная лингвистика, важным направлением которой является выявление и изучение национальной специфики семантики слова.

В ходе контрастивного исследования в процессе попарного семенного анализа лексических единиц могут быть установлены как национальная специфика семантики, так и межъязыковые соответствия. Основным предметом контрастивного анализа является контрастивная пара, состоящая из двух лексических единиц сравниваемых языков, которые и выступают как межъязыковые соответствия. Изучение проводится в направлении от единицы одного языка к ее соответствиям в другом, в результате выявляются значения и компоненты значений, обладающие национальной спецификой.

В качестве материала исследования данной статьи выступает лексико-семантическая группировка наименований речевых событий в русском языке и их английские соответствия. Речевое событие в нашем понимании должно иметь форму устной или письменной речи, развертываться во времени и/или пространстве, предполагает наличие одного или нескольких говорящих и одного или нескольких слушающих (читающих), а также

определенной цели, осознаваемой участниками общения. Данная лексика избрана в качестве материала исследования в связи с тем, что предварительный анализ показал наличие в данной тематической группировке заметных семенных и семных несовпадений в двух языках, что делает данный разряд лексики интересным и актуальным в плане выявления национальной специфики семантики и типов межъязыковых соответствий. Нами было исследовано и описано 409 контрастивных пары.

По форме представления в речи анализируемые наименования речевых событий разделены нами на три группы: устные, письменные и письменно-устные. Отмеченные группы были подвергнуты дальнейшему делению по семантическим признакам на речевые события «Сообщение информации», «Обсуждение информации» и «Запрос информации». Отметим, что все три перечисленные подгруппы выделяются в составе групп наименований устных и письменно-устных речевых событий, в группе наименований письменных речевых событий выделяются только две подгруппы: «Сообщение информации» и «Запрос информации».

В общей сложности нами было проанализировано 200 лексем, входящих в группировку наименований речевых событий в русском языке и 278 лексем – в английском. Как показало исследование, номинативная плотность, т.е. количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (термин В.И. Карасика) исследуемой группировки в русском языке оказалась на 78 лексем меньше номинативной плотности аналогичной группы в английском языке.

Наиболее крупной по количеству русско-английских контрастивных пар является группа наименований устных речевых событий, насчитывающая 275 контрастивных пар. Вторая по численности группа – наименования письменно-устных речевых событий – включает 70 контрастивных пар. Группа наименования письменных речевых событий насчитывает 64 контрастивных пары.

Для выявления национальной специфики лексической группировки, был использован введенный нами *индекс множественности соответствий*, под которым понимается количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка, являющегося базисным для контрастивного исследования. В ходе исследования было обнаружено, что в группировке наименований речевых событий одна лексема русского языка может иметь от 0 до 7 соответствий в английском языке, т.е. индекс множественности соответствий колеблется от 0 до 7.

При этом 74 лексемы русского языка имеют по одному соответствию в английском языке (*заверение – assurance; слушание – hearing; экзит-пол – exit poll; открытка – post-card; запрос – inquiry; агитация – propaganda* и др.), 57 лексем русского языка имеет по два векторных соответствия

(нотация – *reprimand, lecture*; разговор – *talk, conversation*; расспрос – *questionnaire, cross-questionnaire*; плакат – *poster, placard*; отзыв – *opinion, review*; вопрос – *question, inquiry* и др.), 43 лексемы - по три (доклад – *lecture, report, paper*; пререкание - *altercation, argument, wrangle*; блиц-опрос – *poll, inquiry, survey*; объявление – *announcement, advertisement, ad*; ответ – *answer, reply, response*; полемика – *dispute, controversy, polemics* и др.), 17 лексем - по четыре соответствия (сплетня – *gossip, tittle-tattle, scandal, backbiting*; щебетание – *chirp, twitter, chatter, prattle*; опрос – *poll, questionnaire, test, questioning*; афиша – *bill, poster, placard, notice*; ходатайство – *application, petition, intercession, solicitation* и др.). Лексема *трескотня* (подгруппа устных речевых событий «Обсуждение информации») имеет 5 соответствий в английском языке: *chatter, blether (blather), twaddle, gabble, jabber*. Лексема *спор* (подгруппа устных речевых событий «Обсуждение информации») имеет 6 соответствий: *argument, argumentation, dispute, controversy, debate, discussion*. Лексема *выговор* (подгруппа устных речевых событий «Сообщение информации») имеет 7 соответствий в английском языке: *talking-to, scolding, dressing-down, telling-off, wigging, reprimand, reproof*, т.е. характеризуется наибольшим индексом множественности соответствий среди лексем рассматриваемой группировки.

Средний индекс множественности соответствий в исследуемой группировке оказался равным 1,97, что означает, что одной русской лексеме в среднем соответствует по две лексемы английского языка. Наиболее высоким средний индекс множественности соответствий оказался в подгруппе письменно-устных речевых событий «Обсуждение информации», а наименее высоким – в подгруппе письменных речевых событий «Запрос информации».

Проведенный анализ выявил в исследуемой группировке шесть безэквивалентных лексем – это лексема *оговорка* (подгруппа устных речевых событий «Сообщение информации»), лексемы *аудиенция, полилог, предзащита, прием и телемост* (подгруппа устных речевых событий «Обсуждение информации»), которые не имеют английских соответствий.

В ходе исследования в рассматриваемой группировке также выявлено 15 эквивалентных контрастивных пар. Это пять пар в подгруппе устных речевых событий «Сообщение информации» (*жалоба – complaint; инвектива – invective; истолкование – interpretation; сообщение – information; хрия – chreia*), четыре контрастивные пары в подгруппе устных речевых событий «Обсуждение информации» (*интервью – interview; блиц-интервью – quick interview; видеоконференция – videoconferencing; стол переговоров - negotiating table*), одна контрастивная пара в подгруппе устных речевых событий «Запрос информации» (*экзит-пол – exit poll*). Три эквивалентных контрастивных пары отмечены в подгруппе письменно-устных речевых событий

«Сообщение информации» (*репортаж – commentary; ответ – answer; информация – information*), одна контрастивная пара – в подгруппе письменно-устных речевых событий «Обсуждение информации» (*общение – communication*) и одна контрастивная пара – в подгруппе письменно-устных речевых событий «Запрос информации» (*вопрос – question*). В группе письменных речевых событий эквивалентные лексемы не обнаружены.

В ходе исследования в рассматриваемой группировке был выявлен ряд новых лексических единиц, которые появились в русском языке в конце XX - начале XXI века и ещё не вошли ни в один из толковых словарей русского языка. К подобным единицам, представляющим собой заимствования из английского языка, относятся: *презентация, видеоконференция, ток-шоу, эсэмэска, имэйл, экзит-пол, баннер, билборд* и др. Общее количество таких лексических единиц по отношению к общему количеству контрастивных пар в изученной группировке составляет 3%. Наибольшее число новых лексем (7) выявлено в подгруппе письменных речевых событий «Сообщение информации» и, очевидно, связано с бурным развитием информационных систем и рекламного бизнеса.

Контрастивный анализ семантики позволил нам ввести еще один формализованный параметр – *интегральный индекс идентичности межъязыковых лексических соответствий*, который характеризует степень семантической эквивалентности лексем в целом и позволяет создать типологию межъязыковых соответствий. Данный индекс вычисляется как среднее арифметическое введенных нами индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности, которые, в свою очередь, определяются через отношение совпадающих денотативных (коннотативных, функциональных) сем в контрастивной паре к общему числу сем этой категории.

Наибольшая степень семантической эквивалентности контрастивных пар зафиксирована в группах наименований письменных и письменно-устных речевых событий (интегральный индекс идентичности в этих группах наибольший и составляет по 77%), а наибольшая степень проявления национальной специфики – в группе наименований устных речевых событий (интегральный индекс идентичности в этой группе наименьший и равен 71%). Отметим, что рассматриваемый показатель для всей группировки наименований речевых событий составляет 75%, что означает, что в целом английские и русские лексемы, обозначающие речевые события, по составу сем совпадают на три четверти.

Введенный нами интегральный индекс идентичности лексем позволил выявить в языке сопоставления (в нашем случае – английском) полные (эквивалентные), ближайшие, близкие и дальние соответствия, а также

определить отсутствие соответствий (безэквивалентные единицы). Для этой цели нами предложена и используется следующая шкала:

- полные (эквивалентные) соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 100% (*сообщение – information; интервью – interview; жалоба – complaint; ответ – answer* и др.);
- ближайшие соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 80% и более (*высказывание – utterance; выступление – speech; афиша – notice* и др.);
- близкие соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 60% и более (*объявление – ad, advert; агитация – propaganda; реклама – publicity* и др.);
- дальние соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет менее 60% (*письмо – epistle; послание – message; воззвание – appeal* и др.);
- отсутствие соответствия (безэквивалентные единицы) – интегральный индекс идентичности равен 0 (*прием; телемост; полilog* и др.).

В изученной группировке наименований речевых событий эквивалентными (полными семными) соответствиями являются 4% контрастивных пар, ближайшими соответствиями оказались 38% пар, такое же количество (38%) было зафиксировано близких соответствий, дальние соответствия составили 18% всех контрастивных пар. Отметим также, что 2% входящих в исследуемую группировку лексем русского языка оказались безэквивалентными.

Процентное соотношение типов выявленных русско-английских межъязыковых соответствий в группировке наименований речевых событий представлено в таблице.

Лексичес- кая группа	Лексичес- кая подгруппа	Эквива- лентные соответ- ствия	Ближай- шие соответ- ствия	Близкие соответ- ствия	Даль- ние соответ- ствия	Отсутст- вие соответ- ствия
Устные речевые события	Сообщение информации	3%	42%	34%	20%	1%
	Обсуждение информации	4%	25%	37%	29%	5%
	Запрос информации	8%	38%	46%	8%	-

Письменные речевые события	Сообщение информации	-	53%	37%	10%	-
	Запрос информации	-	50%	-	50%	-
Письменно-устные речевые события	Сообщение информации	5%	37%	50%	8%	-
	Обсуждение информации	17%	17%	66%	-	-
	Запрос информации	50%	50%	-	-	-

Как видно из приведенной таблицы, наибольшее число эквивалентных соответствий (50% от общего числа контрастивных пар) зафиксировано в подгруппе письменно-устных речевых событий «Запрос информации», что объясняется малочисленностью данной подгруппы. Наибольшее количество ближайших соответствий (53% от общего числа контрастивных пар) отмечено в подгруппе письменных речевых событий «Сообщение информации». Что касается близких соответствий, то они существенно преобладают в подгруппе письменно-устных речевых событий «Обсуждение информации», где их количество составляет 66% от общего числа контрастивных пар данной подгруппы. По числу дальних соответствий лидирует подгруппа письменных речевых событий «Запрос информации», где таких соответствий зафиксировано 50%. Что касается безэквивалентных единиц, то они преобладают в подгруппе устных речевых событий «Обсуждение информации», где их число составляет 5% от общего числа контрастивных пар.

В целом проведенное исследование подтвердило, что контрастивная методика и использование формализованных параметров позволяют достаточно достоверно и наглядно выявить и представить как национальную специфику семантики лексических единиц, так и семантическую эквивалентность в двух языках, применение же шкалы типов межъязыковых соответствий позволило создать типологию межъязыковых соответствий, основанную на объективных цифровых показателях.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М., 2007.
3. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития // Сопоставительные исследования 2010 – Воронеж, 2010. – С. 3-9.

А.С. Макарова

Контаминация как способ трансформации крылатых выражений в современной российской и французской публицистике

Внимание современных лингвистов нередко бывает обращено к сложным процессам, которые происходят в газетно-журнальной фразеологии (Григораш 2008, Птушко 2006, Саютина 2012 и др.). Изучение фразеологических единиц (далее ФЕ), к которым большинство исследователей причисляют и крылатые выражения (далее КВ), в неблизкородственных языках является сегодня актуальной проблемой сопоставительного языкознания.

В данной статье мы рассмотрим контаминацию КВ как один из способов трансформации означенных языковых единиц. В переводе с латинского языка термин «контаминация» обозначает «соприкосновение» и «смешение», под которыми подразумевается «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» (ЛЭС 1990, с. 238). А.М. Бабкин писал о закономерности этого явления, имея в виду «образование новой фразеологической единицы в результате контаминации двух семантически близких фразеологических единиц» (Бабкин 1970, с. 29). В.М. Мокиенко относит контаминацию к особому типу эксплицирования ФЕ, подчёркивая, что «само понятие контаминации предполагает «вклинивание» одной языковой единицы в другую» (Мокиенко 1989, с. 149). Известно, что контаминация, представляя собой структурно-семантическую трансформацию, приводит к структурным и структурно-семантическим изменениям. Контаминация ФЕ есть «объединение частей двух или более ФЕ, в результате которого может возникнуть новая ФЕ» (Мелерович, Мокиенко 2008, с. 321). Отметим, что контаминацией КВ, как и ФЕ, можно считать объединение двух и более частей КВ в одно устойчивое выражение.

Перейдём к рассмотрению примеров контаминации на страницах отечественной периодической печати, где можно выделить следующие модели контаминации:

1. КВ-трансформ + КВ-трансформ

В случае с госсекретарем США нужна новая редакция: "Любите ли вы Брамса так, как это делает Кондолиза Райс?" (Труд-7, 2006.07.29).

В анализируемом примере журналист контаминирует два КВ: КВ-галлицизм *Любите ли вы Брамса* (Aimez-vous Brahms... – название романа Ф. Саган, 1959) и популярное в своё время высказывание из советского кинофильма «Старшая сестра» (1966 г., режиссёр Г. Натансон), где главная героиня в исполнении Т. Дорониной читает монолог «Любите ли вы театр, как люблю его я?».

В рассмотренном контексте не наблюдается изменение семантики индивидуально преобразованных выражений. В первую часть высказывания добавляется указательное наречие *так*, употребляющееся «для подчёркивания, выделения при противопоставлении, сопоставлении» (БТСРЯ), выражение при этом получает ироничный оттенок.

2. КВ + КВ-трансформ

В следующем контексте из российской прессы в результате контаминации выражение получает новое значение.

Но "старая гвардия" просто так не сдается. ...некая "инициативная группа ветеранов Вооруженных сил" начала сбор подписей под письмом в адрес Верховного главнокомандующего... (Труд-7, 2007.11.24).

В приведённом примере контаминируются два КВ-галлицизма: *старая гвардия и гвардия не сдается*, последнее представляет собой импликацию КВ *гвардия умирает, но не сдается*. План содержания нового образования отличается от инвариантов КВ. Нужно отметить, что КВ *старая гвардия* взят автором в кавычки. Выделяя его графически, журналист привлекает к нему внимание читателя. Под старой гвардией автор понимает не что иное, как «инициативную группу ветеранов Вооруженных сил». Таким образом, план содержания инварианта преобразуется. Старая гвардия это – ветераны, то есть бывшая гвардия, а не «испытанные, опытные деятели в какой-либо области» (БСКСРЯ 2005, с. 475). Второе КВ употребляется, когда говорят «о чём-либо упорном, стойком сопротивлении» (БСКСРЯ 2005, с. 115). В новом образовании семантика меняется за счёт лексического расширения КВ наречием *просто так*. Значение меняется кардинально: «гвардия может сдаться при определённых условиях».

3. КВ + политический неологизм

Представленный пример ярко иллюстрирует языковые тенденции современной российской публицистики.

Впрочем, и оранжевое пушечное мясо не производит особо воодушевляющего впечатления (Известия, 2005.02.04).

Контаминируется КВ-галлицизм *пушечное мясо* с неологизмом оранжевая революция, пришедшим из политического языка последних лет. Данное индивидуально-авторское употребление делает статью более актуальной, добавляет ироничный оттенок и контекстуально актуализирует семантику КВ-галлицизма.

4. КВ-трансформ + ФЕ

Следующий контекст ярко иллюстрирует окказиональную замену инварианта КВ-галлицизма *медовый месяц* (субSTITУЦИЯ *месяц* – *отношения*), который журналист соединяет с ФЕ *Ложка дёгтя в бочке мёда*.

На пресс-конференции немецкие журналисты попытались добавить ложечку дёгтя в «медовые отношения» двух лидеров. (Комсомольская правда, 2006.04.28).

В результате контаминации семантика нового образования конкретизируется.

Приведём несколько контекстов из французской прессы, которые также содержат разные модели контаминации.

1. КВ-трансформ + ФЕ

...je sais que ceux-là me jugeront durement – et ceux qui n'ont jamais osé mettre le nez du côté de chez Proust (figaro.fr, 01/02/2011).

Статья посвящена сериалу, снятому на канале France 2 по произведениям французского писателя XX века М. Пруста. Автор восхищается фильмом, актёрами, костюмами и декорациями, но отдаёт себе отчёт в том, что не все разделяют его восторг по поводу такой экранизации романа Пруста.

Трансформированное КВ-галлицизм *du côté de chez Proust* (инвариант *du côté de chez Swann*) контаминируется с французской ФЕ *mettre le nez* (сунуть нос, заглянуть во что-л.; заняться чем-л.). Ирония, скрытая в данной контаминации, адресована тем, кто критикует, но не рискует *mettre le nez du côté de chez Proust* («сунуть нос в направлении Пруста»). План содержания изменился: нужно обладать смелостью, чтобы интерпретировать произведения Пруста.

В следующем контексте мы наблюдаем контаминацию имплицитной модели КВ-галлицизма *Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant qu'il soit pris* (делить шкуру неубитого медведя) с ФЕ французского языка *ours mal léché* (грубиян; неотёсанный человек, бурбон). Основой сокращения двух выражений становится общий базовый компонент *ours* (медведь).

Cette année encore, on ne donnait pas cher de la peau électorale de cet ours mal léché de 74 ans... (Le Point.fr, 21/01/2008).

В статье речь идёт о выборах во Франции. В контексте не лучшим образом отзываются об одном из кандидатов. Вместо базового глагольного компонента *vendre* (продавать – в русском варианте – делить) журналист употребляет *donner* (давать в значении платить), имеющий пренебрежительный стилистический оттенок. В результате добавления относительного прилагательного *la peau* (шкура) становится *électorale* (избирательная). При лексическом расширении ФЕ автор намеренно вводит возраст кандидата *de 74 ans* (семидесяти четырёх лет). Соединение трансформированного КВ с ФЕ меняет план содержания нового

образования. За электорат такого кандидата много не дают, данный кандидат не стоит того, чтобы быть избранным. Индивидуально-авторское употребление добавляет саркастический оттенок контексту, оно содержит резко негативную оценку.

2. КВ-трансформ + антропоним

Данный контекст содержит отсылку к роману Вольтера «Кандид», из которого пришло знаменитое КВ *надо возделывать свой сад*.

Par cette affirmation à la signification multiple, et très en avance sur son temps, il franchissait un grand pas vers la modernité, ramenant les merveilleuses promesses de l'au-delà à la dimension du médiocre jardin cultivé par le modeste Candide (Le Point, 25/08/2000).

В приведённом примере контаминируется часть трансформированного КВ-галлицизма *cultiver son jardin* (*médiocre jardin cultivé*) с именем героя романа Вольтера «Кандид». Значение КВ сохраняется. Ввод имени собственного героя романа, с которым журналист употребляет прилагательное *modeste* (скромный, простой, непритязательный), а с *jardin* (сад) – прилагательное *médiocre* (среднего размера; незначительный), прибавляют ироничный оттенок новому образованию, подчёркивая исходный смысл не только КВ, но и всего произведения: человек должен честно заниматься своим конкретным делом, а не быть погружённым в политическую борьбу или в решение общих вопросов бытия. Следует отметить, что эти качественные прилагательные объединены общей семой «незначительный, заурядный», как по размерам (сад), так и по личным качествам (человек).

3. КВ + авторская ФЕ

L'appétit vient en mangeant la substantifique moelle (Liberation.fr, 18.04.1995).

В данном контексте мы наблюдаем особый случай контаминации КВ-галлицизма *L'appétit vient en mangeant* и ФЕ *la substantifique moelle*, созданной Ф. Рабле. Следует подчеркнуть, что объединение КВ в роли цитатной единицы и ФЕ является типологически интертекстовой моделью контаминации и свидетельствует в пользу того, что данные единицы обладают сходными категориальными и функциональными чертами, так как «расширение интертекстового поля при контаминации достигает своего «типологического предела» при соединении с единицами, не соотносимыми с претекстом, то есть не интертекстовыми» (Сидоренко 1999, с. 176).

Будучи незаслуженно изгнанными в своё время из «новой кухни» по причине жирности, блюда из костного мозга возвращаются в систему общественного питания Франции. Журналист намеренно контаминирует КВ и ФЕ Рабле, соединяя в единое семантическое целое значения прямое иfigуральное: *la substantifique moelle* – самое ценное, содержательное в сочинении и *la moelle* (костный мозг) – ценное содержимое кости. План

содержания индивидуально-авторского образования изменяется: появляется ироничный оттенок.

Анализ вышеприведённых примеров позволяет сделать следующие выводы: семантическое тождество КВ может нарушаться, так как, «трансформация структурной модели <...>, как правило, так или иначе, отражается на <...> семантике» (Мокиенко 1989, с. 52). Французские журналисты чаще прибегают к моделям контаминации, которые приводят к изменению плана содержания инварианта КВ: из пяти примеров три с изменением семантики. Отечественные публицисты реже – один из четырёх примеров. По справедливому замечанию С.В. Птушко, «...формирование окказиональной семантики обусловливается, прежде всего, pragматическим фактором – интенциями автора, его желанием оживить, обновить внутреннюю форму единицы, образ которой стёрся в результате многократного употребления» (Птушко 2006, с. 7-8). Контаминация как способ трансформации КВ позволяет создавать яркие и запоминающиеся индивидуально-авторские выражения, отличающиеся большей выразительностью, дополнительной экспрессией и иронией. Так, в результате контаминации КВ-галлицизмов и в отечественной, и во французской публицистике, встречаются примеры, когда индивидуально-авторское образование приобретает ироничный оттенок: два примера из четырёх в российской прессе и два из пяти во французской.

В заключение отметим, что на примере контаминации нами выявлены схожие «комбинации приёмов» (термин Н.В. Саютиной) трансформации КВ, установлены одинаковые функции данных новых индивидуально-авторских образований: экспрессивная, аттрактивная, уточнение или усиление значения, эмоционально-оценочная и пр. Однако отмечаются и национально-специфические черты, связанные как с грамматическим строем двух неблизкородственных языков, так и с ментальностью народов и экстраграмматическими причинами. В отечественной публицистике трансформации подвергаются чаще КВ-инварианты и КВ-трансформы. Французские журналисты чаще модифицируют КВ-трансформы, контаминируя их с ФЕ.

Литература

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. – Л., 1970.
2. Григораш А.М. Фразеологические инновации в современной публицистике Украины: (на материале русскоязыч. и украиноязыч. прессы 1990-х-2000-х годов). – Киев, 2008.
3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома, 2008.

4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1989.
5. Птушко С.В. Окказиональные актуализации пословиц в заголовках англоязычной газетно-журнальной публицистики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2006.
6. Саютина Н.В. Трансформация фразеологизмов: общее и национально-характерное в русских и немецких публицистических текстах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2012.
7. Сидоренко К.Н. Интертекстовые связи пушкинского слова. – СПб., 1999.

Использованные словари

1. БСКСРЯ – Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц / В. П.Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцев. – М.: Сов. энцикл., 1990.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
5. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др.; под ред. В.Г. Гака – М.: Рус. яз. - Медиа, 2005.
6. Новый французско-русский словарь / В.Г.Гак, К.А. Ганшина – 10-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2005.

И.Н. Никитина

Особенности русских и английских наиболее частотных глаголов чувственного восприятия

Материалом исследования послужили наиболее частотные глагольные лексемы, обозначающие чувственное восприятие в русском и английском языках, отобранные из ста наиболее частотных глагольных лексем по данным Частотного словаря русского языка С.А.Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных глаголов Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Как показало исследование, из ста наиболее частотных глагольных лексем русского языка к семантической группе глаголов чувственного восприятия можно отнести 8 лексем: *видеть, глядеть, заметить,*

посмотреть, смотреть, слушать, слышать, чувствовать. В аналогичной английской группе их только 4: *feel, hear, look, see*.

Рассмотренные наиболее частотные глаголы чувственного восприятия в русском и английском языках относятся к различным группам в зависимости от объема семантемы – количества образующих семантему семем, согласно типологии, предложенной М.А. Стерниной (Стернина 1999, с.42):

- малосеменные – содержащие от двух до пяти семем;
- многосеменные – включающие шесть- десять семем;
- гиперсеменные – насчитывающие от 10 до 20 семем;
- сверхгиперсеменные – содержащие свыше 20 семем.

По данным проведенного исследования в рассмотренной группе в русском языке малосеменным является один глагол *заметить*, в английском языке малосеменных глаголов не обнаружено. Пять наиболее частотных глаголов чувственного восприятия русского языка входят в группу многосеменных: *глядеть, посмотреть, слушать, слышать, чувствовать*. В английском языке в рассматриваемой группе обнаружен только один многосеменный глагол *hear*. Гиперсеменными являются два глагола русского языка: *видеть, смотреть*, а в английском языке – три глагола: *feel, look, see*. Сверхгиперсеменных глаголов среди наиболее частотных глаголов, обозначающих чувственное восприятие, в русском и английском языках не обнаружено.

Для дальнейшего исследования нами было отобрано по 1000 примеров употребления каждой лексемы из Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса.

Для характеристики частотности семем в семантиках изученных лексем нами был использован **индекс коммуникативной релевантности семем** (термин Барановой/Кривенко – Баранова/Кривенко 2009, с.50-52), под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений данной лексемы к общему количеству её исследованных употреблений.

В результате проведенного исследования было обнаружено, что индекс коммуникативной релевантности семемы $D1^{10}$, то есть основного значения лексемы, в большинстве случаев оказывается выше, чем семем $D2$ и $K1$. Так, в группе наиболее частотных глаголов чувственного восприятия русского языка, состоящей из 8 единиц, наиболее высокий индекс коммуникативной релевантности $D1$ отмечен у 7 лексем: *глядеть, заметить, посмотреть, смотреть, слушать, слышать, чувствовать*. В аналогичной английской группе из 4 единиц семема $D1$ является наиболее коммуникативно релевантной у двух лексем: *feel, look*.

¹⁰ Используется терминология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989).

Исследование показало, что в отдельных случаях преобладает индекс коммуникативной релевантности семем Д2 и К1. В группе наиболее частотных глаголов чувственного восприятия русского языка у лексемы *видеть* наиболее коммуникативно релевантной является семема Д2 «воспринимать зрением» (*Ты видел, как она вообще выглядит?*) с индексом коммуникативной релевантности 50,9%, семема Д1 данной лексемы «иметь зрение; обладать зрением» (*Кошки, как и любые хищники, ведущие ночной образ жизни, хорошо видят в тёмное время суток.*) имеет индекс коммуникативной релевантности всего 2,7%.

В аналогичной английской группе у лексемы *hear* наиболее коммуникативно релевантной является семема Д2 «услышать что-л.» (*The birds and squirrels in my garden come for food as soon as they hear my whistle*) с индексом коммуникативной релевантности 38,7%, семема Д1 данной лексемы «обладать слухом» (*He's pretty old and doesn't hear too well*) имеет индекс коммуникативной релевантности 3,3%.

У лексемы *see* наиболее коммуникативно релевантной является семема К1 «смотреть» (*They had come to see the show*) с индексом коммуникативной релевантности 34,4%, у семемы Д1 данной лексемы «видеть» (*Be vigilant and tell us what you see and hear*) индекс коммуникативной релевантности составил 18,5%.

Для дальнейшего исследования нами был использован введенный нами **индекс коммуникативного превалирования семем** – отношение количества лексем с наибольшей коммуникативной релевантностью семемы данного типа (Д1, Д2, К1) к общему количеству рассмотренных лексем данной группы. В группе наиболее частотных глагольных лексем, обозначающих чувственное восприятие в русском языке, **индекс коммуникативного превалирования семемы Д1** составляет 87,5%, **семемы Д2 – 12,5%, семемы К1 – 0**. В аналогичной группе английского языка **индекс коммуникативного превалирования семемы Д1** составил 50 %, **семемы Д2 – 25%, семемы К1 – 25%**. Таким образом, как показало исследование, семемы Д1 превалируют в обеих группах.

В изученных группах наиболее частотных глаголов чувственного восприятия в русском и английском языках нами была обнаружена одна пара соответствий: *feel* - чувствовать.

Гиперсемемная семантическая лексема *feel* включает в себя 16 семем: одну семему Д1v «быть в каком-л. состоянии, испытывать какое-л. чувство» (*When we feel pleased with our achievements we tend to feel inspired to achieve even more in the way of health and figure improvement*) с индексом коммуникативной релевантности **56,2%**, семему К1v «полагать, считать» (*People felt that central government was remote from their particular needs*) с индексом коммуникативной релевантности 23%, К1v/n¹¹ «чувствовать,

¹¹ Обозначается лексико-грамматическая вариантность семемы (Стернина 1999).

ощущать; испытывать / ощущение» (*He sat her down at the table, where she could feel the warmth of the fire after her bath. / This does not stop me from wishing for the feel of the cold, wet winds of Edinburgh!*) с индексами коммуникативной релевантности 13,1% и 2,3% соответственно, K1n «обстановка, атмосфера» (*Just 100 yards from the seafront and you step back through the centuries, giving you a real feel of medieval life*) с индексом коммуникативной релевантности 1,5%, K1v «трогать, осязать» (*It's so good to feel smooth skin again and not to have to dread looking into a mirror!*) с индексом коммуникативной релевантности 1%, K1v «производить впечатление» (*The room and my relationship to the room just doesn't feel the same*) с индексом коммуникативной релевантности 0,9%, K1n «чувство, чутье» (*However, the rider's feel for the mare was sure*) с индексом коммуникативной релевантности 0,7%, K1v/n «вызывать ощущение при прикосновении / ощущение при прикосновении» (*Once cooked, the lentils should have absorbed all of the water and feel soft in texture. / The hair used is a special polyester filament that is as firm as a very good quality hog, but with a more sensitive feel*) с индексами коммуникативной релевантности 0,6% и 0,1% соответственно, K1v «сознавать; испытывать» (*Did they not feel the pressure of hopes raised, of hungry naked children waiting for them to move their pens?*) с индексом коммуникативной релевантности 0,4%, K1v «переживать, испытывать» (*'I feel shame,' said Herluin tightly*) с индексом коммуникативной релевантности 0,1%, K1v «шарить, искать ощущением» (*Wexford watched him feel for the girl's hand*) с индексом коммуникативной релевантности 0,1%, две семемы Д2v «разведывать(воен.)» и «производить пальпацию» с нулевыми индексами коммуникативной релевантности, а также три семемы K1v «воспринимать, понимать», «предчувствовать», «прощупывать, выяснять положение дел» с индексами коммуникативной релевантности, равными нулю.

Многосемемная семантическая лексема *чувствовать* состоит из шести семем: семемы Д1v «быть в каком-л. состоянии, испытывать какое-л. чувство» (*Я думал это невозможно и чувствовал себя совершенно беспомощным*) с индексом коммуникативной релевантности **50,4%**, двух семем K1v «предчувствовать; воспринимать интуицией» (*Обманывать его бесполезно было уже с года, интуитивно чувствует обман и несправедливость*) с индексом коммуникативной релевантности 26,7%, «сознавать» (*Главное для психолога - уметь чувствовать неповторимость и своеобразие каждого человека*) с индексом коммуникативной релевантности 10,4%, семемы Д2v «находиться в каком-л. состоянии здоровья» (*Она весь день чувствовала головокружение*) с индексом коммуникативной релевантности 10,3%, семемы K1v «воспринимать, понимать» (*Вы неплохо чувствуете искусство в такие юные годы*) с индексом коммуникативной релевантности 1,9%, семемы Д2v «находиться в каком-л. состоянии (о растениях)» (*На ярком солнце многие кадочные*

растения *чувствуют* себя плохо: горшки сильно нагреваются и земляной ком быстро пересыхает) с индексом коммуникативной релевантности 0,3%.

Семантема рассмотренной нами наиболее частотной глагольной лексемы английского языка *feel*, помимо одинаковых семем с лексемой русского языка *чувствовать*, включает также эндемичные семемы. Для характеристики степени проявления эндемичности в семантиках данных лексем воспользуемся введенным Л.А. Кривенко **индексом эндемичности семантемы** (Кривенко 2010, с.57), под которым понимается отношение количества эндемичных семем в семантеме к общему количеству ее семем. Для изученных лексем показатели данного индекса следующие: *feel* - 56%, *чувствовать* – 0.

В целом, анализ наиболее частотных глаголов чувственного восприятия русского и английского языков позволил выявить их следующие особенности:

- группа глагольных лексем русского языка в два раза больше английской группы;
- большинство глаголов чувственного восприятия в русском языке являются многосеменными, английского – гиперсеменными;
- индекс коммуникативного превалирования семем $\Delta 1$ выше в обеих группах;
- единственная пара сопоставимых лексем данной группы *feel* – *чувствовать* характеризуется достаточно значительными семантическими различиями: большим объемом семантемы лексемы *feel* и высокой степенью ее эндемичности .

Литература

1. Баранова / Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. – Вып. 21. – Воронеж, 2009.
2. Британский национальный корпус – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
4. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010.
5. Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru
6. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
7. Частотный словарь С.А.Шарова – www.artint.ru/projects/frqlist.asp

Н.А. Портнихина

Сопоставительное исследование национальной специфики семантического развития наименований небесных тел в русском и английском языках

В рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2010) нами была предпринята попытка описать национальную специфику семантического развития наименований небесных тел, сопоставимых в русском и английском языках. Всего выявлено девять таких пар: *звезда – star*, *земля – earth*, *луна – moon*, *солнце – sun*, *астероид – asteroid*, *комета – comet*, *метеор – meteor*, *планета – planet*, *спутник – satellite*. Для описания развития семантики данных лексем использовались такие формализованные параметры, как *индекс представленности семемного уровня семантического развития слова*, *индекс представленности словообразовательного уровня семантического развития слова*, *индекс представленности фразеологического уровня семантического развития слова*, *индекс представленности семемного (словообразовательного, фразеологического) уровня семантического развития слов в группе*, *индекс продуктивности семантического признака*, *совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков*, *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* и *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем* (Портнихина 2011, с. 46-47).

Проведенный анализ показал, что семантическое развитие наименований небесных тел в русском и английском языках возможно на трех (семемном, словообразовательном, фразеологическом) уровнях одновременно, на двух из них или всего на одном.

Так, в русском языке семантическое развитие на трех уровнях отмечено у шести лексем: *звезда*, *земля*, *луна*, *метеор*, *планета*, *солнце*. В английском языке семантическое развитие на всех трех уровнях зафиксировано у пяти лексем: *earth*, *moon*, *planet*, *star*, *sun*.

Семантическое развитие на двух уровнях в русском языке прослеживается у двух лексем: *комета* и *спутник*, в английском – также у двух лексем: *meteor* и *satellite*.

Семантическое развитие слова на одном уровне в русском языке зарегистрировано только у одной лексемы *астероид*, в английском языке – у двух лексем: *asteroid* и *comet*.

Как показало исследование, в группах наименований небесных тел в русском и английском языках представленность уровней семантического развития слов в группе различна. Так, индекс представленности семемного уровня семантического развития слов в рассмотренной группе в русском

языке оказался равен 14,3%, индекс представленности словообразовательного уровня – 54,3%, а индекс представленности фразеологического уровня – 31,4%. В английском языке значение этого индекса для семенного уровня оказалось равным 13,3%, для словообразовательного уровня – 58,4%, а для фразеологического уровня – 28,3%. Таким образом, в обоих языках наиболее продуктивно семантическое развитие слова осуществляется на словообразовательном уровне. Следующим по репрезентативности как в русском, так и в английском языке является фразеологический уровень. Наименее представлен в семантическом развитии наименований небесных тел в обоих языках семеный уровень.

В ходе рассмотрения семантического развития сопоставимых лексем данной группы нами были выделены семантические признаки, которые обуславливают развитие производных семантических единиц на всех уровнях развития семантики лексем. Как показал анализ, в основе семантического развития лексем данной группы могут лежать один или одновременно два семантических признака. Так, например, для семантического развития семемы Д2 «свет, излучаемый небесным телом, естественным спутником Земли», производной от семемы Д1 лексемы *луна*, релевантен один семантический признак – *испускание света*. Семантическое развитие словообразовательной единицы *sunflower*, производной от лексемы *sun*, мотивируют одновременно два семантических признака – *форма небесного тела и цвет небесного тела*.

Важность семантического признака в семантическом развитии наименований небесных тел позволил определить индекс продуктивности семантического признака развития слова (Портнихина 2011, с. 47). Как показало исследование, в русском языке значения данного индекса колеблются от 2,2% до 100%, в английском языке – от 0,9% до 100%. Так, например, семантический признак *размер небесного тела* в семантическом развитии лексемы *земля* имеет значение индекса продуктивности, равное 2,2%, а семантический признак *небесное тело* в развитии лексемы *asteroid* имеет индекс продуктивности равный 100% (т.е. данный семантический признак мотивирует развитие всех семантических единиц, производных от семемы Д1 рассматриваемой лексемы). В английском языке индекс продуктивности семантического признака *тепло от небесного тела* в семантическом развитии лексемы *sun* составил 0,9%, а индекс продуктивности семантического признака *сопутствующее действие* в развитии лексемы *satellite* оказался равен 100%.

При сравнении семантических признаков, лежащих в основе развития сопоставимых лексем, были выявлены как одноименные признаки, мотивирующие семантическое развитие обеих лексем одновременно, так и

эндемичные семантические признаки, характерные для семантического развития лишь одной из сопоставимых лексем.

С помощью введенных нами формализованных параметров, таких как совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков и совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков, были количественно охарактеризованы общие и национально-специфические черты в семантическом развитии рассматриваемых лексем.

Так, в семантическом развитии всех лексем, называющих небесные тела, в обоих языках обнаруживаются одинаковые семантические признаки. Однако индексы продуктивности одноименных семантических признаков в русском и английском языках в большинстве случаев оказались неодинаковыми. Так, в русском языке совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков оказался выше, чем в языке сопоставления, у пяти лексем: *земля, луна, метеор, планета, солнце*. В английском языке значения данного индекса выше, чем в русском, у двух лексем: *comet* и *star*. Это еще раз подтверждает тот факт, что одноименные семантические признаки в разных языках могут обладать разной степенью продуктивности. Отметим, что у двух пар сопоставимых лексем *астероид – asteroid* и *спутник – satellite* совокупные индексы продуктивности одноименных семантических признаков оказались одинаковыми.

Что касается эндемичных семантических признаков, то в русском языке они выявлены в семантическом развитии трех лексем: *звезда, комета* и *солнце*. В английском языке эндемичные признаки отмечены у четырех лексем: *earth, moon, planet* и *sun*.

Как показало исследование, в русском языке значения совокупных индексов продуктивности эндемичных семантических признаков оказались выше, чем в английском, у двух лексем: *звезда* и *комета*. В английском языке значения этого индекса выше, чем в русском, у всех четырех лексем: *earth, moon, planet* и *sun*. Эндемичные признаки не выявлены в семантическом развитии трех пар сопоставимых лексем (*астероид – asteroid, метеор – meteor* и *спутник – satellite*) – их совокупные индексы продуктивности эндемичных семантических признаков равны 0.

В целом в семантическом развитии наименований небесных тел в обоих языках нами было зафиксировано 18 одноименных семантических признаков: *благоприятное воздействие небесного тела, возвышенное положение небесного тела, воздействие небесного тела, защита от воздействия небесного тела, испускание света, направление движения небесного тела, небесное тело, неблагоприятное воздействие небесного тела, недосягаемость, поверхностный слой небесного тела, размер небесного тела, скорость движения небесного тела, сопутствующее действие, среда обитания, тепло от небесного тела, форма небесного тела, цвет небесного тела, цикличность движения небесного тела*.

Отметим, что наиболее продуктивным семантическим признаком в семантическом развитии наименований небесных тел в русском языке является признак **поверхностный слой небесного тела**, релевантный для образования 50 производных семантических единиц группы (земляной, земельный, землистый, землистость, земснаряд, землянка, земляника, предать земле, от земли не видать и др.). Следующим по продуктивности оказывается признак **небесное тело**, который мотивирует развитие 35 производных семантических единиц (околоземный, отличаться как небо и земля, лунник, прилунение, солнечный и др.). Наименьшей семантической продуктивностью обладают следующие семантические признаки, каждый из которых мотивирует развитие всего одной производной семантической единицы: **защита от воздействия небесного тела** (солнцезащитный), **направление движения небесного тела** (по солнцу (идти, двигаться) – ориентируясь на солнце, определяя путь по положению солнца), **цвет небесного тела** (подсолнечник – травянистое растение с крупным желтым соцветием) и **круговое движение небесного тела** (семема Д2п от семемы Д1 лексемы солнце «гимнастическое упражнение на турнике»).

Наиболее продуктивным в английском языке является семантический признак **испускание света**, который мотивирует развитие 52 производных семантических единиц группы (**sunlight, sunpillar, to make the sun shine through, moon-glade** и др.). Следующим по продуктивности оказывается признак **небесное тело**, релевантный для образования 49 производных (**moon-rover, earthwatch, earthscape** и др.). Наименьшей семантической продуктивностью обладают следующие семантические признаки, мотивирующие развитие всего одной производной семантической единицы: **скорость движения небесного тела (meteorically)** и **тепло от небесного тела** (семема Д2п/а от семемы Д1 лексемы *sun* «солнечный свет, тепло, лучи/солнечный»).

Как показало исследование, отдельные признаки проявляют разную степень продуктивности на различных уровнях семантического развития слова. Так, на семенном уровне в русском языке наиболее продуктивным оказался семантический признак **форма небесного тела** (семема К1п от семемы Д1 лексемы луна «рыба с шаровидным телом», семемы Д2п от семемы Д1 лексемы звезда «геометрическая фигура с остроконечными выступами, равномерно расположеннымми по окружности», «условный типографский знак» и др.), на словообразовательном уровне – семантический признак **небесное тело** (прилунение, созвездие, солнечный и др.), а на фразеологическом уровне – семантический признак **поверхностный слой небесного тела** (выбить землю из-под ног – поставить в неловкое положение, расстроить, землю носом рыть – энергично чем-то заниматься и др.).

Обращает на себя внимание тот факт, что на семемном уровне в английском языке наиболее продуктивен в развитии производных семантических единиц семантический признак *сопутствующее действие* (семема K1n от семемы Д1 лексемы *moon* «спутник любой планеты», семема K1n от семемы Д1 лексемы *satellite* «член свиты, сопровождающее лицо» и др.), на словообразовательном уровне – семантический признак *небесное тело* (*earthwatch*, *moon-rover*, *star-catalogue* и др.), а на фразеологическом уровне – семантический признак *недосыпаемость (to aim (level) at the moon* – много хотеть, иметь амбиции, *to go round the sun to meet the moon* – делать крюк и др.).

Анализ показал, что в русском языке для семантического развития лексем группы на всех трех уровнях релевантны семь семантических признаков, для семантического развития лексем на двух уровнях – шесть семантических признаков, только на одном уровне – шесть признаков.

Как показал анализ, в английском языке для семантического развития лексем группы на всех трех уровнях семантического развития релевантны 10 семантических признаков, для семантического развития на двух уровнях – пять семантических признаков, только на одном уровне – четыре признака.

При сравнении перечней семантических признаков, релевантных для семантического развития русских и английских наименований небесных тел, в русском языке в группе был выявлен один эндемичный признак: *круговое движение небесного тела* (семема Д2n от семемы Д1 лексемы *солнце* «гимнастическое упражнение на турнике»), в английском языке эндемичным в группе оказался семантический признак *время видимости небесного тела (to shoot the moon* – съехать с квартиры ночью, *to cover with the moon* – спать под открытым небом).

При описании национальной специфики семантического развития наименований небесных тел в русском и английском языках нами использовался интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011, с. 47).

В рассмотренной группе значение интегрального индекса национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем равно 0 у одной пары *астероид* – *asteroid*, что свидетельствует об **отсутствии национально-специфических различий** развития семантики данных лексем (Портнихина 2011, с. 198-199).

Показатели интегрального индекса не превышают 10% у четырех пар лексем: *звезда* – *star*, *земля* – *earth*, *луна* – *moon*, *планета* – *planet*, что говорит о **заметных** национально-специфических особенностях семантического развития данных лексем (там же).

Значения интегрального индекса варьируются в пределах от 10,1% до 30% у четырех пар лексем: *комета* – *comet*, *метеор* – *meteor*, *солнце* – *sun*,

спутник – *satellite*. Согласно введенной нами шкале, национально-специфические различия данных лексем следует признать **яркими** (там же).

Таким образом, с помощью сопоставительно-параметрического метода и введенных в его рамках новых формализованных параметров оказалось возможным сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития лексем русского и английского языков. Представляется, что применение описанной методики будет продуктивно при рассмотрении семантического развития любых пар сопоставимых наименований разных языков.

Литература

1. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2010. – С.3-9.

С.Н. Черникова

Фразеологизмы, включающие наименования *природных комплексов* в русском и английском языках

Предметом данного исследования является сопоставительный анализ фразеологизмов, включающих наименования ***природных комплексов*** в русском и английском языках.

Методом сплошной выборки из отечественных и зарубежных лексикографических источников были отобраны фразеологические единицы с наименованиями природных комплексов. В русском языке было выявлено 48 фразеологизмов, включающих 9 наименований природных комплексов: *лес, роща, бор, поле, луг, степь, болото, трясина, пустыня*, в английском языке – 30 фразеологизмов, включающих 7 наименований природных комплексов: *forest, wood(s), jungle, field, mire, pasture, desert*. Рассмотрим, какие семантические признаки послужили основой фразеологического переноса во фразеологизмах с данными лексемами.

Лексема *лес* входит в состав десяти фразеологических единиц. Семантическими признаками, лежащими в основе образования фразеологизмов с данной лексемой, оказались: *источник древесины (валить, рубить лес; сплавлять, гнать лес), неизвестность (как в лесу)*

– не понимать, не разбираться в данной обстановке; **тёмный лес**; **дремучий лес** – о том, что непонятно или неизвестно; **кто в лес, кто по дрова** – о неслаженных, несогласованных действиях), **высота** (за **деревьями не видеть леса** – проявлять внимание к мелочам, забывать о главном; **семь верст до небес и все лесом** – очень много наобещать, наговорить и т.д.), **среда обитания** (глядеть (смотреть) в лес – тяготиться данным местом, намереваться его покинуть), **опасность** (взглядеть, так **лес вянет** – о суровом взгляде, внушающем страх, ужас), **густота** (лес **лесом** – о густой траве, о любых густых зарослях).

Семантическими признаками, релевантными для фразеологического переноса лексемы **роща**, входящей в состав двух фразеологических единиц в русском языке, являются: **источник древесины** (**корабельная роща** – крупный еловый или сосновый лес (бор), где ряд деревьев, стволы которых ровные, высокие и гладкие, шли на изготовление корабельных мачт) и **среда обитания** (**моей (нашей и т. п.) рощи** – о чьём-л. сверстнике, ровеснике).

Лексема **бор** в русском языке входит в состав 4 фразеологических единиц. Семантическими признаками фразеологического переноса являются: **долгожительство (вековой бор)**, **труднопроходимость** (дремучий бор), **опасность, неприятность** (откуда, из-за чего-л. и т.п. сыр-бор загорелся, горит – затянулось дело, начался переполох, шум), **среда обитания** (**с бору (да) с сосенки; с бору по сосенке** – кто попало, о случайному подборе, составе людей).

Лексема **поле** в русском языке была зафиксирована в составе шестнадцати фразеологизмов. Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы **поле** в русском языке являются: **ровная поверхность** (зелёное поле – о поверхности бильярдного или карточного стола, покрытого зелёным сукном; **шахматное, шашечное поле** – квадрат, клетка на шахматной доске), **место действия** (поле боя, сражения, брани, ратное, бранное, боевое и т.п. поле; **минное поле**; **отъезжее поле (отъезжие поля)** – охота в отдаленных местах с выездом из дома на длительный срок; удаленное от дома место для охоты; **поздравлять, поздравить с полем** – поздравлять, поздравить с удачной охотой; **по первому полю** – впервые участвующий в охоте, об охотничьей собаке; **в чистом поле** – без крыши над головой, на улице), **общирность** (**не поле перейти** – не просто, не легко что-л. сделать, предпринять, совершить и т.п.; **ищи ветра в поле** – о бесполезных поисках, преследовании; **поле зрения** – пространство, обозримое глазом; **поле деятельности**; **дикое поле – степь**), **среда обитания** (**одного (своего, нашего, того же и т.п.) поля ягода** – о людях равных, схожих по своему положению, привычкам, поведению и т.п. (обычно неодобрительно); **не того поля ягода** – о несоответствии чему-л.; **не обсевок в поле** – о человеке, пользующемся определённым авторитетом, уважением).

Лексема *луг* в русском языке входит в состав трех фразеологических единиц. Были определены следующие семантические признаки фразеологического переноса лексемы *луг*: *источник растительности* (заливные, поэмные и т.п. луга; *холодный луг* - луг, на котором растёт плохая трава), *неизвестность* (ни к лугу, ни к болоту - неуместно, не к месту).

Для лексемы *степь*, входящей в состав двух фразеологизмов в русском языке, семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса, является признак *обширность* (не в ту степь - в неверном, неправильном направлении начинать думать, говорить, поступать; в ту степь - далеко, неизвестно куда).

Лексема *болото* в русском языке зафиксирована в составе пяти фразеологизмов. Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы *болото* являются: *топкое место* (вытаскивать/вытащить из болота кого-л. - помогать выйти из состояния застоя; затягивать/затянуть, (засасывать/засосать, тащить и т.п.) в болото (какое-л., чего-л.) - вынуждать поддаться вредному, опасному влиянию, перейти на сторону чего-л. отсталого, реакционного; скатываться/скатиться в болото, увязать/увязнуть и т.п. в болоте кого-л., чего-л., каком-л. - поддаваться вредному влиянию окружающей обстановки, среды и т.п., переходить на сторону отсталого, реакционного), *опасность* (Ну тебя, его, их и т.п. в болото; иди в болото - употребляется как пожелание избавиться, отделаться от кого-, чего-л.), *большая влажность* (слезливое болото - о чувствительном, плаксивом человеке).

Лексема *трясина* входит в состав двух фразеологических единиц. Семантическим признаком фразеологического переноса для обеих из них является *топкое место* (засасывать, всасывать и т.п., как трясина; превратить, превратиться и т.д. в трясину).

Лексема *пустыня* входит в состав четырех фразеологических единиц. В результате семантического анализа были обнаружены два семантических признака, которые послужили основой фразеологического переноса лексемы *пустыня* в русском языке: *необитаемость, безжизненность* (как в пустыне - без признаков жизни; *глас (голос) вопиющего (вопиющий) в пустыне* - о призывае, остающемся без ответа, без внимания; *обращать (превращать и т.п.) в пустыню*), *обширность* (корабль пустыни - о верблюде).

Анализ семантических признаков, легших в основу фразеологического переноса рассматриваемых лексем в русском языке, выявил в общей сложности 15 признаков, некоторые из которых оказались релевантными для фразеологического переноса нескольких лексем рассмотренной группы. Так, признак *среда обитания* оказался важным для фразеологического развития четырех лексем: *лес, роща, бор, поле*.

Семантический признак *опасность* лег в основу фразеологического переноса у трех лексем: *лес*, *бор*, *болото*. Семантический признак *общирность* является основой фразеологического переноса также у трех лексем: *поле*, *степь*, *пустыня*. Признак *источник древесины* оказался важным для фразеологического развития двух лексем: *лес*, *роща*, а признак *неизвестность* лег в основу фразеологического переноса двух лексем: *лес*, *луг*. Наконец, признак *топкое место* оказался релевантным для фразеологического развития двух лексем: *болото*, *трясина*.

Для оценки роли того или иного семантического признака во фразеологическом развитии изучаемых лексем мы использовали введенный Н.А. Портнихиной (Портнихина 2011) *индекс продуктивности семантического признака развития слова*, под которым понимается отношение количества производных семантических единиц (в нашем случае – *фразеологизмов*), мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству фразеологизмов, образованных от семемы D_1 рассматриваемой лексемы.

Полученные данные продуктивности семантических признаков в русском языке приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Лексема \ Семантический признак	лес	роща	бор	поле	луг	степь	болото	трясина	пустыня
<i>Источник древесины</i>	20%	50%							
<i>Неизвестность</i>	30%				33%				
<i>Высота</i>	20%								
<i>Среда обитания</i>	10%	50%	25%	18,8%					
<i>Опасность</i>	10%		25%				20%		
<i>Густота</i>	10%								
<i>Долгожительство</i>			25%						
<i>Труднопроходимость</i>			25%						
<i>Место действия</i>				37,5%					
<i>Обширность</i>				31,2%		100%			25%
<i>Ровная поверхность</i>				12,5%					
<i>Источник растительности</i>					67%				
<i>Топкое место</i>							60%	100%	

<i>Большая влажность</i>							20%		
<i>Безжизненность</i>									75%

Как видно из приведенных данных, наиболее продуктивным семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы *лес* является семантический признак *неизвестность* (30%), у лексемы *роща* два семантических признака (*источник древесины* и *среда обитания*) имеют одинаковый показатель продуктивности – 50%. Все семантические признаки фразеологического переноса лексемы *бор* (*среда обитания, опасность, густота, труднопроходимость*) имеют одинаковые индексы продуктивности (25%). У лексемы *поле* наибольший показатель продуктивности (38%) имеет семантический признак *место действия*. У лексемы *луг* наиболее продуктивным является семантический признак *источник растительности* (67%). Лексема *степь* имеет один семантический признак – *обширность*, индекс продуктивности которого составляет 100%. У лексемы *болото* наибольший показатель продуктивности был зафиксирован у семантического признака *топкое место* (60%). Лексема *трясина* имеет один семантический признак *топкое место*, характеризующийся продуктивностью 100%. Наибольший показатель продуктивности (75%) у лексемы *пустыня* демонстрирует семантический признак *безжизненность*.

Перейдем к рассмотрению семантических признаков, легших в основу фразеологического переноса рассматриваемых лексем в английском языке.

Лексема *forest* в английском языке входит в состав двух фразеологических единиц. Семантическими признаками фразеологического переноса являются: *опасность* (like a forest fire – «как лесной пожар», с невероятной быстротой, бурно), *среда обитания* (a child of the forest – «сын лесов» (об индейце).

Лексема *wood(s)* была обнаружена в составе шести фразеологизмов в английском языке. В результате семантического анализа были обнаружены четыре семантических признака, которые послужили основой фразеологического переноса лексемы *wood(s)* в английском языке: *опасность* (a babe in the wood, a babe in the wood(s) - простодушный, доверчивый, неопытный человек, сущий младенец; *out of the wood (woods)* - вне опасности), *высота* (not to see the wood for the trees - за деревьями леса не видеть), *убежище* (take to the woods – удрать, спрятаться в кусты) и *среда обитания* (woods are full of someone or something – существует большое количество чего-л., кого-либо; *in some neck of the woods* – по соседству, в непосредственной близости).

Лексема *jungle* в английском языке входит в состав двух фразеологических единиц. Семантическим признаком фразеологического

переноса в обоих случаях является **опасность** (the jungle law - закон джунглей, беззаконие; it's jungle out there – реальный мир суров).

Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы **field**, которая входит в состав пятнадцати фразеологизмов в английском языке, являются: **место действия** (be in the possession of the field – одержать победу; взять верх в споре; be in the field – активно действовать; участвовать в соревновании, состязании, соревноваться; be out in the field – быть враждебно настроенным; enter the field – вступать в борьбу, соревнование, вступать в спор; a fair field and no favor – равные возможности, условия, шансы для всех; игра или борьба на равных условиях, с равными шансами на победу; hold the field – не сдавать позиций, господствовать, преобладать; lead the field – идти или ехать верхом во главе охотников; leave smb in the possession of the field – потерпеть поражение; out in left field – глубоко заблуждающийся; put in the field – выставить (например, списки кандидатов); take the field – начинать или открывать кампанию, выступать против; old-field preacher – старомодный, провинциальный проповедник), **обширность** (play the field – разбрасываться, заниматься одновременно многими делами; иметь много привязанностей (особенно быть непостоянным в любви); an open field – открытое поле деятельности, неограниченные возможности, a clear field – свободное поле деятельности, свобода действий).

Лексема **pasture** в английском языке входит в состав двух фразеологических единиц. Семантическим признаком фразеологического переноса данной лексемы является **среда обитания** (greener pastures – наилучшее местожительства, наилучшая работа; pastures new, new pastures – новое место работы или новое местожительства).

Семантическими признаками, релевантными для фразеологического переноса лексемы **mire**, зафиксированной в двух фразеологических единицах в английском языке, являются: **опасность, неприятность** (drag smb through the mire - облить кого-либо грязью, смешать кого-либо с грязью, втоптать чье-либо доброе имя в грязь), **труднопроходимость** (find oneself in the mire - оказаться в затруднительном положении, опозориться).

Лексема **desert** входит в состав одного фразеологизма в английском языке. Семантическим признаком фразеологического переноса лексемы **desert** является **обширность** (ship of the desert – «корабль пустыни», верблюд).

Анализ семантических признаков, легших в основу фразеологического переноса рассматриваемых лексем в английском языке, выявил в общей сложности 7 признаков. Из них три признака оказались релевантными для фразеологического переноса нескольких лексем рассмотренной группы. Так, признак **опасность** оказался важным для фразеологического развития четырех лексем: **forest, wood(s), jungle, mire**. Семантический признак

обширность лег в основу фразеологического переноса у двух лексем: *field, desert*. Семантический признак *среда обитания* является релевантным для фразеологического переноса трех лексем: *forest, wood(s)* и *pasture*.

Данные о продуктивности семантических признаков в английском языке приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Лексема Семантический признак	<i>forest</i>	<i>wood(s)</i>	<i>jungle</i>	<i>field</i>	<i>pasture</i>	<i>mire</i>	<i>desert</i>
Опасность	50%	33,3%	100%			50%	
Среда обитания	50%	33,3%			100%		
Высота		16,7%					
Убежище		16,7%					
Обширность				20%			100%
Место действия				80%			
Труднопроходимость						50%	

Как показало исследование, лексема *forest* имеет два семантических признака: *опасность* и *среда обитания*, обладающих одинаковыми показателями продуктивности 50%. У лексемы *wood(s)* семантические признаки *опасность* (33,3%) и *среда обитания* (33,3%) также являются наиболее продуктивными. Лексема *jungle* имеет один семантический признак *опасность*, продуктивность которого составляет 100%. У лексемы *mire* два семантических признака *опасность* и *труднопроходимость* имеют одинаковый показатель продуктивности – 50%. Лексема *desert* имеет один семантический признак *обширность*, который характеризуется продуктивностью 100%. Лексема *pasture* также имеет один семантический признак *среда обитания* с продуктивностью 100%. У лексемы *field* наибольший индекс продуктивности демонстрирует семантический признак *место действия* (80%).

Проведенное исследование показало, что для фразеологического развития лексем русского и английского языков, обозначающих биомы, релевантными оказались как одноименные, так и эндемичные семантические признаки. В общей сложности нами было зафиксировано шесть одноименных семантических признаков фразеологического переноса: *среда обитания, опасность, труднопроходимость, высота, место действия, обширность*. Эндемичными для русского языка оказались следующие девять семантических признаков: *источник древесины, густота, долгожительство, ровная поверхность, источник растительности, неизвестность, топкое место, большая влажность, безжизненность*, для английского – один семантический признак *убежище*.

Для оценки важности того или иного семантического признака в формировании фразеологических единиц с наименованиями биомов представляется целесообразным использовать *индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* – отношение количества производных семантических единиц (в нашем случае фразеологических единиц), мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных от лексем группы фразеологических единиц (Портнихина 2011). Результаты сопоставления индексов *продуктивности семантического признака развития лексем в группе* на фразеологическом уровне могут быть представлены следующим образом:

Таблица 3.

Семантический признак	Индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе	
	Русский язык	Английский язык
1. <i>Источник древесины</i>	6,3%	0
2. <i>Неизвестность</i>	8,3%	0
3. <i>Высота</i>	4,2%	3,3%
4. <i>Среда обитания</i>	12,5%	16,7%
5. <i>Опасность</i>	6,3%	20%
6. <i>Густота</i>	2,1%	0
7. <i>Долгожительство</i>	2,1%	0
8. <i>Труднопроходимость</i>	2,1%	3,3%
9. <i>Место действия</i>	12,5%	40%
10. <i>Обширность</i>	16,7%	13,3%
11. <i>Ровная поверхность</i>	4,2%	0
12. <i>Источник растительности</i>	4,2%	0
13. <i>Топкое место</i>	10,4%	0
14. <i>Большая влажность</i>	2,1%	0
15. <i>Безжизненность</i>	6,3%	0
16. <i>Убежище</i>	0	3,3%

Как видно из таблицы 3, наиболее продуктивным семантическим признаком развития лексем в группе фразеологических единиц с наименованиями биомов в русском языке является семантический признак *обширность* (16,7%), в английском языке – семантический признак *место действия* (40%). Наименее продуктивными семантическими признаками в русском языке являются признаки *долгожительство* (2,1%), *густота* (2,1%), *труднопроходимость* (2,1%) и *большая влажность* (2,1%). Семантические признаки *высота* (3,3%), *труднопроходимость* (3,3%) и *убежище* (3,3%) являются наименее релевантными для фразеологического переноса в английском языке.

Для определения значимости семантических признаков в английском и русском языках нами были введены два формализованных показателя - *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков*, под которым понимается среднее арифметическое сумм продуктивности одноименных семантических признаков и *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков*, под которым понимается среднее арифметическое сумм продуктивности эндемичных семантических признаков. Как показало исследование, *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* в русском языке оказался равным 9,1%, в английском языке – 16,1%. *Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* в русском языке оказался равным 5,1%, в английском языке – 3,3%.

Для уточнения степени проявления национальной специфики фразеологического развития лексем, потребовалось ввести дополнительный показатель - *средний индекс продуктивности семантического признака*, который определяется как отношение количества семантических признаков, мотивирующих развитие фразеологизмов в группе, к количеству развивающихся лексемами фразеологизмов. Так, средний индекс продуктивности в русском языке составил 31,3%, в английском – 23%.

Для выявления национальных особенностей рассматриваемых групп фразеологизмов воспользуемся шкалой оценки степени проявления национальной специфики лексики С.В. Колтаковой – С.И. Деркач (Колтакова 2008; Деркач 2011). Согласно данной шкале, национально-специфические различия по индивидуальным параметрам сравнения могут быть охарактеризованы как *несущественные, видимые, заметные и существенные*. Представим полученные данные в таблице 4.

Таблица 4

Параметр	Русский язык	Английский язык	Разница в показателях параметров	Характер национально-специфических различий
Средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков	9,1%	16,1%	7%	заметные
Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков	5,1%	3,3%	1,8%	видимые
Средний индекс продуктивности семантического признака	31,3%	23,3%	8,0%	заметные

Как показало исследование, *продуктивность одноименных семантических признаков* и *средний индекс продуктивности семантического признака* характеризуются **заметными** национально-специфическими различиями. В то же время, *продуктивность эндемичных семантических признаков* демонстрирует **видимое** национально-специфическое различие.

Чтобы сделать общий вывод о степени выраженности национальной специфики рассматриваемых групп фразеологизмов, воспользуемся шкалой выраженности национальной специфики лексических группировок, разработанной С.В. Колтаковой, и впоследствии уточненной и дополненной С. И. Деркач (Колтакова 2008; Деркач 2011). Согласно данной шкале, если при сравнении двух лексических группировок преобладают несущественные и видимые расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **неярко выраженную**, при видимых и существенных расхождениях национальная специфика характеризуется как **умеренно выраженная**, заметные и существенные различия свидетельствуют о **ярко выраженной** национальной специфике, а гипер- и сверхгиперсущественные расхождения дают основания характеризовать национальную специфику как **гипервыраженную**.

В сравниваемых группах фразеологизмов, включающих наименования **природных комплексов (биомов)** в русском и английском языках, нами были зафиксированы два **заметных** и одно **видимое** расхождение. Представляется, что в этом случае, как и в случае преобладания **видимых** и **существенных** расхождений, национальная специфика может быть охарактеризована как **умеренно выраженная**. Таким образом, проведенный анализ позволил не только определить степень выраженности национальной специфики фразеологизмов, включающих наименования природных комплексов в русском и английском языках, но и уточнить шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок.

Литература

1. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд. – М., 1984.

4. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — 3-е изд., испр. – М., 2008.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; Под. ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – 7-е изд., исправл. – М., 2006.
7. Heacock P. Cambridge Dictionary of American Idioms. – Cambridge University Press, 2003.
8. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – McGraw-Hill, 2006.
9. White J. G. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 2008.

Н.И. Чернова

Национальная специфика наименований культовых зданий и помещений в русском и английском языках

Данная статья посвящена проблеме сопоставительного описания лексических группировок через систему формализованных параметров, составляющих основу сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2009; Стернина, Стернин 2009; Стернина, Стернин 2010; Стернина, Стернин 2011), благодаря которому могут быть объективно охарактеризованы национально-специфические различия. Материалом исследования послужили наименования **культовых зданий и помещений** (построек, принадлежащих различным религиозным культурам и специально возведенных для богослужений и различных религиозных обрядов) в русском и английском языках.

В русском языке рассматриваемая группа включает 18 лексем: *аббатство, кирка, костел, мечеть, молельня, монастырь, обитель, пантеон, притвор, пустынь, ризница, синагога, скит, собор, трапезная, храм, церковь, часовня*.

Анализ данной группы позволил выделить следующие подгруппы:

- наименования комплексов культовых зданий и помещений (*аббатство, монастырь, обитель, пустынь, скит*)
- наименования видов культовых зданий и помещений (*кирка, костел, мечеть, молельня, пантеон, синагога, собор, храм, церковь, часовня*);
- наименования частей культовых зданий и помещений (*притвор, ризница, трапезная*).

Отметим, что из 18 лексем данной группы 12 входят в нее по семеме Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с. 31-32), шесть – по семеме Д2. Из входящих в данную группу лексем девять являются однозначными, а остальные демонстрируют полисемию. Наибольшее количество семем (четыре) включает семантику лексемы *пантеон*. В целом 18 лексем данной группы развиваются в своих семантиках 33 семемы.

Рассматриваемая группа в английском языке включает 34 лексемы: *abbey, ambulatory, antechapel, bethel, cathedral, calefactory, cell, chantry, chapel, church, church-house, churlet, cloister, coenoboy, convent, friary, house, locutary, minster, monastery, mosque, nunnery, oracle, oratory, pagoda, pantheon, preaching-house, refectory, sacellum, sacristy, synagogue, tabernacle, temple, vestry*.

Анализ данной группы позволил выделить в ней следующие подгруппы:

- общие наименования культовых зданий и помещений (*cathedral, church, church-house, house, minster, oracle, oratory, pantheon, vestry*);
- наименования культовых зданий и помещений для определенных категорий лиц (*bethel, chapel, church-house, minster, , mosque, pagoda, preaching-house, synagogue, tabernacle, temple*);
- наименования монастырей (*abbey, cell, cloister, coenoboy, convent, friary, monastery, nunnery*);
- наименования небольших культовых зданий и помещений (*chantry, chapel, churlet, sacellum*);
- наименования частей культовых зданий и помещений (*ambulatory, antechapel, calefactory, locutary, refectory sacristy, vestry*).

Отметим, что из 34 лексем данной группы 27 входят в нее по семеме Д1, семь – по семеме Д2. Из входящих в данную группу лексем 19 являются однозначными, остальные демонстрируют полисемию. Наибольшее количество семем (шесть) включает семантику лексемы *tabernacle*. В целом 34 лексемы данной группы развиваются в своих семантиках 69 семем.

Для выявления национально-специфических различий рассматриваемых групп нами были использованы следующие параметры:

Номинативная плотность (Карасик 2004, с.111) – количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс полисемантичности (Шишкина 2004, с.34) – отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс принадлежности к исследуемой тематической группе (Шишкина 2004, с.34) – отношение общего количества развивающихся лексемами данной подгруппы семем с семью тематической группы к общему количеству семем этой подгруппы (вычисляется в процентах)

Последовательное применение данных параметров позволило определить степень проявления национальной специфики наименований культовых зданий и помещений в русском и английском языках.

Так, исследование показало, что *номинативная плотность* группы наименований зданий и помещений в английском языке составляет 34 лексические единицы, что почти в два раза превышает соответствующий показатель в русском языке – 18 лексических единиц. В обоих языках данные группы подлежат дальнейшему делению на подгруппы, при этом в английском языке отмечено пять подгрупп, в то время как в русском языке – лишь три. Интересно также отметить, что подгруппа **Наименования монастырей** в английском языке содержит лексемы, вступающие в синонимические отношения: *abbey* – *cell* – *cloister* – *соеповоу* (монастырь); *convent* – *nunnery* (женский монастырь); *friary* – *monastery* (мужской монастырь). Таким образом, можно говорить о наличии в рассматриваемой подгруппе английского языка семантической близости.

Проведенное исследование показало, что средние *индексы полисемантичности* в тематических группах русского и английского языков невелики и составляют соответственно 1,83 и 2,03.

Следует отметить также преобладание в два раза однозначных лексем над многозначными в обеих тематических группах.

В обоих языках абсолютное большинство лексем входит в рассматриваемые группы по семеме Д1. В русском языке число таких лексем составляет 12 единиц, в английском – 27 лексем.

Как показало проведенное исследование, индекс принадлежности к исследуемой тематической группе лексики в русском языке (60,6%) превышает соответствующий показатель в английском языке (56,52%).

Для определения характера проявления национальной специфики рассматриваемых тематических групп в русском и английском языках мы воспользовались предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008), шкалой оценки степени проявления национальной специфики лексики, согласно которой национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **несущественные, видимые, заметные и существенные**.

Проведенное исследование позволило определить **существенные** расхождения по параметру номинативной плотности (относительная номинативная плотность равна 1,9) и полисемантичности (относительный индекс полисемантичности равен 1,1). Численная же разница между показателями индексов принадлежности к исследуемой тематической группе лексики, равная 4,1%, позволяет определить эти расхождения как **видимые**.

Таким образом, расхождения между исследуемыми группировками по отдельным параметрам характеризуются **видимыми и существенными** расхождениями, что, согласно предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова

2008) и уточненной С.И. Деркач (Деркач 2011) шкале выраженности национальной специфики лексических группировок, свидетельствует об *умеренно выраженной* национальной специфике.

Литература

1. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
5. Стернина М.А. Параметрический метод сопоставительных исследований // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. -№ 14.- Одеса: «Астропринт», 2009. - С. 16-19.
6. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 3-6.
7. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития// Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.
8. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 3-18.
9. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Н.М. Шишкина

Сопоставительный анализ глаголов речевой деятельности в русском и английском языках, обозначающих *согласие / несогласие*

Материалом для данного исследования послужили глагольные лексемы речевой деятельности, обозначающие *согласие / несогласие* в русском и английском языках. Исследование выполнено в рамках разрабатываемого в Воронежском госуниверситете сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2011).

В русском языке к рассматриваемым глаголам относятся 26 лексических единиц: *возразить/возражать, вторить, дакать, договориться/договориваться, обещать, одобрить/одобрять, опровергнуть/опровергать, отвергнуть/отвергать, отказаться/отказываться, отклонить/отклонять, отнекиваться, отречься/отрекаться, отрицать, перечить, поддакивать/поддакнуть, поддержать/поддерживать, подпевать, подтвердить/подтверждать, позволить/позволять, приветствовать, протестовать/опротестовать, противоречить, разрешить/разрешать, сговориться, согласиться/соглашаться, оспорить/оспаривать*.

Девять из перечисленных глаголов являются однозначными. Это глаголы: *возражать, дакать, одобрять, опровергать, оспоривать, отнекиваться, перечить, поддакивать, подтверждать*. Остальные семнадцать глаголов являются многозначными. При этом три из них: *вторить, отклонять, поддерживать* не имеют семы речи¹² в своём денотативном значении Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с.31 – 32) и входят в данную группу по коннотативному значению (семеме К1). Также по своему коннотативному значению К1 в эту подгруппу включены лексемы *подпевать и приветствовать*. Однако в отличие от лексем *вторить, отклонять, поддерживать*, у глаголов *подпевать и приветствовать* денотативные семемы Д1 являются речевыми¹³ и входят в другие группы глаголов речевой деятельности в русском языке.

В качестве примера рассмотрим семантику глаголов *соглашаться, поддерживать и отказываться*.

Так, семантина глагола *соглашаться* включает три речевые семемы. Это семема Д1 «дать согласие на что-нибудь» (Он заговорил о докладе, который тот *согласился* прочитать в следующую субботу, - доклад назывался «Блок на войне» /В. Набоков/); семема Д2 «выразить, подтвердить своё согласие с чем –нибудь». (- Вот это, пожалуй верно, - *согласился* Кретов и пошёл к Никифору /Ю. Нигибин/); семема К1 «сговориться, договориться, условиться (устар. и прост.)» (Долго торговались, наконец, *согласились* на сходной цене).

Семантина лексемы *отказываться* включает две денотативные семемы: речевую семему Д1 «выражать своё несогласие, не пожелать сделать что-нибудь, не пожелать признать, принять что-нибудь» (Подошел Загоруйко и предложил: - Давай помогу. – Обойдусь, - *отказалась* я и поволокла ведро дальше /В.Токарева/) и неречевую семему Д2 «перестать действовать» (Замок *отказался* служить).

¹² Под *семой речи* понимается компонент семемы, отражающий акт произнесения.

¹³ Под *речевой семемой* понимается значение многозначного слова, содержащее *сему речи*, под *неречевой* - значение многозначного слова, не содержащее *сему речи*.

Семантическая лексема **поддерживать** состоит из четырёх семем: трёх денотативных и одной коннотативной семемы. Денотативные семемы не содержат семы речи. Это семема Д1 «придержав, не дать упасть» (**поддержать под руку**) и две семемы Д2: «оказать кому-нибудь помощь, содействие» (“Почему он так спокоен и так уверен, что можно **поддержать** пехоту одним орудием и двумя ящиками снарядов? – подумал Никитин. – Не преуменьшает ли он чего-то?”/Ю.Бондарев/) и «не дать прекратиться, нарушиться чему-нибудь» (Я отлично понимал, что, лишившись их, я лишился той атмосферы, которая **поддерживала** во мне горение /Г.Марков/). Семема К1 является речевой и обозначает «выразив согласие, одобрав, выступить в защиту кого-нибудь, чего-нибудь» (-Нет-нет, спасибо, - **поддержал** Славика Володя. – Привет от нас жене передайте. Правильная она у вас, видать, женщина /В. Астафьев/).

Завершая описание глагольных лексем речевой деятельности, обозначающих *согласие / несогласие* в русском языке отметим, что общее количество семем, развивающихся 26 лексическими единицами данной группы, равно 51, при этом речевыми являются 33. Таким образом, индекс принадлежности данной группы глаголов к глаголам речевой деятельности (отношение общего количества речевых семем, развивающихся лексемами данной подгруппы, к общему количеству семем этой подгруппы), составляет 64,71%, а её индекс полисемантичности (отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной группы, к общему количеству лексем этой группы) равен 1,96.

Представилось также целесообразным оценить, какими семемами рассматриваемые лексемы входят в изучаемую группу. Так, индекс первичной денотативной отнесенности к группе (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 к общему количеству лексем данной структурной единицы – см. Колтакова 2008, с. 8) составляет 65,39% (17 к 26). Индекс вторичной денотативной отнесенности к группе (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы – см. Колтакова 2008, с. 8) равен 0 (подобных лексем в рассматриваемой группе не зафиксировано). *Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы – см. Колтакова 2008, с. 8) составляет 3,84% (1 к 26). *Индекс первичной коннотативной отнесенности* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы – см. Деркач 2011, с.8) равен 19, 24% (5 к 26), а *индекс денотативной и коннотативной отнесенности* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу

одновременно по семемам Д1 и К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы – см. Деркач 2011, с.8) составил 11,53% (3 к 26).

В английском языке в группу глагольных лексем речевой деятельности, обозначающих *согласие / несогласие*, входят 27 лексем: *accede, accept, admit, agree, allow, approve, assent, consent, contradict, decline, demur, deny, disagree, disapprove, dissent, echo, expostulate, gainsay, grant, negate, object, okay, permit, protest, refuse, remonstrate, reject*.

Отметим, что синонимичные лексемы *assent, consent, expostulate* – *возражать*; *remonstrate* – *возражать, протестовать* и *gainsay* – *отрицать* являются однозначными. При этом лексемы *assent* «соглашаться / согласие» и *consent* «соглашаться, разрешать / согласие, разрешение» демонстрируют лексико-грамматическую вариантность (многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающая лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения – см. Стернина 1999) на уровне глагола и существительного.

Заметим также, что денотативные семемы Д1 шести многозначных лексем – *approve, decline, echo, grant, object, permit* – не являются речевыми, данные лексемы входят в состав рассматриваемой группы по своим семемам Д2 и К1, имеющим сему речи.

Многозначные лексемы *accede* – *соглашаться, accept* – *принимать, соглашаться, admit* – *признавать, допускать, agree* – *соглашаться, allow* – *принимать, соглашаться, approve* – *одобрять, contradict* – *возражать, deny* – *отрицать, disagree* – *не соглашаться, disapprove* – *не одобрять, negate* – *отрицать, object* – *возражать, выражать неодобрение, refuse* – *отказывать* проявляют лексическую полисемию. Проиллюстрируем данный факт на примере глаголов *agree* и *deny*.

Так, в семантеме глагола *agree* насчитывается пять семем: три денотативные и две коннотативные. При этом отметим, что сему речи имеют денотативная семема Д1 «соглашаться, давать согласие» (“*Liar. I looked at my clock. It was four.*” “*All right. It was four then,*” *he agreed cheerfully /S.Maugham/* - “*Лжец. Я посмотрела на часы, было четыре.*” “*Хорошо, было четыре,*” - охотно *согласился* он) и денотативная семема Д2 «соглашаться, договариваться, сходиться во мнениях» (...*Everybody agreed with this statement. The police agreed with it, too /A.Christie/* - *Все согласились с этим утверждением. Полиция тоже с этим согласилась*). Неречевыми в рассматриваемой семантеме являются денотативная семема Д2 грам. «согласоваться» (*a verb that agrees with its subject* – глагол *согласуется со своим подлежащим*) и обе коннотативные семемы. Это семема К1 «соответствовать, гармонировать» (*I questioned the housekeeper first, and then her mistress, and their stories agree all right.../A.Christie/* - *Сначала я расспросил экономку, а затем ее хозяйку. Их истории*

совпадают...) и семема К1 «ладить, уживаться, жить в согласии» (*the children can never agree* – *деми всегда не ладят*).

Семантина глагола *deny* включает в себя три денотативные семемы, две из которых содержат сему речи. Это денотативная семема Д1 «отрицать» (*She didn't know what to do about it either. She would have liked to tax him with it. What was the good? He would deny it* /S.Maugham/ – *Она также не знала, что делать ей с этим. Ей бы хотелось сделать выговор ему, но что толку? Он будет отрицать это*) и денотативная семема Д2 «отпираться, отказываться» (*to deny one's words* – *отказываться от своих слов*). Неречевой в рассматриваемой семантике является денотативная семема Д2 «отказывать, не давать» (*Permission to enter was denied* – *В разрешении войти было отказано*).

Заметим, что входящие в рассматриваемую группу многозначные лексемы *decline, demur, dissent, echo, grant, okay, permit, protest* и *reject* проявляют не только лексическую, но лексико-грамматическую полисемию (многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающая наличие как лексической, так и лексико-грамматической производности – см. Стернина 1999).

Так, лексема *protest* имеет две семемы, одна из которых проявляет лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и существительного, а другая содержит сему глагола. Лексико-грамматическую вариантность в данной семантике проявляет семема Д1 «протестовать, возражать / протест, возражение» (“Now, now, Julia,” he *protested*. “Let's tell the young man at once.” /Frank L.Parke/ - “Сейчас, Джсулия, сейчас, - **запротестовал** он, - давай расскажем молодому человеку сейчас же.” – лексико-грамматический вариант с семой глагола; *The local people have made a strong protest to the minister about the new airport* – *Местные жители подали протест министру по поводу нового аэропорта* – лексико-грамматический вариант с семой существительного).

Глагольной в семантике лексемы *protest* является речевая семема К1 «торжественно заявлять, утверждать» (*She protested that she knew nothing about the stolen goods* – *Она утверждала, что она ничего не знала об украденных вещах*).

Лексема *reject* имеет три семемы: одну с лексико-грамматической вариантностью и две глагольные. Лексико-грамматическая вариантность в данной семантике наблюдается на уровне глагола и существительного и демонстрируется неречевой семемой Д2 «браковать, отбрасывать / брак, бракованное изделие» (*Choose the good apples and reject the bad ones* – *Выбирай хорошие яблоки и отбрасывай (бракуй) плохие* / *The rejects are sold off cheaply* – *Брак продается дешево*).

Глагольными семемами в семантике лексемы *reject* являются денотативная семема Д1 «отвергать, отклонять, не принимать» и коннотативная семема К1 «извергать, изрыгать». Отметим при этом, что

обе эти семемы имеют как речевой, так и неречевой варианты семем. Так, в примере *She rejected my suggestion* – *Она отвергла мое предложение* отмечается речевой вариант семемы, а в примере *The patient rejected the transplanted heart* – *Тело пациента отвергло пересаженное сердце* – неречевой вариант семемы.

Подводя итог описания лексем английской группы, следует отметить, что общее количество семем, развивающихся ее 27 лексемами, равно 79, при этом только 29 из них являются речевыми, следовательно, индекс принадлежности рассматриваемой группы к глаголам речевой деятельности составляет 36,71 %, а ее индекс полисемантичности равен 2,93. Индекс первичной денотативной отнесенности к группе составляет 70,37% (19 к 27), индекс вторичной денотативной отнесенности к группе составляет 14,81 % (4 к 27), индекс первичной и вторичной отнесенности равен 7, 41% (2 к 27), индекс коннотативной отнесенности также составил 7, 41% (2 к 27), индекс же денотативной и коннотативной отнесенности равен 0, поскольку подобных лексем не зафиксировано.

В целом, рассмотрение русской и английской групп глагольных лексем речевой деятельности, обозначающих *согласие / несогласие*, показало, что, несмотря на почти одинаковую номинативную плотность (количество лексических единиц в группе – см. Карасик 2004, с.111): в русском языке – 26 единиц, в английском – 27, исследуемые группы имеют больше различий, чем сходств.

Для более наглядной презентации результатов выполненного сопоставительного анализа представим его результаты в виде таблицы:

Индексы Язык	Поли- семан- тич- ности	Принад- лежности к группе	Первич- ной денота- тивной отнесен- ности к группе	Вторич- ной денота- тивной отнесен- ности к группе	Первич- ной и вторичной денота- тивной отнесен- ности к группе	Коннота- тивной отнесен- ности к группе	Дено- тативной и конно- тативной отнесен- ности к группе
Русский	1,96	64,71%	65,39%	0	3,84%	19, 24%	11,53%
Англий- ский	2,93	36,71 %	70,37%	14,81%	7,41%	7,41%	0

Для определения характера проявления национальной специфики рассматриваемых групп в русском и английском языках мы воспользовались предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с.17-18) шкалой оценки степени проявления национальной специфики лексики, согласно которой национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как *несущественные, видимые, заметные и существенные*. Как показали

результаты анализа, по параметрам первичной, а также первичной и вторичной денотативной отнесенности различия между исследуемыми группами в русском и английском языках характеризуются как *видимые*, по остальным пяти параметрам – как *существенные*.

Таким образом, расхождения между исследуемыми группировками по отдельным параметрам характеризуются *видимыми* и *существенными* расхождениями, что, согласно предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008) и уточненной С.И. Деркач (Деркач 2011) шкале определения выраженности национальной специфики лексических группировок свидетельствует об *умеренно выраженной* национальной специфике.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что национальная специфика глагольных лексем речевой деятельности, обозначающих *согласие* / *несогласие*, в русском и английском языках является умеренно выраженной.

Литература

1. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
5. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
6. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С.3-18.

Раздел 3. Сопоставительные исследования в области концептосфер

Е.С. Баскакова

Концепт «Русский человек» в дискурсе англоязычной и немецкоязычной прессы

Динамично меняющаяся российская действительность, а также роль России в международных геополитических процессах постоянно

обсуждаются, осмысливаются и подвергаются оценке зарубежными СМИ, в результате чего формируется определенный образ русского человека, который содержит в себе положительные и отрицательные характеристики.

Для моделирования образа «Русский человек» отбирался материал из текстов статей с января 2000 г. по март 2012 г. из англоязычных (*the Guardian, the Telegraph, the New York Times* и др.) и немецкоязычных СМИ (*Welt Online, Spiegel, Zeit*).

Проанализировав англоязычные и немецкоязычные СМИ и выявив лексические единицы, дающие характеристику образу «Русский человек», мы разбили их на группы, каждую из которых можно представить в виде фрейма. Под фреймом понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации. Фрейм – декларативный способ представления знаний, формулируемых в терминах описаний (1). Фреймы организуют наше понимание мира в целом, тем самым влияя на обыденное поведение.

На основании материалов немецкоязычных и англоязычных письменных источников, а также Интернет-форумов мы выделили следующие виды фреймов: **«Личность Русского человека»**, **«Повседневная жизнь Русского человека»**, **«Общественная жизнь Русского человека»**, **«Политическая жизнь Русского человека»**.

Фрейм **«Личность Русского человека»** реализуется при помощи трех субфреймов: **«внешность»** (англ. *appearance*; нем. *Äußere*), **«характер»** (англ. *character*; нем. *Charakter*) и **«душа»** (англ. *soul*; нем. *Seele*).

Слоты субфрейма **«Внешность»** из английских СМИ заполнены следующими лексическими единицами: *neatly dressed, well-groomed, slender and elegant women, strong people, often drunk, brutal bears*, а из немецких – *tragen schöne Kleider, robust hübsche Frau, Frauen ziehen sich sehr weiblich an, faktisch sterke Menschen, immer laut*.

Слоты субфрейма **«Характер»** из английских СМИ заполнены следующими лексическими единицами с положительной коннотацией: *national spirit, Russian soul, love of motherland, emotional, sentimental, patient, generous, hospitable, talkative, open-hearted, non-aggressive, kind, straight forwardness, wit, caring mothers and wives*; с отрицательной коннотацией: *puzzling, unpredictable, narrow-minded, gloomy and fussy, the mentality of a mob, melancholy, high and mighty*; из немецких СМИ с положительной коннотацией: *herzlich, Locker, diszipliniert, duldsam, consequent, ehrgeizig, Familiensinn, gesellig, gastfreundlich, Zuvorkommen, schließen schnell Freundschaften, lebenslustig, offen*, с отрицательной коннотацией: *gewaltig, verrückt, abgeschlossen, hölzen, verschlossen*.

Слоты субфрейма «Душа» в английском языке заполнены следующими лексическими единицами: *mystic, kindness of heart, simplicity, resignation, God's will, resigned*.

Лексические единицы, входящие во фрейм «Повседневная жизнь Русского человека» в англоязычных и немецкоязычных СМИ пересекаются. Все лексические единицы, входящие в данный фрейм, имеют нейтральный подтекст и могут быть раскрыты при помощи трех субфреймов – «пища» (англ. *food*; нем. *Essen*), «быт» (англ. *way of life*; нем. *Alltag*), «обычаи» (англ. *customs*; нем. *Bräuche*).

Слоты субфрейма «Пища» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *Pelmeni, manti, plow, kvas, vodka, caviar, borsch, blini (Russian pancakes), okroschka*; из немецких СМИ: *Pelmeni, Manti, Plow, Kwas, Vodka, Kaviar, Borschtsch, Blini, Okroschka*.

Слоты субфрейма «Быт» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *well-educated, read a lot of books, family is vital, numerous relatives, high prices, low salaries*; из немецких СМИ: *Russen lesssen gern, wohnen im ergsten Raum, Alkoholismus, Familie und Bildung – höchsten Werte, großen Familien, sehr schnell sprechen..*

Слоты субфрейма «Обычаи» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *weddings are performance, improvisations, traditional dishes and costumes on traditional holidays, samovar, balalaika, traditional dances, ask private information*; из немецких СМИ: *haben schlechte Maniere, Hochzeiten sind in größeren, Dimensionen, rohes Volk mit rohen Sitten, haben die Liebe für Punk und Luxur, die Russen volklore Tanzen, der traditionelle Tanz ist Kasotschok*.

Фрейм «Общественная жизнь Русского человека» наиболее наглядно можно представить в виде трех субфреймов: «политика» (англ. *politics*; нем. *Politik*), «экономика» (англ. *economics*; нем. *Wirtschaft*) и «культура» (англ. *culture*; нем. *Kultur*).

Слоты субфрейма «Экономика» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *heavy debts, crisis deepens, population has dropped, lack of medicines, low qualified doctors*; из немецких СМИ: *die Heimarbeit, privates Eigentum, unwirtshaftlich, unofiziele Krizen-Weltmeister, zehr teuer Wohnung*.

Слоты субфрейма «Культура» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *museums, theatres, operas, quality of education is questionable, ballet, classical literature, balalaika, Chaikovskiy, Rachmaninov*; из немецких СМИ: *viele Museen, Bibliotheken, kalte und nüchtrte Kultur, Literatur (Dostoevski, Tolstoi), Ballett, Kalinka, runde Polka, klassische Musik (Tschaikowski, Rachmaninow), Russische Mitschüler sind in naturwissenschaftlichen Fächern besser*.

Большинство исследуемых статей из англоязычных и немецкоязычных СМИ посвящены политике, так как она является доминирующей сферой

жизни общества. Фрейм «Политическая жизнь Русского человека» может быть представлен в виде четырех субфреймов: «руководители страны» (англ. *government*; нем. *Regierung*), «внутренняя политика» (англ. *the Interior*; нем.: *Innenpolitik*), «внешняя политика» (англ. *external policy*; нем. *Außenpolitik*), «оборона страны» (англ. *national defence*; нем. *Landesverteidigung*).

Так, слоты субфрейма «Руководители страны» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *Russia's government*, *Russia's President*, *Government in a less than favourable light*; из немецких СМИ: *Keine harismatische Vertreter*, *Der frühere Geheimdienst-Chef*, *Putinsche Kommando*.

Слоты субфрейма «Внешняя политика» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *Chechnya*, *endless wars*, *fighting their own battle*, *cold war*, *gas-war in Ukraine*; из немецких СМИ: *Keine fest definierte Außenpolitik*, *ruppig gefürte Außenpolitik*, *kalten Krieges*, *Spionage-streit Wachsende Spannung*.

Слоты субфрейма «Внутренняя политика» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *the truth*, *Putin's KGB regime*, *hidden democracy*; из немецких СМИ: *keine freie Meinungsäußerung*, *die Zensur der Regierung*, *die einheitliche Gesellschaft*, *keine demokratische Regierung*.

Слоты субфрейма «Оборона страны» заполнены следующими лексическими единицами из английских СМИ: *military forces*, *threadbare Navy*, *Russia artillery*, *assault*, *military bases*.

Отметим, что для каждой страны важно, как воспринимается ее образ и ее народом, и за рубежом. Образ любой страны сознательно интерпретируется и формируется с помощью средств массовой информации. Стоит отметить, что количество публикаций о современной России в ведущих немецкоязычных и англоязычных СМИ значительно. Если в англоязычных СМИ чаще затрагивается политическая жизнь России, то немецкоязычные СМИ интересуются не только российской политикой, но и жизнью русского человека.

Образ «Русского человека» в настоящее время начал меняться, благодаря развитию всех видов СМИ, в том числе и Интернет.

Вполне очевидно, что на зарубежном информационном пространстве складывается неоднозначный имидж нашей страны. С одной стороны, он, в результате смешения реальных факторов с политическими вымыслами, подается в непрятливом, отталкивающем виде; а с другой, благодаря «независимым» СМИ – в объективной форме.

Литература

1. Философской энциклопедический словарь. – М., 2003.

В.А. Бурдина

Описание мимических движений лица посредством глаголов *хмуриться* и *frown*¹⁴

Универсальным средством общения является язык. Однако не менее важными являются невербальные компоненты коммуникации, к числу которых относится мимика. Мимика представляет собой движение мышц лица (мышц лба, глаз, носа, губ и др.), выражающее эмоциональное состояние человека и его отношение к чему-либо.

Рассмотрим, как отражается концептуализация мимических движений в языке. Концептуализация представляет собой «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов» (Болдырев 2000, с. 22). Выделяют два типа концептуализации: первичную и вторичную (Болдырев 2009; Бабина 2012; Магировская 2008).

Первичная концептуализация связана с началом познания. Как следует из обзора, представленного О.В. Магировской, начальный этап познания предполагает непосредственное, чувственное восприятие действительности, в результате которого формируется эмпирическое знание (Магировская 2008, с. 35-37). Первичная концептуализация мимики представляет собой осмысление физиологического процесса движения мимических мышц лица, воспринимаемого эмпирически. Первичная концептуализация мимики наиболее часто получает отражение в медицинской литературе и словарных толкованиях. Например, первичная концептуализация мимического движения бровей, осуществляемого мышцами лба, получает следующее отражение: *хмуриться* — «сдвигать брови к переносице так, что образуется вертикальная складка на лбу» (Акишина 1991, с. 9); «Мышца, сокращающая бровь, сокращает бровь, образует вертикальные складки над корнем носа» (Сапин 2007, с. 257); *frown* — *draw the eyebrows together causing lines on the forehead* (OSDE 1983, с. 251).

Вторичная концептуализация предполагает интерпретацию знаний, полученных при первичной концептуализации, в рамках другой системы координат (системы оценок, ценностей, стереотипов) (Болдырев 2009, с. 36). Человек осуществляет вторичную концептуализацию, оперируя концептами, сформировавшимися на первом этапе.

Вторичная концептуализация мимики заключается в том, что то или иное движение мышц лица осмысливается наблюдателем как знак эмоционального состояния человека и его оценки воспринятого. Вторичная концептуализация движений мышц лица оценочна. Например,

¹⁴ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 6.2772.2011.

насупленные брови осмысляются как знак неудовлетворенности или гнева, *поднятые брови*, сложенные в виде выпуклого полумесяца, в зависимости от ситуации осмысляются как знак удивления или недоумения, *округленные глаза* выражают изумление и т.д. (Григорьева, Григорьев, Крейдин 2001; Крейдлин 2002). Названные мимические движения осмысляются как знак оценки воспринятого фрагмента действительности.

Рассмотрим процесс вторичной концептуализации на материале толкований и примеров употребления единицы *хмуриться*. Обратимся к толкованию данного глагола.

Хмуриться:

- 1) хмурить лицо, брови (Ожегов 1991, с. 862).
- 2) сурово, угрюмо или задумчиво морщить лицо, брови (Ушаков 2005, с. 1152);
- 3) становиться хмурым под влиянием плохого настроения, раздражения и т.п. (БТС 2000, с. 1447);
- 4) морщиться, насупливаться, выражая озабоченность или недовольство и т.п. (о бровях, лбе, лице) (Там же).

Приведенные словарные толкования показывают, что при вторичной концептуализации мимическое движение бровей *хмуриться* осмысляется как оценочный знак.

Опираясь на толкования прилагательных, однокоренных с представленными в дефинициях наречиями (*сурово* – *суровый*, *угрюмо* – *угрюмый*), и используя метод ступенчатой идентификации, мы уточнили концептуальное содержание, репрезентируемое элементами толкований: *суровый* — сердитый (Ожегов 1991, с. 778), *угрюмый* — мрачный, невеселый (БТС 2000, с. 1372), *хмурый* — выражающий озабоченность (там же: 1147). Таким образом, можно заключить, что мимическое движение *хмуриться* указывает на оценку человеком воспринятого: он сердится, он мрачен и невесел, он озабочен.

Вторичная концептуализация мимического движения *хмуриться* получает отражение и в дискурсе. Далее обратимся к контекстам, в которых используется глагол *хмуриться*.

1. *Инженеры, химики, архитекторы смотрели на него, какие тревоги заставляют хмуриться инспектора Главного управления безопасности (НКРЯ).*

Слово *тревоги* (беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-н. неизвестного – Ожегов 1991, с. 807) дает возможность заключить, что глагол *хмуриться* репрезентирует концепт МОРЩИТЬСЯ, ВЫРАЖАЯ ОЗАБОЧЕННОСТЬ. Этот концепт был представлен в словарном толковании. Мимическое движение *хмуриться* осмысляется как знак отрицательной оценки ситуации, в которой находится персонаж.

2. «*Да, Петя Трофимов, – говорит он себе, – жизнь твоя кончается. Последние шаги делаешь... И между прочим, эти последние шаги – ужасные шаги...*», – читатели готовы нахмуриться (НКРЯ).

Данный пример содержит глагол нахмуриться, образованный от соответствующего глагола несовершенного вида хмуриться путем деривации. Слова *жизнь твоя кончается*; *последние шаги* – *ужасные шаги* позволяют понять, что единица хмуриться репрезентирует концепт МОРЩИТЬСЯ, ВЫРАЖАЯ ОЗАБОЧЕННОСТЬ. Данный концепт был представлен в словарном толковании глагола. Мимическое движение хмуриться осмысляется как знак отрицательной оценки информации, предложенной читателям.

3. «*Он был титулярный советник...*», – она нахмурилась. *Он понял, что опять не угодил* (НКРЯ).

Слова *опять не угодил* указывают на то, что глагол нахмуриться репрезентирует концепт СЕРДИТЬСЯ, представленный в definicции глагола. Мимическое движение хмуриться осмысляется как знак отрицательной оценки сказанных слов, заставляющих героиню сердиться.

Таким образом, анализ русских словарных толкований и контекстов показал, что мимическое движение на/хмуриться при вторичной концептуализации осмысляется как знак определенного эмоционального состояния человека и знак оценки им фрагментов действительности, в большинстве случаев – отрицательной.

Рассмотрим процесс вторичной концептуализации на материале английских толкований и примеров употребления единицы *frown* (на/хмуриться). Обратимся к толкованию данного глагола.

Frown:

- 1) draw the eyebrows together causing lines on the forehead (to express disapproval, puzzlement, deep thought, etc) (OSDE 1983, c. 251);
- 2) furrow one's brows in an expression indicating disapproval, displeasure, or concentration (ED 2001, c. 634);
- 3) to make an angry, unhappy, or confused expression, moving your eyebrows together (Longman 1995, c. 570).

Приведенные словарные толкования показывают, что глагол *frown* передает различное эмоциональное состояние человека. Человек может испытывать неодобрение (*disapproval*), замешательство (*puzzlement*), неудовольствие (*displeasure*), сосредоточенность (*concentration*) или быть злым, раздраженным (*angry expression*).

Далее обратимся к контекстам, в которых используется глагол *frown*.

1. ...one frowns when one concentrates... (BNC).

Слово *concentrate* «сосредотачиваться» позволяет понять, что единица *frown* репрезентирует концепт EXPRESS CONCENTRATION, представленный в словарном толковании данного глагола. При вторичной концептуализации мимического движения бровей, передаваемого глаголом

frown, это мимическое движение осмысляется как знак состояния сосредоточенности человека.

2. *Then she frowned and made a tutting noise* (BNC).

Повторение семы 'неодобрение' в глаголах *tut* и *frown* (*disapproval*) позволяет заключить, что глагол *frown* репрезентирует концепт EXPRESS DISAPPROVAL. Данный концепт представлен в его словарной дефиниции. При вторичной концептуализации мимического движения бровей, передаваемого глаголом *frown*, это мимическое движение осмысляется как знак отрицательной оценки ситуации, вызывающей у героини неодобрение.

3. *George frowned sharply, irritated at being stopped just as he was getting well into his stride* (BNC).

Причастие от глагола *irritate* («make angry or annoyed» – OSDE 1983, с. 330) позволяет заключить, что глагол *frown* репрезентирует концепт MAKE AN ANGRY EXPRESSION. При вторичной концептуализации мимического движения бровей, передаваемого глаголом *frown*, это мимическое движение осмысляется как знак отрицательной оценки ситуации, вызывающей у героя чувство раздражения.

Проведенный анализ показал, что глагол *frown* может репрезентировать концепты EXPRESS CONCENTRATION; EXPRESS DISAPPROVAL; MAKE AN ANGRY EXPRESSION. При вторичной концептуализации мимическое движение мышц лба, передаваемое данным глаголом, осмысляется как знак определенного эмоционального состояния человека и знак оценки им фрагмента окружающей действительности.

Таким образом, выполненные концептуальный и контекстуальный анализ показали, что первичная концептуализация мимического движения мышц лба передается глаголами *хмуриться* и *frown* и получает отражение в описании эмпирически воспринимаемого физиологического процесса движения мышц лба. Кроме того, глаголы *хмуриться* и *frown* передают вторичную, т.е. оценочную, концептуализацию мимического движения *хмуриться* и *frown*, поскольку в их семантике отражены оценочные знания.

Литература

1. Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи. – М., 1991.
2. Бабина Л.В. О моделировании в рамках когнитивно-дискурсивного подхода // Зборник на научни трудови: Трета меѓународна научна конференција: Межународен дијалог: исток-запад: (култура, сдавјанство и економија). Свети Николе, Рмакедонија-Тамбов, Руска Федерација, 2012. – С. 125-127.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2000.

4. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллективная монография. – М.-Тамбов, 2009. – С. 25-77.
 5. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь русских жестов. – Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.
 6. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2002.
 7. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. – М.– Тамбов, 2008.
 8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.01.2013).
 9. Сапин М.Р., Д.Б. Никитюк, Э.В. Швецов. Атлас нормальной анатомии человека: Учебн. пособие: В 2 т. Т. 1. – М., 2007.
 10. BNC – British National Corpus. Режим доступа: URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения 10.01.2013).
1. БТС – Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.
 2. Ожегов С.И.. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1991.
 3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. –М.: «Альта-Принт», 2005.
 4. ED – English Dictionary for Advanced Learners. – Harper Collins Publishers Ltd, 2001.
 5. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman Group Ltd., 1995.
 6. OSDE - Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. – Oxford–М., 1983.

Н.А. Неровная

**Тематический текст как средство объективации концепта
«толерантность» в русском и английском языках**

Тема нашего исследования – лексикографическая объективация концепта **«толерантность»** в русском и английском языках. Одним из этапов исследования концепта был анализ семантики употребления номинаций **«толерантности»** в тематических текстах.

Под тематическим текстом понимается текст, специально посвященный обсуждению сущности исследуемых концептов и их определению или выявлению основных признаков.

Проанализировав тексты 35 русскоязычных научных и научно-популярных печатных изданий 60 русских авторов нами зафиксировано

340 примеров объективации концепта **«толерантность»** в русском тематическом тексте. Приведем некоторые из них:

«Толерантность – это достижение компромиссов, согласия (консенсуса), преодоление конфликтов» (Стернин И.А.).

«Важная особенность толерантного мышления – умение находить общее в разных точках зрения» (Стернин И.А.).

«Каковы же основные черты толерантной личности? Это: расположенность к другим людям, снисходительность, терпение, чуткость, доверие, альтруизм, терпимость к различиям (национальным, религиозным и т.п.), умение владеть собой, доброжелательность, умение не осуждать других, гуманизм, умение слушать собеседника, любознательность, способность к сопереживанию» (Трубина Л.).

«Термин «толерантность» объясняется как терпимость, стремление и способность к установлению и поддержанию общения с людьми» (Гревцева И.В.).

«Проявление сочувствия, сострадания – важнейшая ценность толерантного общества и черта толерантного человека» (Солдатова Г.У.).

«...ценности толерантности – человеческое достоинство, справедливость, ненасилие, сотрудничество...» (Байбаков А.М.).

«Толерантность означает терпимость к другим людям, мнениям, поступкам» (Иванова Т.А.).

«Как один из демократических принципов, толерантность неотделима от концепций социальной свободы, плюрализма и прав человека» (Козырева П.М.).

В проанализированных русских тематических текстах концепт **«толерантность»** представлен следующим рядом объективаций (под объективацией понимается отдельный словесно выраженный признак):

Терпимость 30¹⁵, достижение компромисса 1, достижение согласия 1, достижения консенсуса 1, преодоление конфликтов 1, умение находить общее 1, расположенность к другим людям 1, снисходительность 1, терпение 1, чуткость 1, доверие 1, альтруизм 1, терпимость к различиям (национальным, религиозным и т.п.), умение владеть собой, доброжелательность 1, умение не осуждать других 1, гуманизм 1, умение слушать собеседника 1, любознательность 1, способность к сопереживанию 1, стремление к установлению и поддержанию общения с людьми 1, способность к установлению и поддержанию общения с людьми 1, сочувствие 1, сострадание 1, терпимость к другим людям 1, терпимость к мнениям 1, терпимость к поступкам 1, один из демократических принципов 1, неотделима от концепции социальной свободы 1, плюрализм 1, права человека 1, невмешательство в частную жизнь другого 1, признание прав и свобод человека 1, уважение прав и свобод человека 1 и др.

¹⁵ Рядом с объективацией указана её частотность в данном источнике материала

Следующим этапом лингвокогнитивного исследования является когнитивная интерпретация. Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение и упорядочение на более высоком уровне абстракции полученных результатов описания языковых единиц для формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми ли иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта (Попова, Стернин 2007, с. 139).

В результате когнитивной интерпретации выявленных объективаций было получено 50 когнитивных признаков концепта **«толерантность»** в русском языке, среди которых наиболее часто актуализируется когнитивный признак **«снисходительность, мягкость»**.

При анализе англоязычных тематических текстов нами были проанализированы тексты 50 авторов 32 англоязычных сайтов, посвященных проблеме толерантности. Всего зафиксировано 478 объективаций концепта **«tolerance»** в англоязычных тематических текстах. Приведём некоторые из них:

«Tolerance is the appreciation of diversity and the ability to live and let others live» (Sarah Peterson).

«Tolerance is not just agreeing with one another or remaining indifferent in the face of injustice, but rather showing respect for the essential humanity in every person» (William Ury).

«The aim of tolerance is peaceful coexistence. It is mutual respect through mutual understanding» (Federico Mayor).

«Tolerance is respect, acceptance and appreciation of the rich diversity of our world's cultures, our forms of expression and ways of being human. It is fostered by knowledge, openness, communication, and freedom of thought, conscience and belief. Tolerance is harmony in difference. It is not only a moral duty, it is also a political and legal requirement. Tolerance is the virtue that makes peace possible» (Declaration of Principles on Tolerance).

«Tolerance, then, involves three elements: (1) permitting or allowing (2) a conduct or point of view one disagrees with (3) while respecting the person in the process» (Gregory Koukl).

«Tolerance means respecting and learning from others, valuing differences, bridging cultural gaps, rejecting unfair stereotypes, discovering common ground, and creating new bonds. Tolerance, in many ways, is the opposite of prejudice» (D'Arcy Lyness, PhD).

«Tolerance is a religious moral duty» (Muzammil Siddiqi).

«"Tolerance trends" are political correctness and multiculturalism» (Scott Scruggs).

«A tolerant person is considered civilized, educated being that recognizes the fact that modern nations and societies are complex, diverse and multicultural and must be considered in a positive and meaningful way. Tolerance achieves a higher goal of coexistence for peace and prosperity under a democratic

government that gives equality to all the citizens before its law. In pluralistic communities tolerance is a virtue that embodies the ability to enjoy one's rights and freedoms without violating those of others. This assigns tolerance the role of a good vibrant force for a reasoned exercise to define ourselves through dialogue and to accept differences» (Stephen Gill).

«Tolerance is a very dull virtue. It is boring. Unlike love, it has always had a bad press. It is negative. It merely means putting up with people, being able to stand things» (George Eliot).

«Tolerance is the positive and cordial effort to understand another's beliefs, practices, and habits without necessarily sharing or accepting them» (Mahatma Gandhi).

«The issue of tolerance concerns having a society that allows for a variety of different viewpoints regarding morality and ethics» (John Shepard).

В проанализированных англоязычных тематических текстах концепт ***«tolerance»*** представлен следующими объективациями:

Respect of the rich diversity of our world's cultures 4, a respect for others' beliefs 2, ability to live and let others live 4, appreciation of diversity 2, peaceful coexistence 1, understanding other people 1, acceptance of the rich diversity of our world's cultures 2, appreciation of the rich diversity of our world's cultures 2, a virtue 2, permitting a conduct or point of view one disagrees with 1, allowing a conduct or point of view one disagrees with 1, respecting and learning from others 1, valuing differences 1, bridging cultural gaps 1, rejecting unfair stereotypes 1, discovering common ground 1, creating new bonds 1, the opposite of prejudice 1, putting up with people 1, being able to stand things 1 и др.

После когнитивной интерпретации выделенных объективаций было получено 67 когнитивных признаков и сделан вывод, что в англоязычных тематических текстах наиболее часто актуализируется такой когнитивный признак, как *почтительное отношение к другому*.

В результате анализа русских и английских тематических текстов следует, что наиболее актуальным когнитивным признаком концепта ***«толерантность»*** для русского языкового сознания является *снисходительность, мягкость по отношению к другому*, а наиболее ярким когнитивным признаком концепта ***«tolerance»*** для английской лингвокультуры является *почтительное отношение к другому*, что свидетельствует о разности исследуемых концептов.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2007.

И.А. Стернин

Pet – слово, концепт, лакуна

Одной из наиболее интересных и сложных для решения проблем лингвистики является соотношение языка и знания, которое в практических исследованиях принимает форму соотношения слова и концепта.

Сопоставительные и контрастивные исследования все время сталкиваются с проблемой лакунарности – отсутствия лексической единицы в одном языке при ее наличии в другом.

Сопоставление с другим языком показывает, что при наличии слова, вербализующего концепт в одном языке, в другом языке соответствующего слова может не быть. Иначе говоря, в этом языке обнаруживается словесная лакуна.

Можно указать некоторые сигналы лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, фразеологической единицы):

- развернутая объяснительная дефиниция слова в двуязычном словаре (возможно указание – «в России», «В США» и под.);
- объяснение слова в переведном словаре перечислением синонимического ряда;
- наличие номинации за пределами литературного языка (в жаргоне, профессиональном подъязыке, диалекте, вульгарной лексике) при отсутствии единицы в литературном языке.

Межязыковые лакуны делятся на мотивированные и немотивированные.

Мотивированные лакуны в языке объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (*латти, юти, матрешка, балалайка* – в европейских языках; *вечер пятницы, суббота и воскресенье, запрет на профессию, картонная подставка под пивную кружку* – в русском языке).

Немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета: соответствующие предметы есть, а слов нет (*сутки, кипяток – нет в английском; добрый – нет в немецком; именинник, однофамилец – нет в английском, немецком; вечер после работы – нет в русском* и под.).

Проблема лакунарности подробно и разносторонне, на материале разных частей речи разрабатывается в многочисленных исследованиях Г.В.Быковой (1998, 2003), а также в работах М.А. Стерниной и ее научной группы по проблемам частеречной лакунарности (А.А. Махонина, Ж.В. Петросян, О.В. Суханова).

При этом возникает вопрос – если установлено, что у народа нет того или иного слова, значит ли это, что в сознании этого народа нет и соответствующего концепта?

Ответ на этот вопрос далеко не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Выявляются многочисленные случаи, когда, несмотря на отсутствие слова, соответствующий концепт в сознании народа присутствует.

Мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету* (Попова, Стернин 2007, с. 34).

Исходя из такого понимания концепта, можно утверждать, что отсутствие системной языковой номинации для какого-либо концепта еще не свидетельствует о его отсутствии, так как концепты:

- могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общеязыковые);
- могут быть коммуникативно нерелевантными, то есть могут не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления.

Невербализованные концепты довольно трудно обнаружить. Наиболее надежный способ выявления невербализованных концептов – контрастивные исследования, позволяющие обнаружить единицы, не имеющие переводных соответствий в одном из языков относительно другого.

Рассмотрим данную проблему на материале слова *pet* в английском языке.

Слово *pet* в английском языке определяется словарями следующим образом.

Англо-русский словарь/ Ред. В.К. Мюллер. - М., 1969:

1. любимец, баловень; 2. любимое животное; любимая вещь» 3.attr. любимый. р.name – ласкательное имя. 4. attr. Ручной, комнатный (о животном).

2. 1.v. баловать, ласкать; 2. amer. предаваться ласкам; обнимать, целовать и т.п.

Cambridge Academic Content dictionary. – Cambridge , 2009:

pet animal – an animal that is kept at home as a companion and treated affectionately. She has several interesting pets, including a pair of snakes

Webster's New World Dictionary of American English. – Cleaveland 2000:

1. Anymal tamed and kept as favorite or treated with fondness; darling, favourite; 2. Kept as pet (pet lamb) 3. v. Treat as a pet, fondle (esp. person of opposite sex erotically).

Идентичное толкование находим в словаре *The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Oxford, 1986*:

1. Anymal tamed and kept as favorite or treated with fondness; darling, favourite; 2. Kept as pet (pet lamb) 3. v. Treat as a pet, fondle (esp. person of opposite sex erotically).

Методом обобщения словарных дефиниций разных словарей (Стернин, Саломатина 2011, с. 26-28) могут быть выделены следующие когнитивные признаки, образующие концепт *pet* в англоязычном сознании:

любимое ручное животное, которое приручили, держат дома в комнате, с которым обращаются с любовью, к которому испытывают эмоциональную привязанность, используют как компаньона, любуются им, балуют, гладят и ласкают.

Добавим, что важным признаком *pet*, выявляющимся при анализе переводных соответствий этого слова в русском языке, является признак «не используемое для получения материальной выгоды», «не имеющее pragmatischeno назначения».

Некоторые когнитивные признаки концепта *pet* остаются недостаточно определенными: имеет ли значение размер животного – могут ли быть *pets* слоны, бегемоты, жирафы или только сравнительно небольшие животные; в какой степени можно отнести к *pets* насекомых; обязательно ли *pet* должен жить в комнате, или может жить в отдельном помещении при доме и под.; можно ли говорить о факте приручения змей, насекомых и под.). При этом основные когнитивные признаки концепта – это именно вышеперечисленные признаки, они определяют тождество концепта.

Исследуемое английское слово с позиций сопоставления с русским языком является немотивированной лакуной – *pets* у русских есть, хотя слова такого нет. Важно, что лакунарность данного концепта в русской языковой системе вовсе не означает, что данный концепт не может быть назван в русском языке, о нем нельзя поговорить. В случае возникновения коммуникативной необходимости *pet* может быть назван по-русски. Рассмотрим такую ситуацию

Если возникает необходимость номинировать данный концепт в русском общении, обычно используются такие слова и выражения:

У тебя есть дома какая-нибудь **живность**? (живое существо) – Да, кошка.

У тебя есть дома **кошечка или собачка**? – Нет, но есть рыбки.

У тебя есть **домашние животные**? (животное, которое держат дома) – Нет, не люблю, когда дома кто-то бегает.

У тебя есть **четвероногий друг**? (собака) – Да, в прошлом году щенка на улице подобрал.

Другими окказиональными номинациями *pets* могут являться словосочетания:

домашние любимцы – подчеркивает любовь, эмоциональную привязанность к животному;

домашние питомцы – подчеркивает, что о них заботятся, их приручают.

Характерно, что в единственном числе в русском перечисленные номинации практически не употребляются (разве что за исключением *четвероногого друга*).

Журналист Т. Кизяков в своей программе «Пока все дома» ведет рубрику «Зверье мое» - что подчеркивает, что речь идет о *животных*, которых его герои держат дома.

Магазин, который в англоязычных странах называется pet shop, в России обозначается как зоомагазин, зоотовары или каким-либо метафорическим способом – типа *Четвероногий друг, Молчаливый собеседник, Зоопарк* и под., что тоже подчеркивает, что речь идет о *животных*.

Словосочетание *домашнее животное* используется в значении pet чисто контекстуально: в системе языка устойчивое словосочетание *домашнее животное* – это, то, которое держат для получения материальной выгоды (мелкий и крупный рогатый скот, лошади, свиньи, птица и т.д.). Но ситуативно в определенных контекстах домашнее животное (особенно в вопросах) может обозначать pet – актуализируется внутренняя форма словосочетания – *животные, которых держат дома*.

Словосочетание *домашние питомцы*, также, пожалуй, наиболее близко подходит к содержанию концепта pet. Однако все способы ситуативной номинации концепта pet в русском языке не передают основного содержания этого концепта, называя в акте речи лишь отдельные его стороны и осуществляя, таким образом, исключительно контекстуальное обозначение концепта.

В связи с этим приходим к выводу, что английское слово pet следует признать безэквивалентным для английского языка и лакуной в русском языке. При этом концепт pet есть и в английской, и в русской концептосфере, но в русской концептосфере он относится к разряду невербализованных концептов.

В некоторых случаях, однако, можно говорить и о безэквивалентности концептов. В.И. Карасик отмечает, например, что в китайском языке есть слово со значением «дурной запах, исходящий от земли» – этот концепт в русской концептосфере отсутствует; в английском сознании нет концепта «необъятная родина», который есть у русских. В английском языке, по свидетельству В.И. Карасика, есть выражение to match fingers – оно обозначает постукивание костяшками пальцев одной руки по костяшкам одноименных пальцев другой руки перед собой как отражение нерешительности, размышлений. В русской концептосфере этого концепта нет в связи с отсутствием стандартного жеста этого типа в русской невербалике (Попова, Стернин 2007, с.82-83).

Почему же концепт pet не назван в русском языке? Причины этого, как представляется, чисто коммуникативные – просто русские эту тему мало обсуждают, она им не так интересна, как англичанам или американцам, у которых pets – целая индустрия.

Немотивированные лакуны вовсе не указывают автоматически на отсутствие у народа соответствующего концепта, поскольку эти концепты в силу конкретных исторических или культурных причин могут быть просто нерелевантными для данного сообщества.

Очевидно, что концепт pet в русском сознании *коммуникативно нерелевантен*. Причину же этого может искать объяснительная наука – лингвокультурология.

Литература

1. Англо-русский словарь. / Ред. В.К. Мюллер. – М., 1969.
2. Быкова Г.В. Внутриязыковые лакуны в системе языка (на материале русского языка). – Благовещенск, 1998.
3. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. – Благовещенск, 2003.
4. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж, 2006.
5. Петросян Ж.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь адъективной безэквивалентной лексики. Прилагательное. – Воронеж, 2011.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
7. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж, 2011.
8. Суханова О.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол. – Воронеж, 2012.
9. Cambridge Academic Content Dictionary. – Cambridge, 2009.
10. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Oxford, 1986.
11. Webster's New World Dictionary of American English. – Cleaveland 2000.

Раздел 4.

Исследования в области лингвокультурологии и перевода

Л.В. Крайник, М.Н. Рассоха

Коммуникативная стратегия *understatement* в британской и американской лингвокультурах

В специальной литературе отмечается, что в каждой национальной речевой культуре существует своеобразный концепт непрямой

коммуникации (НК), который выражает преимущественно отрицательную оценку свойств непрямой коммуникации, препятствующих настоящему обмену смыслами (Дементьев 2006, 140-142). Действительно, с первым тезисом данного высказывания – о наличии в каждой речевой культуре собственного концепта непрямой коммуникации – трудно не согласиться. Второй же момент относительно содержания концепта непрямой коммуникации вызывает ряд сомнений и возражений, которые и станут предметом обсуждения в данной статье.

Начнем с общих вопросов: как в национальных культурах воспринимается непрямая коммуникация? Преобладает отрицательная или положительная оценка? Существует ли в культуре специальный языковой знак, означающий непрямую коммуникацию? В поисках ответа на эти вопросы обратимся к языковому материалу *разных* национальных культур – британской и американской, однако пользующихся *одним* языком – английским. Такой материал задает исследованию еще один любопытный ракурс, а именно изучение *лингвокультурной адаптации* знаков языка для отражения национальной специфики непрямой коммуникации.

В ряде сопоставительных исследований британской и американской лингвокультур неоднократно упоминалось о том, что НК имеет разные проявления и отличается своей спецификой в этих культурах (Кузьменкова 2005, Ларина 2003, Fox 2004). Британская коммуникация характеризуется более выраженной и яркой тенденцией к некатегоричности и недосказанности, в то время как в речевом поведении американцев отмечается стремление к прямому высказыванию. В целом, как подчеркивают исследователи, представители американской лингвокультуры в речевой деятельности стремятся избегать недосказанности.

Недосказанность и некатегоричность коммуникации в английском языке вербально может быть выражена целым набором языковых средств, за каждым из которых закрепляется особая культурная коннотация. Становясь участниками англо-американской коммуникации, и британцы, и американцы, безусловно, отмечают эти особенности НК, характеризующие каждую из англоговорящих лингвокультур. Приведем краткий отрывок, иллюстрирующий восприятие англо-американской коммуникации наивными пользователями языка. Американская журналистка так описывает общение со своим британским собратом по перу: “We also seemed to be amused by each other’s national quirks. He would often gently deride a certain American literalness that I do possess – a need to ask questions all the damn time, and analyse situations a little too much. Just as I would express amusement at his incessant need to find the flippant underside to all situations.” (Kennedy 2004, с. 20-21). Крайне характерно, что особенности такого речевого общения номинируются представителями британской и американской лингвокультур как культурно-специфические, что

отражается в использовании следующих лексем: *national quirks* и *American literalness*. Не менее важно отметить, что указанные черты коммуникации вызывают улыбку, удивление и, в целом, развлекают: “We also seemed to be *amused*... I would express *amusement*...” В то же время ряд ключевых слов в описываемой ситуации содержат в своих дефинициях компонент ‘annoying’: *quirks* – ‘a strange or annoying habit’, *incessant* – ‘continuing for a long time...in a way that is annoying’, *flippant* – ‘treating a serious subject or situation in a way that is not serious, especially when this annoys other people’. Отрицательная коннотация отмечается и у глагола *to deride* – “to criticize someone or something by suggesting that they are stupid, unimportant, or useless” (все дефиниции приводятся по словарю *Macmillan English Dictionary*).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что при речевом взаимодействии, при обращении к стратегии недоговаривания и у британцев, и у американцев возникает сложный комплекс отношений и эмоций, обусловленных, в том числе *расхождениями* в применении коммуникативной стратегии *understatement* в двух исследуемых лингвокультурах. Отсюда, как представляется, возникает необходимость исследовать эту коммуникативную стратегию в сравнительно-сопоставительном аспекте с целью выявления комплекса черт сходства и различий каждой лингвокультуры.

В качестве материала анализа мы использовали коммуникативные ситуации – фрагменты британского и американского художественного дискурсов, в которых эксплицирован термин НК *understatement*. Выбор указанного материала обусловлен тем, что наличие данного языкового знака позволяет строго атрибутировать ситуацию как безусловно относящуюся к НК. Кроме того, слово *understatement* рассматривается нами в качестве специализированного верbalного знака, обладающего рядом pragматических черт и культурно-специфических признаков (Крайник, Рассоха 2012). Наличие специальной номинации для непрямой коммуникации говорит о том, что она занимает особое место в коммуникативном поведении представителей англофонных культур.

Но прежде чем мы перейдем к анализу контекстов употребления лексемы *understatement*, обратимся к тому, как семантизирован данный вербальный знак в британских и американских словарях.

Для того, чтобы определить степень семантической эквивалентности лексемы *understatement* в британском и американском вариантах английского языка, мы предприняли попытку сопоставить ее семантизацию. Данная лексема и ее производные (*understate*, *understated*, *understatedness*, *understater* и *understatedly*) были проанализированы в трех британских и четырех американских наиболее полных и авторитетных словарях.

Важно отметить, что собственно лексема *understatement* зафиксирована во всех семи словарях. Однако в двух американских словарях (MWO и RHAD) она не сопровождается словарной статьей. Кроме лексемы *understatement*, во всех упомянутых словарях словарной статьей снабжены лексемы *understate* и *understated*. Лексема *understater* зафиксирована и снабжена дефиницией в одном из рассмотренных нами словарей – британском (COED). Лексемы *understatedness* и *understatedly* в обеих группах словарей не имеют зоны толкования.

Анализ лексемы *understatement* позволил нам выделить в обеих группах словарей такие денотативные семы, как:

- 1) **высказывание**: statement (AHD, MWALED, COED, LDOCE, MMD);
- 2) **манера изъясняться**: expression (=the act of expressing, conveying, or representing in words, art, music, or movement; a manifestation – AHD), the practice of (MWALED, LDOCE, MMD);
- 3) **сдержанность/простота художественного выражения**: restraint in artistic expression (AHD), the quality of being understated or modest in design (COED);
- 4) **несоответствие действительности**: smaller, less important, etc., than it really is (MWALED), less strongly or strikingly than the facts would bear out (RHAD), falls below the truth or fact (COED).

Это дает возможность говорить об эквивалентности лексемы *understatement* в британском и американском вариантах. Тем не менее, речь не может идти о полной эквивалентности, поскольку другие денотативные семы: «**полнота информации**», «**интенсивность качества**» и «**создание риторического эффекта**» не являются общими. Так семы «**полнота информации**» (statement less than complete – AHD) и «**создание риторического эффекта**» (restraint or lack of emphasis in expression, as for rhetorical effect – AHD) были выявлены в американском словаре, а сема «**интенсивность качества**» (not strong enough, less of a particular quality – LDOCE) – в британском.

Отсутствие ограничительных помет у лексемы *understatement* в словарях обоих вариантов английского языка позволяет говорить о совпадении всех пяти функциональных сем – значение данной лексемы характеризуется как межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное и употребительное (Стернин 2007).

Коннотативные семы оценочности и эмоциональности у лексемы *understatement* также узуально не закреплены. При этом отметим, что в британских словарях актуализирована коннотативная сема положительной оценки прилагательного *understated*. Она предстает непосредственно в виде пометы: showing approval – MMD, а также опосредованно, через оценочные прилагательные: one that is attractive – LDOCE.

Таким образом, в терминологии сопоставительно-параметрического метода (Лукина 2011), индекс денотативной идентичности лексемы

understatement в британском и американском вариантах английского языка составляет 57%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100% каждый. Это означает, что интегральный индекс идентичности, т.е. степень семантической эквивалентности данной лексемы – 79%.

На следующем этапе исследования мы сопоставили использование лексемы *understatement* в художественном дискурсе британских и американских авторов 80-90х годов XX века. Источником примеров послужили Британский национальный корпус (BNC) и корпус современного американского английского языка (COCA).

Необходимо отметить, что в подавляющем большинстве проанализированных примеров художественного дискурса реализуется денотативная сема «высказывание». При этом предметная ситуация использования стратегии *understatement* оформляется британскими и американскими авторами аналогичными лексико-грамматическими средствами, выполняющими роль метадискурсивных маркеров. Речь идет, прежде всего, о самой лексеме *understatement*, реализующей в контексте, как мы выяснили, значение речевого произведения. В свою очередь она является компонентом продуктивных синтаксических конструкций, устанавливающих семантическое тождество языковых выражений. Мы имеем в виду предложение, в которых подлежащее является объектом метаязыковой характеристики, а предикат эту характеристику выражает. Например, биноминативная конструкция *This/that/smth is/was an understatement*:

«Her last comment was an understatement, to say the least.» (COCA)

«‘Good grief’ was a gross understatement.» (BNC)

Нами также отмечено, что исследуемая лексема входит в качестве компонента в инфинитивно-номинативную конструкцию *To say (that)... is an understatement*. В нашем материале эта конструкция наиболее частотна:

«To say he was nervous was an understatement.» (COCA)

«To say it was effortfully hollow would have been an understatement.» (BNC)

Как британские, так и американские авторы нередко используют клишированное, частично связанное выражение *the understatement of the* в сочетании с существительным (словосочетанием), обозначающим отрезок времени:

«Brad Elliott knew that was the understatement of the year.» (COCA)

«That was the understatement of the century!» (BNC)

Нам представляется, что данное выражение уже прошло определенный этап узуализации в силу своей рекуррентности в дискурсе британских и американских авторов и присутствия в иллюстративной зоне британских и американских словарей.

Таким образом, мы наблюдаем использование аналогичных языковых средств в оформлении ситуации НК британскими и американскими авторами.

Что касается расхождений в употреблении НК, маркируемой знаком *understatement*, нам представляется важным отметить, что в художественном дискурсе американских авторов в лексеме *understatement* нередко актуализируется сема «создание риторического эффекта» как pragматической интенции. Появление положительных коннотаций свидетельствует в этом случае об успешности речевого акта. Это можно проследить в поведении обоих коммуникантов: как создателя ситуации НК, так и реципиента:

«She smiles at the *understatement*.»; «He paused to enjoy his own *understatement*.» (COCA)

Соответственно, неуместность речевого акта или неумелость одного из коммуникантов порождает коннотации со знаком минус:

«And that, Jaxom said to himself, must be the single most stupid *understatement* he had ever made!» (COCA)

Отметим, однако, что в материале, проанализированном нами, преобладают примеры с положительной коннотацией.

В отличие от американского художественного дискурса, британские авторы при создании ситуации НК, как правило, не преследуют цели создать риторический эффект. Коммуниканты «вынуждены» улыбаться или смеяться, если баланс эксплицитного и имплицитного нарушен:

«The *understatement* was such that Jehan was forced to smile.» (BNC)

При этом мы наблюдаем за тем, как коммуниканты распознают ситуацию НК в реальном времени или *post factum* и шкалируют ее, определяя степень нарушения баланса: *a gross understatement*; *a great understatement*, *a major understatement*, *the biggest understatement of all time!*:

«That's the biggest *understatement* of all time!» (BNC)

«That was probably the *understatement* of the decade, she acknowledged ruefully some hours later...» (BNC)

Таким образом, в применении *understatement* в качестве специализированного знака непрямой коммуникации в британском и американском художественном дискурсе мы не наблюдаем существенных различий. Это объясняется тем, что, с одной стороны, НК маркируется коммуникантами как антиконфликтная стратегия, в целом предписываемая принципами межличностного общения и стремлением к консенсусу в речевом взаимодействии. С другой стороны, она отражает принцип поддерживания коммуникативного интереса, который предписывает быть непредсказуемым, и, следовательно, интересным собеседником.

Литература

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М., 2006.
2. Крайник Л. В., Рассоха М. Н. Лингвокультурные аспекты непрямой коммуникации (на примере *understatement* в английском языке) // Ученые записки КНАГТУ «Науки о человеке, обществе и культуре». – № 3-2(11) 2012. – С. 43-50.
3. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М., 2005.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М., 2003.
5. Лукина Л. В. К проблеме изучения межъязыковых соответствий // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 22-29.
6. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж, 2003.
7. Стернин И. А. Контрастивные исследования и контрастивные словари. – 2007. Электронный ресурс – <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubStern.html>. Дата обращения 14.01.2013.
8. British National Corpus. Электронный ресурс – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
9. Fox, K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. – London, 2004.
10. Kennedy, D. A Special Relationship. – London, 2004.
11. The Corpus of Contemporary American English. Электронный ресурс – <http://www.americancorpus.org>

Использованные словари

1. AHD – The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition copyright ©2011 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. – <http://www.ahdictionary.com>
2. COED – The Compact Oxford English Dictionary (2nd ed.) – New York, 1996.
3. LDOCE – The Longman Dictionary of Contemporary English Advanced Learner's Dictionary – <http://www.ldoceonline.com>
4. MMD – Macmillan Publishers Limited 2009–2012. – <http://www.macmillandictionary.com>
5. MWALED – Merriam-Webster Advanced Learner's English Dictionary. – Springfield, 2008..
6. MWO – Dictionary and Thesaurus - *Merriam-Webster* Online. – <http://www.merriam-webster.com>
7. RHAD – Random House Unabridged Dictionary (2nd ed.) – New York, 1993.

Л.Н. Титова

К вопросу о развитии речи ребенка в условиях билингвизма

Настоящая статья является продолжением наших наблюдений над формированием речи ребенка в условиях билингвизма (Титова 2010) и базируется на опыте общения с нашей внучкой Дашей, 2006 г. рождения. Даша родилась и живет в Великобритании, ее мама является носителем русского языка, а папа – английского.

Как известно, на процесс овладения ребенком языками влияет много факторов, таких как интеллектуальный уровень родителей, среда, в которой находится ребенок, его физическое и психологическое состояние, наследственные способности (или неспособности) к изучению языков, схожесть и различие языков, на которых приходится говорить, и т.д. При условии, что все перечисленные факторы остаются неизменными по мере роста и взросления ребенка, рассмотрим фактор возраста и его влияние на формирование языковых навыков ребенка. На первом этапе, в возрасте где-то до трех лет, ребенок смешивает два языка, потом начинает дифференцировать их. Примерно к трем – четырем годам ребенок начинает четко отделять один язык от другого. В этом возрасте тот факт, что в семье мама говорит с ребенком исключительно на русском языке, папа – на английском, а между собой родители общаются тоже на английском, является для него вполне естественным. Сейчас Даше около семи лет и она с легкостью и быстротой переключается с одного языка на другой в ситуациях, когда все члены семьи общаются между собой: находятся вместе за обеденным столом, перед телевизором, в парке и т.д. В семье принято, что мама никогда не говорит с ребенком по-английски и в таких ситуациях общение с папой происходит на английском, а с мамой – на русском. Ребенку приходится отвечать то маме, то папе, быстро и четко реагировать на их реплики, учитывая то, что в общем разговоре людям приходится естественным путем прерывать друг друга, дополнять, соглашаться или не соглашаться. В целях эксперимента и просто ради обычного житейского любопытства мама пробовала разговаривать с ребенком по-английски. Первой реакцией Даши было некоторое замешательство, а потом резкий отказ и нежелание говорить с мамой на «папином» языке. С подобными ситуациями сталкивалась и я, когда пыталась заговорить по-английски с другими двуязычными детьми. Они, зная, что я русская, реагировали подобным же образом. Нашему ребенку также не нравится, когда папа, стараясь похвастаться своими скучными познаниями, обращается к ней по-русски. Можно предположить, что у нее существует четкая психологическая установка, что каждый должен говорить на своем родном языке. Это происходит не только дома, но и за его пределами. Даша прекрасно общается с русскими и английскими «тетями»

на их языках. С другой стороны, если к ней обращается по-русски человек, для которого русский язык не родной, который он изучает как иностранный, то реакция такая же, как дома. Ребенок уже хорошо понимает, что он владеет двумя языками с равной степенью легкости и естественности, объясняя это тем фактом, что он одновременно – «англичан» и русский. То, что бабушка тоже знает английский, и говорит на нем, но иногда испытывает трудности в общении, Даша объясняет тем, что бабушка не «англичана» и английский знает лишь, поскольку изучала его в школе и университете, то есть, говоря профессионально, не является носителем языка.

Считается, что абсолютно эквивалентное владение двумя языками невозможно. Абсолютный билингвизм предполагает совершенно идентичное владение обоими языками во всех ситуациях общения. Это связано с тем, что опыт, который ребенок приобрел, пользуясь одним языком, всегда будет отличаться от опыта, приобретенного с использованием другого языка. Чаще всего ребенок предпочитает использовать разные языки в разных ситуациях. Приведем пример из нашей практики. Однажды мама поругала ребенка за то, что тот не убрал со стола свои вещи. Пришлось повторить это не раз, и не два, повысить голос, и даже прикрикнуть, что у русских является вполне естественным. В ответ было сказано: «Ты почему на меня кричишь?» (на русском), а затем, что нас абсолютно шокировало: «*You hurt my feelings!!!*» Примечательно в этой ситуации то, что сказано это было именно по-английски, хотя с мамой Даша разговаривает исключительно по-русски. Очевидно, причиной этого является то, что данное высказывание явилось результатом освоения опыта жизни в Великобритании, где ребенок является равноправным членом общества и нарушать права его личности и посягать на них нельзя.

С другой стороны, мы наблюдали такое явление. Находясь в России на Новогодних праздниках, ребенок посещал большое количество детских спектаклей, концертов, елок, театральных представлений, видел Дедов Морозов, Снегурочек, лесных зверушек и сказочных персонажей и разговаривал с ними, естественно по-русски. Когда в один из вечеров Даша разговаривала с папой по *Skype*, она пыталась передать ему свои ощущения и рассказать об увиденном, но не смогла этого сделать так, как хотелось: постоянно запиналась, подбирала слова и спрашивала – «Как это по-английски?». Объяснение этому, как нам кажется, простое. Дело в том, что в Англии Новый Год практически не празднуется, нет такого разнообразия массовых гуляний на улицах, площадях, в торговых центрах и театрах. Ребенок лишь однажды увидит Санта Клауса и получит от него подарок. На этом заканчивается весь праздник. Нет праздника – нет способа его описания, и отсюда все языковые трудности. Кроме того, мы отметили очень скованную и лаконичную манеру общения с папой по-английски. Как он ни пытался разговорить её, в ответ было: «*Yes I did*», «*I*

“don’t know” и т.д. Она сказала ему, что идет на спектакль, который называется «Двенадцать месяцев», но при этом, как ни странно, не перевела название на английский, а сказала по-русски с английским произношением. Представляется, что это обусловлено тем, что произошло полное погружение в русскую языковую среду при очень интенсивном общении с русскими людьми на улицах, в семье и, что особенно важно, со сверстниками. В результате такого погружения ребенок забыл некоторые английские слова, одновременно и полностью исчезли те ошибки (грамматические, фонетические, интонационные), с которыми он приехал в Россию десять дней назад.

В этом возрасте мы отмечаем большой интерес и осознанное отношение к разным языкам, желание говорить и понимать людей, говорящих на них. Все чаще и чаще ребенок спрашивает: «как это по-русски» (по-французски, по-испански, по-турецки). В поездках на отдых в другие страны он узнает какие-то слова и фразы на тех языках. Это дает понимание того, что разные люди могут общаться на разных языках, являясь и не являясь их носителями, и что язык является средством общения между ними. Что касается русского языка, то это язык, на котором говорит мама, на котором можно говорить по телефону и Skype со всеми родственниками, живущими в России, общаться с ними, когда приедет в Россию, это общение с друзьями из русскоязычного сообщества, просмотр любимых русских мультфильмов, чтение русских книг, заучивание русских стишков (кстати, в Англии это почему-то не принято и дети не знают стихов), загадок, поговорок. Особый интерес вызывает просмотр современных детских фильмов, которые ребенок сначала смотрел дома на английском языке, а потом в России тот же фильм – уже на русском.

Наконец, знание русского языка дает ребенку чувство гордости и некоторого превосходства по отношению к другим детям в Англии. То, что Даша говорит по-русски, вызывает у одноклассников, их родителей и учителей уважение. В России же тот факт, что такой маленький ребенок так хорошо говорит по-английски, вызывает восхищение.

Преимущество владения русским языком или другими языками проявилось в одном курьезном случае. Дело было летом на пляже во Франции. Там наш ребенок встретился с девочкой – ровесницей, и они начали, не сговариваясь, как все дети играть в песке, строить домики и т.д. Однако, к обоюдному огорчению, во время игры у них не получилось общения, так как девочка оказалась француженкой. Тогда наш ребенок, сообразив, что есть выход из сложившейся ситуации, обратился к маме (мама немного говорит по-французски): «Мама, как спросить у девочки по-французски – ты говоришь по-русски?» К сожалению, девочка не говорила по-русски, и акт коммуникации не состоялся.

Разумеется, билингвизм накладывает определенный отпечаток на речь ребенка. В результате в русском языке мы наблюдаем у Даши целый ряд ошибок, вызванных интерференцией английского языка. То, что прежде всего бросается в глаза, это английские конструкции, которые ребенок переносит в русский язык, в результате чего русское предложение с адекватной лексикой звучит «как-то не по-русски», так, как не сказал бы ни один русский человек:

- Так быстро, как ты можешь (As fast as you can)
- Не надо отвечать мне обратно (Don't tell me back)
- Если бы я была ею (If I were her)
- Когда я прихожу, ты мне покажешь (When I come you will show me)
- Если я ложусь спать рано, мы пойдем завтра в театр (If I go to bed early we'll go to the theatre tomorrow)
- Я не знаю, если она говорит по-английски (I don't know if she speaks English)
- блинчики для десерта (pancakes for desert)

Наблюдаются также и чисто лексические ошибки: употребление глагола «давать» вместо «дарить» (англ. – to give): Я дала маме открытку на Новый год, калькированный перевод английского выражения one day (когда-нибудь) выражением «один день», употребление глагола «поставить» вместо «при克莱ить», «прикрепить», «повесить», «положить» (англ. – to put) и др.

Представляется, что дальнейшие наблюдения над ребенком, растущим в условиях билингвизма, дадут материал для новых лингвистических и культурологических выводов.

Литература

1. Титова Л.Н. Из наблюдений над становлением речи у ребенка-билингва. // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 169-172.

Н.П. Ульянова

Диминутивные существительные английского языка в перевodческом аспекте

Особое место в исследованиях последних лет занимает изучение лексико-морфологических средств актуализации категории диминутивности, представляющей собой «обобщенное значение малого объема, размера, обычно выражающееся посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками – ласкательности или уничижительности» (Ахманова 1969, с. 485).

Одним из способов выражения понятийной категории диминутивности, тесно связанной с коннотативным компонентом лексического значения слова, являются уменьшительно-ласкательные суффиксы, особенно широко распространенные в сфере существительного, являющегося ярким репрезентантом диминутивности.

Целью данной работы является исследование способов перевода английских производных субстантивов с диминутивными суффиксами на русский язык.

Субстантивные диминутивы представлены в английском языке суффиксами со значением уменьшительности *-let*, *-ule*, *-ette(-et)*, *-kin*, *-ock*, *-ling*, *-у (-ie, -ее)*, которые обозначают маленький размер, привязанность, незначительность [smallness, affection, triviality] и порой имеют значение ласкательности [hypocoristic meaning] (Каращук 1965).

Компонентный анализ структуры значения производных номинативов с данными суффиксами показал, что в их значениях присутствует общий компонент – квантитативная сема неопределенно малого количества, выраженная в дефинициях при помощи параметрических прилагательных, обозначающих размер (little, small, short) или возраст (young). Это касается производных со всеми указанными суффиксами, которые могут обозначать размер, возраст, либо и размер, и возраст одновременно.

Например:

с суффиксом *-let*: *playlet* – a short play, *brooklet* – a small brook, *piglet* – a young pig, *lakelet* – a small lake (озерко), *roomlet* – a small room (комнатка), *brooklet* – a small brook (ручеек), *cloudlet* – a small cloud (облачко), *oaklet* – a small oak (дубок), *leaflet* – a small or young leaf (листочек);

с суффиксом *-ette/et*: *kitchenette* – a small kitchen (кухонька), *balconette* – a small balcon (балкончик), *floweret* – a small flower (цветочек), *locket* – small lock, *latchet* – a small latch, *verset* – a small verse (стишок);

с суффиксом *-kin*: *boykin* – a small boy (мальчишка), *kilderkin* (бочонок), *manikin* (карлик), *lambkin* (ягнёнок), *pannikin* (кастрюлька);

с суффиксом *-ling*: *catling* – a young cat (котенок), *duckling* – a young duck (утёнок), *frogling* (лягушонок), *gosling* (гусёнок) и др.

с суффиксом *-ock*: *bullock* (бычок), *hummock* (холмик, пригорок, возвышенность);

с суффиксом *-ule*: *animacule* – a small animal – зверёк, зверёныш, *spherule* – маленькое сферическое тело.

с суффиксом *-у* (и его алломорфом *-ie, -ее*): *bootee* (башмачок), *cookie* (домашнее печенье; булочка), *doggie* (собачка), *girlie* (девочка), *kitty* (котенок), *lambie* (ягнёнок), *lassie* (девчушка), *tumty* (мамочка), *pussy* (кошечка), а также: *sonny*, *kiddy*, *cutie*, *birdie*. Диминутивы с этим суффиксом широко используются также в сфере имен собственных. При этом изменение значения часто достигается путем сокращения основы и прибавления суффикса *-у/ie*: *Katty, Larry, Berty, Eddy, Danny, Sandy, Tony*,

Bobby, Charlie, Frankie, Jimmy, Kenny, Lenny, Leslie, Marty, Richie, Willy, Betsy, Cindy, Debbie, Lizzy, Ellie, Kathy, Jessie, Peggy, Vicky, etc.

Анализ показал, что у имен собственных категории диминутивности на морфологическом уровне в английском языке представлена достаточно широко. Сюда можно отнести также рифмованные сложные слова типа *Henny-Penny, Georgie-Porgie, Piggle-Wiggle, Busy Lizzy, Chatty Kathy*, которые ассоциируются с детским языком и являются эмоционально-окрашенными. Этим суффиксом оформляются также экспрессивно-окрашенные прозвища, например: *ducky, puppy, shortie, blondie, curly, pinky, sparky, stinky, hottie, lovey-dovey*, не все из которых оказываются ласкательными.

Проведенное исследование позволило выявить, что большинство проанализированных производных единиц (за исключением дериватов с суффиксом *-y/ie*) являются стилистически нейтральными и несут когнитивную информацию – квантиативное значение размера, не осложненное коннотативными наслоениями. В отличие от других, суффикс *-y* (и его алломорфы *-ie, -ee*) привносит в значения производных не столько количественную семантику, сколько явный эмоциональный компонент, выражая отношение говорящего к объекту номинации, а именно, любовь (*affection*). Он является стилистически маркированным, несущим положительную или отрицательную окраску на основании концепта незначительности/малости. Специфика положительного или отрицательного отношения определяется эмоциональным настроем говорящего. При этом в производных может прослеживаться либо положительное (*hypochoristic*), либо уничижительное/пренебрежительное (*pejorative*) отношение к объекту номинации.

Положительная оценка основана на выражении любви, сочувствия, умиления. К типичным сферам реализации положительной оценки относятся детская речь или речь взрослых, обращенная к детям (*tittty, daddy, granny, sonny*) или милым сердцу людям/предметам, вызывающим эмоциональное к ним отношение.

Отрицательная оценка основана на недовольстве адресанта недостаточным размером или масштабом проявления тех или иных важных качеств, в силу чего он демонстрирует по отношению к нему свою антипатию и пренебрежение. Так, уничижительный оттенок присущ словам *weepy* (сентиментальный фильм), *weakling* (слабак), *snakeling* (змееныш), *bantling* (отродье, выродок). Значения слов *tsarlet, kinglet* и *princeling* – царёк, князек: «царь/король/князь на маленькой незначительной территории» указывают не на размер/рост человека, а подчеркивают незначительность территории, которой они управляют и имеют пренебрежительное значение, развившееся, вероятно, из значения «тиран».

Сопоставление производных существительных с их русскими эквивалентами показало, прежде всего, что русский язык располагает гораздо большими ресурсами для актуализации категории диминутивности. Будучи языком синтетического строя, он использует большое количество уменьшительно-ласкательных суффиксов (тогда как английский в основном - уменьшительных) для выражения размера и положительного эмоционального отношения говорящего. В русском языке есть аналоги данных суффиксов: -ик-, -ек-, -к-, - очк-, -онок, -ок, -очки, -ушк-, -юльк-, -ечк-, которые образует существительные со значением уменьшительности (Шанский 200). Например: *manikin* – человечек, *карлик*, *pannikin* – кастрюлька, мисочка, *cannikin* – кружечка, *duckling* – утенок, *lambie/lambkin* – ягненок, *frogling* – лягушонок, *lassie* – девчушка, *tittty* – мамочка, *kitchenette* – кухонька, *ringlet* – колечко, *bootie* – башмачок, *streamlet* – ручеек, *rivulet* – речушка.

При этом многие из английских слов имеют ряд синонимичных русских эквивалентов. Формы субъективной оценки здесь также бывают разных степеней. Так, например: ягненок/ягненочек, сынок/сынуля/сыночек/сыночка; мамочка/ мамуля/ мамуся/ мамулечка/ мамусенька, кастрюлька/кастрюлечка, лягушонок/лягушечка, ручеек/ручечек, девчушка/девчоночка/девонька, утенок/утеночек, собачка/собачонка/собачоночка, речушка/реченька и пр.

При посредстве уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба – пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок. Значение уменьшительности может сопровождаться различными эмоционально-экспрессивными окрасками – ласкательности (уменьшительно-ласкательная форма), напр.: *дочурка*, *мамуся*, *кошечка*; или уничижительности (уменьшительно-пренебрежительная форма, пейоратив), напр: *слабак*, *князёк*, *царек*. Образования с суффиксами субъективной оценки характерны для разговорной, экспрессивно окрашенной речи. Уменьшительно-ласкательные формы в русском языке также часто используются для передачи близких отношений, особенно при общении с маленькими детьми, а также при вежливом обращении – при заказе столика в ресторане, в ситуации «сфера обслуживания»: колбаска, рыбка, печеньце и др. Зачастую данные формы не имеют никакого отношения к размеру.

Иногда экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, утвоении суффиксов субъективной оценки (например: *доч-ур-оч-к-а*, *дев-чон-оч-к-а*, *мам-аш-ен-к-а*, *баб-ул-ен-к-а* и т. п.). Все последующие за первой степенью экспрессивного усиления связаны с выражением эмоционального отношения к предмету и далеки от уменьшительного значения.

Схожие по своему звуковому составу, различные по значению суффиксы дифференцируются ударением. Так, суффикс *-ушк(а)*, *-юшк(а)* имеет оттенок фамильярной уничтожительности или иронии, снисходительного пренебрежения: *Марфушка*, *Ванюшка*, *толстушка*, *вертушка* и т.п. Безударный суффикс *-ушк(а)*, *-юшк(а)* имеет ярко выраженное ласкательное значение: *матушка*, *тетушка*, *речушка*.

В связи со структурным различием концептуальной и языковой картин мира возникает проблема адекватности перевода. Переводчик сталкивается с проблемой непереводимости значения некоторых уменьшительно-ласкательных суффиксов, стилистические коннотации которых достаточно трудно передать другим языком. Трудно, например, передать разницу между словами *домик* и *домишко*, *реченька* и *речушка*, *комнатка/комнатушка* или *комнатенка* и мн. др.

При переводе с русского языка на английский данная категория не всегда находит себе буквального соответствия, поэтому возникает необходимость передачи значения русского диминутивного суффикса другими способами.

Следует обратить внимание на трудности адекватного перевода с точки зрения сохранения концепта диминутивности не только с русского языка, богатого диминутивными суффиксами, на английский, в котором последние представлены в незначительной степени, так и с английского на русский.

Проведенный анализ позволяет выделить основные способы, которые чаще всего используются при передаче значений уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Прежде всего, достижение адекватности перевода осуществляется при помощи дериватов с собственно русскими уменьшительно-ласкательными суффиксами: *-ик-*, *-ек-*, *-к-*, *- очк-*, *-онок*, *-ок*, *-очки*, *-ушк*, *-юльк* – *-ечк-* или соответственно с английскими: *-let*, *-ule*, *-ette(-et)*, *-kin*, *-ock*, *-ling*, *-у* (*-ie*, *-ee*). Слова с такими суффиксами могут быть нейтральными и стилистически маркированными, что необходимо учитывать при выборе эквивалента.

Затем, это описательный перевод при помощи сочетания параметрических прилагательных *small*, *little*, *tiny* с объектом, который они детерминируют (*a small owlet* – *совенок*, *old little lady* – *старушка*). Эти атрибутивы, используемые в дефинициях дериватов, часто используются при переводе с русского языка, компенсируя дефицит выражения категории диминутивности. В русском же языке, богатом уменьшительно-ласкательными суффиксами, выражение категории диминутивности часто делает использование параметрических прилагательных, в большей степени характерных для английского языка, излишним.

В некоторых случаях целесообразно использование приема транскрипции и транслитерации, например, при передаче степени и

качества знакомства, выражаемого русскими формами *Илюшечка* или *Надюшенька*, точно так же, как и грубого экспрессивного звучания форм *Валюха* или *Толян* и им подобных, которые просто не могут быть адекватно переданы по-английски.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложность передачи производных с уменьшительно-ласкательными суффиксами с русского на английский язык и наоборот заключается в национальной и структурной специфике этих языков. Необходимо учитывать менталитет народа и не допускать избыточности или существенных потерь при переводе диминутивов, которые передают как минимум два смысла (размер и отношение) одним суффиксом.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Карапуз П. М. Аффиксальное словообразование в английском языке. – М., 1965.
3. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию – М., 2005.

Раздел 5. Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

В.Ю. Копров
**Актуализирующий аспект высказывания
в русском и английском языках**

Включение предложения в ситуацию общения, в текст превращает его в конкретное речевое произведение – высказывание. Происходит так называемая актуализация предложения и его компонентов. К числу важнейших средств выражения актуального членения (в другой терминологии – коммуникативной перспективы) высказывания относится интонация и синтаксически значимый параметр – порядок слов (Распопов 1970; Золотова 1982; Теория функциональной грамматики 1992). Сопоставительный анализ этих средств в разноструктурных языках производится в актуализирующем аспекте семантико-структурной организации и функционирования высказывания (Копров 2010).

Как известно, в составе предложения, включенного в речь или текст, различается часть, которая является исходной, известной – **тема** (T)

высказывания, и часть, которая сообщает об этой теме новую информацию – **рема (Р)** высказывания.

В языках различного строя прямым – нейтральным – является строго определенный порядок слов: в русском и английском языках – это «подлежащее – сказуемое – дополнение». Отличаются сопоставляемые языки тем, что в русском языке порядок слов является **относительно свободным**, в английском – **более фиксированным**: лишившись почти всей системы морфологических форм слов, английский словопорядок принял на себя выражение многих грамматических отношений между компонентами предложения-высказывания, в том числе актуального членения.

В **русском высказывании** при прямом порядке слов тема начинает высказывание, а рема завершает его: **Т – Р**, например: *Вы говорите **верно*** (рема *верно*). Однако в конкретных русских высказываниях такое расположение компонентов наблюдается не всегда.

1. В **устной** речи говорящий имеет возможность ставить в высказывании слова, выражающие рему, в любую позицию по отношению к теме: в препозицию (**Р – Т**), интерпозицию (**Т – Р – Т**), постпозицию (**Т – Р**).

В любой позиции рема выделяется **логическим ударением**, и поэтому она безошибочно узнается слушающим. См. примеры высказываний с различным порядком слов:

Я поеду завтра в Петербург; Завтра я поеду в Петербург; В Петербург поеду я завтра; Я поеду в Петербург завтра; Я поеду в Петербург завтра.

2. В **письменной** речи интонационное выделение ремы, естественно, не воспроизводится, поэтому его отсутствие компенсируется **категорией порядка слов**, в соответствии с которой слова, обозначающие рему, обычно располагаются в конце высказывания, **после** слов, обозначающих тему: **Т – Р**. Ср.:

Я поеду в Петербург завтра.

Завтра я поеду в Петербург.

В Петербург завтра поеду я.

Я в Петербург завтра поеду.

Таким образом, в письменной речи существуют две основные грамматические схемы порядка расположения слов в высказывании: прямая и инвертированная.

При прямом порядке слов в состав темы входит подлежащее предложения, а рема выражается сказуемым и / или объектом и обстоятельствами. Схема прямого порядка слов: подлежащее (**Т**) – сказуемое – (объект) – (обстоятельства) (**Р**), например: *Моя старшая сестра отлично учились в университете; В прошлом году мы хорошо отдохнули в Крыму.*

При **инвертированном** порядке слов в состав темы входят обстоятельства, объект и / или сказуемое предложения, а в состав ремы –

подлежащее. Схема инвертированного порядка слов: (обстоятельства) – (объект) – сказуемое (Т) – **подлежащее (Р)**: *Главную роль в становлении личности человека играет школа*.

Обе эти схемы в письменной речи стилистически нейтральны. В реальном тексте они чередуются, постоянно взаимодействуют между собой, обеспечивая логическую связность изложения.

3. В художественных произведениях писатели, добиваясь естественности в передаче речи персонажей, часто с помощью категории порядка слов имитируют устную речь. В этих целях слова, обозначающие рему, ставятся перед словами, обозначающими тему (Р – Т).

Правильное восприятие читателем коммуникативной роли компонентов таких высказываний обеспечивается контекстом (однозначным указанием на тему в предшествующих репликах, самой ситуацией общения и т.д.), например:

- Здорово, дядя Макар. *Опять ты дежуришь? А где Трофим?*
- *Заболел твой Трофим, можешь навестить*, – отвечает Макар.

Из ситуации становится очевидным, что в соответствии с графиком дежурств в описываемое время должен был дежурить Трофим. Увидев на его месте Макара, персонаж, естественно, интересуется причиной отсутствия Трофима. В ответной реплике именно причина, объясняющая данную ситуацию, является ремой высказывания (заболел), хотя в результате инверсии в рематической позиции здесь находится подлежащее (*твой Трофим*).

4. В схемах порядка слов второстепенные члены предложения (определения и обстоятельства) как правило, не занимают самостоятельной коммуникативной позиции, включаясь в состав тематической или рематической группы слов в высказывании.

Однако внутри атрибутивных и обстоятельственных **словосочетаний** также наблюдается прямой или инвертированный порядок компонентов.

Прямой порядок компонентов в словосочетании является коммуникативно **нейтральным**, а «внутренняя» перестановка компонентов – инверсия – вызывает их **актуализацию**.

Таким образом, для каждого компонента синтаксической структуры предложения-высказывания имеется нейтральная и актуализированная позиция:

1) прилагательное-определение обычно находится в препозиции по отношению к определяемому слову и актуализируется в **постпозиции**, ср.: *красивый цветок* → *цветок красивый*;

2) существительное-определение, обычно находящееся в постпозиции, актуализируется в **препозиции**: *просторы родины* → *родины просторы*;

3) сказуемое при прямом порядке расположено после подлежащего и актуализируется в **препозиции**: *Старичок идет по дороге* → *Идет старичок по дороге*;

4) дополнения (объекты), обычно располагающиеся в высказывании после сказуемого, в **препозиции** актуализируются: *Он провел детство за границей* → *Он детство провел за границей*;

5) обстоятельства актуализируются в препозиции по отношению к сказуемому и дополнением: *Я вижу цветущую сирень за высоким забором* → *Я за высоким забором вижу цветущую сирень*; *Я вижу за высоким забором цветущую сирень*.

Актуализация компонентов придает содержащим их высказываниям эмоционально-экспрессивную и жанрово-стилистическую **окраску**: лирическую, торжественную, поэтическую, сказовую, непринужденно-разговорную и т.п.

В **английском языке** также существует два типа расположения компонентов высказывания: прямой «подлежащее – сказуемое» и инвертированный «сказуемое – подлежащее».

Прямой порядок следования главных членов встречается в английском языке в большинстве и устных, и письменных высказываний: подлежащее (Т) – сказуемое (Р). **Инверсия** же, в отличие от русского языка, возможна только в особых, ограниченных условиях.

1. Инверсия для актуализации **подлежащего**. Подлежащее не всегда выражает тему, оно может быть также и тем, что сообщается в высказывании, т.е. ремой. Актуализация подлежащего производится различными способами.

В предложениях локализации, начинающихся с локализатора (обстоятельства места или времени) типа *In the corner stood a table set for three* сообщается о том, что в известных условиях (места или времени) находится субъект, который и является ремой высказывания. Ср. соответствующее русское предложение: *В углу стоял сервированный на троих столик*.

Как и в русском языке, в подобных предложениях локализатор может быть не лексикализован – представлен как неопределенный (обобщенный); в таких высказываниях наблюдается препозиция сказуемого – инверсия, актуализирующая подлежащее:

Came a beautiful fall day, warm and languid (J. London) (*Наступил прекрасный осенний день, теплый и скучный*); *Followed a complete and deathlike silence* (K. Mansfield) (*Последовала полная и гробовая тишина*).

2. Инверсия для актуализации **сказуемого**. В адъективных предложениях отмечается следующий актуализирующий сказуемое порядок компонентов: сказуемое – связка – подлежащее: *Strange is the heart of woman* (S. Leacock) (*Чудно сердце женщины*).

Если же подлежащее выражено местоимением, то признаковый компонент актуализируется, но подлежащее занимает позицию перед связкой: *Terrible it had been!* (K. Mansfield) (*Ужасно это было!*).

3. Инверсия для актуализации **дополнения и обстоятельства**:

1) на первое место в высказывании ставятся дополнения и обстоятельства со значением отрицания (*never, nowhere, not a word* и т.п.), ограничения (с частицей *only*) или усиления (*many a time* и т.п.): *Never had he read fiction with such keen zest as he studied those books* (J. London); *Little did we think that we were never to see him again* (Ch. Dickens); *Many bargains had he picked up there* (J. Galsworthy);

2) в препозиции находятся наречия или послелоги, выражающие направление движения и являющиеся компонентами глагольных сочетаний типа *to go out, to come in*. Инверсия привносит в значение высказывания оттенки порывистости, стремительности или неожиданности действия (Аракин 1979): *Up went the steps, bang went the door, round whirled the wheels* (Ch. Dickens) (*Поднялись ступеньки, захлопнулась дверь, закрутились колеса*).

Особенности использования категории порядка слов для выражения актуального членения высказываний разных семантико-структурных типов в сопоставляемых языках требуют их изучения на широком фактическом материале. При переводе для адекватной передачи актуального членения исходного высказывания на другой язык часто требуется выход на более высокий, чем отдельное высказывание, уровень – уровень сложного синтаксического целого или связного текста.

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л., 1979.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
3. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.
4. Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке. – М., 1970.
5. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость/неопределённость. – СПб., 1992.

А.Б. Пешкова

Влияние образования и социального положения коммуникантов на использование русских и английских восклицательных высказываний

Как известно (Иванова 1981, с.176; Блох 2000, с.248; Паничева 2004, с.7 и др.), восклицательное предложение является основным синтаксическим средством, служащим для выражения эмоций человека на окружающую

действительность. Данная единица характеризуется эмотивной интенцией (верbalное выражение эмоций), а иногда и эмоциональной интенцией (верbalное и неверbalное выражение эмоций).

В коммуникации восклицательные предложения приобретают статус высказываний, специфика которых заключается в комплексном характере целеустановки, объединяющей коммуникативную и эмотивную интенции.

На использование русских и английских восклицательных высказываний влияет ряд факторов, таких как пол, возраст, образование, социальное положение коммуникантов, социальная дистанция и другие. Представляется интересным проанализировать данные высказывания с точки зрения влияния образования и социального положения коммуникантов, поскольку данные факторы оказывают воздействие на частотность использования восклицательных предложений.

Материалом исследования послужили 4000 русских и 4000 английских восклицательных предложения, извлечённых методом сплошной выборки из художественных и публицистических произведений современных русских и англоязычных писателей (преимущественно американских). Выборка проводилась на основе таких критериев, как наличие восклицательного знака в конце предложения или реплики автора типа: он воскликнул, закричал и др.

И в русской, и в англоязычной коммуникации среди персонажей анализируемых произведений восклицательные высказывания чаще всего употребляют люди без высшего образования (60% в русском и 57% – в английском). Их можно разделить на две группы. К первой относятся люди со средним образованием (38% в русском и 29% в английском): в армии один солдат (прибыл на службу сразу после окончания школы) даёт наставления другому: **«Слушай, смотри, учись и молчи!»** (А. Азольский «Диверсант»), тракторист Иван (40 лет), окончивший школу и начавший сразу работать, говорит: **«Тоже небось скоро помрёт. Дураки долго не живут, хоть с виду крепкие. Без бабки тоскует. А тоска – первый признак могилы. Внутренняя стрелка дрожит – значит, хана человеку!»** (А. Титов «Жизнь, которой не было»); панк (18-20 лет), имеющий среднее образование и не имеющий постоянного места работы, говорит профессору лингвистики о девушке, которую тот разыскивает: **“Megan belongs to my friend Eduardo! You stay away from her!”** (D. Brown “Digital Fortress”).

Ко второй группе относятся люди со среднеспециальным образованием (28% в английском и 22% в русском языках). Например: бывший торговый представитель, ныне пенсионер, на утверждение внука о том, что папа ненавидит тюрьму, говорит: **“Well who doesn’t!”** (J. Updike “Rabbit at Rest”), фотограф просит своего друга не открывать дверь из-за яркого света: **“Please don’t open that door!”** (С. Bukowski “Maja Thurup”); взводный со средне-специальным образованием говорит солдату:

«Сырость не разводи – не в хлеву! ... Расхаркался тут» (Е. Шкловский «Улица»).

Восклицательные высказывания и в русском, и в английском языке могут также использовать коммуниканты с высшим образованием, но их количество невелико (43% в английском и 40% – в русском). Например: биоинженер Давид, увидев пожар, кричит помощнику: “*Water! Where is water?*” (J. Varley “Steel Beach”); работник пресс-центра губернатора говорит жене (учительница английского языка) и сыну (студент): «**Я же говорю: мне всё тут осточертело! Вы в том числе**» (А. Слаповский «День денег»).

Таким образом, и русские, и английские восклицательные высказывания, как правило, употребляют люди без высшего образования. Среди русских – это чаще всего люди со средним или среднеспециальным, а среди американцев – со средним образованием.

Что касается социального положения коммуникантов, то в рамках анализируемых произведений, и в русском, и в английском языках восклицательные высказывания используют в своей речи представители следующих профессий и социальных групп, которые целесообразнее представить в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству:

1) военные: командир взвода приказывает солдатам: «*Дугин! Петрыкин! Кропачёв! Разбегайся, ищи, может где подвал!*» (А.И. Солженицын «Адлиг Швенкиттен»); главнокомандующий говорит военачальнику: “*May Allah be praised! We'll soon send a lesson to the world that we will no longer stand for the corruption of our society*” (N. Mullin “Georgia Republic on my Mind”) – 16% в русском и 15% в английском;

2) учащиеся: школьница Джуди жалуется бабушке, что никогда не была в Диснейленде в отличие от своих одноклассников: “*But half the kids in my school have been. Some of them even been twice and they don't even have grandparents living in Florida!*” (J. Updike “Rabbit at Rest”), студент МГУ Сергей говорит своему знакомому скинхеду: «**Ты! ... Как жизнь молодая?**» (С. Шаргунов «Ура!») – 14% в английском и 13% в русском;

3) ученые, исследователи: искусствовед Ричард Карри не хочет разговаривать со студентом Полом, поэтому говорит ему: “*Get back inside!*” (I. Caldwell “The Rule of Four”); химик Менделеев приглашает присяжного поверенного слушать черные псалмы: «**Ей-богу, не пожалеете!**» (М. Беленький «Черные псалмы») – 12% в английском и 11% в русском;

4) работники сферы искусств: актер говорит режиссеру о певице: «**Боже мой, её голос!**» (И. Полянская «Читающая вода»), поэт не хочет разговаривать с издателем: “*I said now, fucker!*” (C. Bukowski “A Shipping Clerk with a Red Nose”) – 10% в русском и 8% в английском;

5) безработные: безработный Марти обещает своему другу бросить пить: ***“By god, I will! I’ll pour this drink into the sink!”*** (С. Bukowski “Guts”); безработный предлагает взять часть найденных денег: **«Ты пойми! Ты на эти деньги комнатку в порядок приведешь, снимешь её ...»** (А. Слаповский «День денег») – 10,5% в английском и 8% в русском;

6) работники торговли, частные предприниматели: представители сетевого маркетинга говорят писателю: **«Вам повезло! Рекламная распродажа! В 5 раз дешевле, чем в магазине!»** (Ф. Искандер «День писателя»); частный предприниматель упрекает отца: **“God damn it, dad, we’ve been frantic, because of you! We thought you might have lost her!”** (J. Updike “Rabbit at Rest”) – 8,5% в русском и 3% в английском;

7) медицинские работники: врач Глаша говорит своему мужу – военно-морскому атташе: **«А насчет детей – подумай. У меня, возможно, найдётся ещё возможность поговорить с тобой на эту тему... А теперь – проваливай!»** (А. Азольский «Глаша»); в больнице врач говорит пациенту перед операцией: **“Ya, you are now in our power!”** (С. Bukowski “All the Assholes in the World and Mine”) - 6% в русском и 5,2% в английском;

8) фермеры, колхозники, крестьяне: агроном говорит сыну покойного председателя о колхозе: **«Уборка! Зимовка! Без догляду!»** (Б. Екимов «Пиночет»); крестьянин говорит журналисту о жене: **“She eat too, she eat good. Deep throat, ha, ha, ha!”** (С. Bukowski “Maja Thurup”) – 7% в русском и 4% в английском;

9) работники СМИ: редактор газеты на пресс-конференции объявляет: **“And now the moment you’ve all been waiting for! The name of the person who from this day forward will live with the stars!”** (J. Varley “Steel Beach”); книгоиздатель и редактор газеты говорит: **«Я ехала домой. Из Москвы. Не заключив ни одного договора! Разве только у этого тренера слова расходились с делами! Призывал не пить, а сам набрался!»** (Н. Горланова «Я ехала домой») – 8% в английском и 2,5% в русском;

10) педагоги: во время лекции в аудиторию вошёл незнакомец и стал беседовать с одним из студентов, преподаватель говорит: **“Someone get security!”** (I. Caldwell “The Rule of Four”); учительница говорит своему мужу, с которым едут на машине на море: **«Надоело уже. Давай про что-нибудь другое. Посмеши меня как-нибудь. Ты же умеешь меня смешить!»** (Д.Г. Новиков «Куйпога») - 5,4% в английском и 4,8% в русском;

11) рабочие: грузчик мяса кричит другому: **“George come here!”** (С. Bukowski “Confession of a Man Insane Enough to Live with Beasts”); рабочая говорит детям: **«Сколько радости вы нам доставили!...»** (А. Мелихов «Любовь к отеческим гробам») – 5,1% в английском и 5% в русском;

12) прочие (чиновники, инженеры, официанты, секретари и т.д.): помощница сенатора объясняет работнику финансового отдела, почему у неё нет паспорта: *“Came in such a hurry I barely remembered to put on my underwear!”* (D. Brown “Deception Point”); присяжный поверенный говорит об известном химике: *«Дмитрий Иванович принадлежит России!»* (М. Беленький «Черные псалмы») – 9,8% в английском и 8,2% в русском.

Таким образом, и в русском, и в английском языках среди персонажей анализируемых произведений восклицательные высказывания чаще всего используют военные, учащиеся, ученые (исследователи) и работники сферы искусств. Русские восклицательные высказывания чаще, чем английские используют работники торговли, фермеры (колхозники, крестьяне); в то время как английские чаще употребляют безработные и работники СМИ.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособ. – 3-изд., перераб. и доп. – М., 2000.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие. – М., 1981.
3. Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи (в свете антропоцентрической парадигмы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004.

Е.А. Травкина

Темповые особенности звучащего новостного текста (на материале русского и немецкого языков)

Темп наряду с ритмом и интонацией является одним из основных параметров звучащей речи. Лингвисты говорят о механизмах речевой компрессии, которые различны для разных языков.

На сегодняшний день временные параметры речи остаются малоизученными. Не исследована также и функциональная нагрузка, которую несет темп при стилевой дифференциации речи.

Интересно, что первоначальное выделение стилей речи основывалось на различиях во временных характеристиках речевого потока. Так, Л.В. Щерба выделял:

- 1) быстрое фамильярное произношение,
- 2) замедленное фамильярное произношение,
- 3) тщательное произношение,

4) особо тщательное произношение.

В XX в. в российской экспериментальной фонетике появляется понятие произносительного стиля. Наиболее важными признавались две его разновидности:

- 1) стиль произношения, характерный для неформальной речи,
- 2) стиль, когда нужно говорить четко.

Таким образом, при первоначальной классификации стилей речи ведущее значение имели темповые параметры (Шаповалова 2007, с. 67-68). Вариации этих параметров влекут за собой системные изменения других параметров звучащей речи (Stock, Velićkova 2002, с. 185-186).

Лингвистический словарь дает следующее определение темпа речи: «Темп речи – это скорость протекания речи во времени, ее ускорение и замедление, обусловливающее степень ее артикуляторной напряженности и слуховой отчетливости» (Ахманова 1969).

Рядом исследователей (Л.В. Бондарко, Л.А. Чистович) неоднократно подчеркивалось, что изучение любого физического процесса нереально вне изучения протекания этого процесса во времени. В связи с этим временная характеристика рассматривается как элементарная и в то же время фундаментальная характеристика речевого сигнала (Р.К. Потапова).

Целью нашего исследования является определение темповых параметров звучащего новостного текста на материале русского и немецкого языков.

Для определения темпа речи нами было подсчитано количество слогов, произнесенных в минуту времени.

Мы располагаем средними показателями темпа речи: для русской речи традиционно принято 280-290 слогов в минуту, а для немецкой – 240-260 слогов (данные Г. Линденера).

В ходе нашего исследования нам необходимо было выявить темповые особенности звучащего новостного текста. В зависимости от привязанности к исходному тексту материал был разделен на две группы:

- «+» – более выраженная привязка (речь в прямом эфире),
- «0» – менее выраженная привязанность (записанные репортажи).
- «-» – минимальная привязанность (диалог с гостем студии)

В обоих языках были обнаружены следующие закономерности.

Для новостных текстов на русском языке были получены следующие величины.

Минимальный показатель в группе текстов «+» (речь в прямом эфире) составляет 372 слога, максимальный – 492 слога, средняя скорость говорения – 441 слог в минуту. В группе «0» (записанные репортажи) результаты соответственно 378 и 468 слогов, средняя величина – 422 слога в минуту.

В исследуемом материале также был обнаружен один диалог ведущего с экспертом – гостем студии. Этот текст интересен сам по себе, т.к. речь

ведущего несет в себе все признаки фонетического стиля звучащего новостного текста (температура – 262 слога в минуту), в то время как гость говорит в другом стиле (интервью или монолог-рассуждение) со скоростью 240 слогов.

Для новостных текстов на немецком языке были получены следующие величины.

Минимальный показатель, полученный нами в группе текстов «+» (речь в прямом эфире) – 234 слога, максимальный – 342 слога, средняя скорость говорения – 301, 4 слога в минуту. В группе «0» (записанные репортажи) результаты соответственно 216 и 342 слога, средняя величина – 295, 8 слогов в минуту.

Таким образом, в обоих языках была выявлена схожая тенденция: темп речи в звучащих новостных текстах значительно превышает средний показатель по языку. Причем в обоих языках темп речи увеличивается при увеличении зависимости говорящего от исходного текста (скорость речи в записанных репортажах меньше, чем в прямом эфире). Мы предполагаем, что диктор в прямом эфире испытывает большее эмоциональное напряжение, он не имеет возможности продумывать свою речь. При этом репортер имеет большую свободу, может исправлять сказанное, что делает его речь относительно более размежеванной.

Необходимо отметить, что ускоренный темп речи в новостях обусловлен специфическими экстралингвистическими условиями.

В первую очередь необходимо подчеркнуть опосредованность речи в новостях, ее подготовленность и, следовательно, минимальную степень спонтанности. Трудно представить себе человека, который бы мог спонтанно, без подготовки, порождать тексты подобного объема и качества. Опора дикторов на письменный текст позволяет им это. По всей видимости, именно «начитывание» текста является одним из основных факторов, определяющих специфику данного стиля речи.

Необходимо также отметить жесткий лимит времени, в рамках которого приходится работать диктору или репортеру, и информативность новостных текстов. Это приводит к тому, что говорящий ускоряет речь, уменьшается длительность пауз. О.С. Родионова подчеркивает лапидарность новостных текстов, т.е. необходимость в наиболее сжатой форме дать максимум информации (Родионова 1985, с. 32). При этом телевизионная трансляция делает невозможной связь со зрителем, т.е. говорящие (дикторы и репортеры) не получают информацию о том, насколько хорошо они поняты.

Для звучащих новостных текстов не характерны явления спонтанной речи (повторы, паузы хезитации, фальстарты, автокоррекции, оговорки, заминки и проч.). Это также связано с тем, что ведущие и репортеры имеют определенные навыки дикции. Как правило, они проходят

специальную подготовку и обладают необходимыми навыками, недоступными рядовым носителям языка.

Фонетический стиль звучащего новостного текста можно назвать «молодым» фоностилем. Его появление связано с техническим прогрессом (опора на письменный текст и телевизионная трансляция). Навыки дикции говорящих и экстралингвистические условия, в которых появляется фоностиль звучащего новостного текста, сообщают речи новые, специфические черты, которые, как показало наше исследование, обусловлены, прежде всего, спецификой самого новостного текста, а не национальными особенностями языков.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М., 1969.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание : учеб. пособие для ун-тов. – Воронеж, 2004.
3. Родионова О.С. Синтагма в текстах радиопублицистики (на материале немецкого языка) // Проблемы супрасегментной фонетики. Сб. научн. тр. Вып. 248. – М., 1985. – С. 175-184.
4. Шаповалова О.В. Фоностилистические признаки звучащего художественного текста «динамическое описание» (на материале русского и немецкого языков) : дисс. ...канд. фил. наук. – Воронеж, 2007.
5. Stock E., Veličkova L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. – Frankfurt am Main, 2002.

В.А. Шкунников

К анализу экспрессивной глагольной множественности в русском и английском языках

Анализ на функционально-семантической основе разного рода средств количественной характеристики глагольного действия позволил выделить среди них так называемую экспрессивную множественность. К ней относятся глаголы типа: *убегаться, уезжаться, убродиться, умаяться, уработаться* и т.п., фиксирующие накопления действия как такового. Их существенная особенность состоит в том, что они ограничивают развитие длительных или многократных действий, суммируемых в одно целое, указанием на тот момент, когда их продолжение становится невозможным вследствие крайней усталости субъекта (всегда одушевлённого). Как справедливо отмечал Ю.С. Маслов (Маслов 2004), по сути своей они являются итоговыми глаголами: в них подводится результат некоторым

длительным или многократным действиям, которые пришли в соответствие с некоторой внутренней нормой, либо превысили её. Различие между этими глаголами заключается лишь в том, как интерпретируются последствия длительного или многократного действия. Так, если глаголы типа *избегаться*, *изъездиться*, *изголодаться* обозначают, что соответствующее действие охватило полностью объект или субъект и привело к определённому изменению его первоначальных свойств, то эксгаустативные глаголы типа *умаяться*, *умучиться* указывают на то, что действие, охватившее полностью субъект, достигло своего максимума.

Эксгаустативные глаголы, как нетрудно заметить, образуются при помощи приставки *у-*, которая присоединяясь к мотивирующей основе, коренным образом трансформирует ей семантическую структуру. Так, если глагол *бегать* обозначает «быстро двигаться (преимущественно в разных направлениях), усиленно и ускоренно ходить», то соответствующие производные имеют значение «утомиться от беготни». Аналогичным же образом осуществляется трансформация всех глаголов данного структурно-семантического типа: существенные семантические свойства префигурированных глаголов задаются приставкой, а его частные особенности определяются производной основой, которая фиксирует, как именно осуществляется названное глаголом действие (ср. *уработаться*, *умаяться* и т.п.). Отличительная особенность таких глаголов заключается в том, что они ограничивают развитие длительных или многократных действий, суммируемых в одно целое, указанием на тот момент, когда их продолжение становится невозможным вследствие крайней усталости субъекта (всегда одушевлённого) К этому следует дополнить, что все они без исключения находятся за пределами русского литературного языка, о чём свидетельствуют соответствующие словарные пометы. Так, в МАС (т. 3, с. 642, 671) глаголы *убегаться*, *упрыгаться*, *уходиться* трактуются как разговорные, а глаголы *умаяться*, *упариться* (МАС, т. 3, с. 613, 650) – как просторечные. Отдельные глаголы (например, *уработаться*, *ухлопотаться*) вообще не фиксируются словарями, хотя и встречаются в художественной литературе, особенно XIX века. Квантитативное значение эксгаустативных глаголов носит крайне неустойчивый характер. Оно совершенно исчезает у глаголов, семантически ориентированных на неодушевлённый предмет. Так, глагол *увариться* имеет два значения: 1) дойти до готовности при варке; 2) уменьшиться в объёме и весе в результате варки, из которых только второе значение несёт как бы намёк на собственно эксгаустативное происхождение этого глагола. Что касается глагола *упариться*, то он, будучи отнесен к неодушевленному субъекту, совершенно не имеет ничего общего с эксгаустативностью, констатируя простое достижение результата. Указанные особенности определяют их крайне непоследовательную трактовку в словарях. Так, в Малом

академическом словаре русского языка (МАС, т. 4) в перечне многочисленных значений приставки *у-* эксаустативное значение вообще не упоминается, но в словарных статьях, посвящённых конкретным глаголам (*убегаться, уходиться, умаяться, упрыгаться*), даётся отсылка к одному и тому же признаку (дойти до крайней усталости).

Все эксаустативные глаголы употребляются обыкновенно в совершенном виде, который допускает в основном реализацию одного частновидового значения – резльтативного (перфектного):

Был конь, да уездился (А.Островский); *Убродился я ...в Троицкие ворота заходить не близко...* (А. Чаплыгин); *Матушка в этот день чувствовала себя плохо, умучилась за неделю* (А. Толстой); *В этот день, когда оставили мазанку, Лапша хлопотал и усердствовал больше всех, но по происшествии часа так выбился из сил, так умаялся, что отказался от обеда* (Д. Григорович); *Сначала всё хныкал – танкера ему жалко и записные книжки сгорели...А теперь умучился, спит* (Ю. Крымов); *Что ж, и поймают. – Кто? Вы? Вам поймать? Упрыгаетесь* (Ф. Достоевский); *(Фёкла)...дай прежде с духом собраться – так ухлопоталась! По твоей комиссии все дома исходила* (Н.Гоголь).

Поскольку, как уже отмечалось, эксаустативное действие во всех без исключения случаях ориентируется на субъект, манифестируя доведённость его состояния до крайнего предела, специализированная приставка *у-* предполагает обязательное употребление постфиксa – *ся*.

Набор базисных основ у эксаустативных глаголов невелик. Сюда в первую очередь относятся глаголы неоднонаправленного движения: *бегать, ходить, ездить, бродить* и изолированные глаголы, не образующие чётких семантических группировок (*прыгать, хлопотать, маяться* и т.д.).

Анализ английской глагольной лексики с точки зрения её способности к передаче эксаустативной семантики свидетельствует о том, соответствующие средства не носят сколько-нибудь системного характера. Взятые в целом, они предстают как продукт фиксации различных комбинаций универсальных и частных признаков. Индивидуальность находит своё выражение, в частности в том, что в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные морфемы, “ответственные” за реализацию эксаустативного значения в русском языке. В подавляющем большинстве случаев английский глагол, представленный в изолированном виде, т.е. без какого-либо контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить соотносительное значение, реализация близкой по соотносительности семантики зачастую осуществляется здесь за счёт специализированного контекста. По этой же причине английский глагол никак не реализует признак многоактности, иногда представленный в семантической структуре некоторых эксаустативных лексем. Нередко в содержательной структуре

эксгаустативных глаголов совмещается признак многоактности и равнозначный ему в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передаётся признак разовости, тогда как признак последовательной распределённости (многоактности) никак не репрезентируется и обычно домысливается участниками речевого акта, как в случаях: *умориться – be quite exhausted, be dead tired; умаяться – get tired; умучиться – torment oneself over, take pains/trouble over; упариться – be in, get into a sweat; уходиться – it takes all one's energy, one's whole energy is spent on it; уработатьсь – to work to death, etc.* Данное обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу эксгаустативной характеристики глагольного действия, когда значения многоактности и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении эксгаустативной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующей внимание либо на достигнутости действием результата, выраженного в накоплении собственно действия, либо на его длительности или развитии во времени.

Литература

1. Малый академический словарь русского языка. – М., 1985-1988. (МАС)
2. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М., 2004.

Раздел 6. Рецензии

М.А. Кулинич

Англо-русские словари безэквивалентной лексики

Лингвистическое сообщество России может порадоваться за авторский коллектив под руководством профессора М.А. Стерниной, создавший серию словарей англо-русской безэквивалентной лексики для основных частей речи: существительного (Махонина, Стернина 2006), прилагательного (Петросян, Стернина 2011) и глагола (Суханова, Стернина 2012). Все три словаря изданы в Воронежском издательстве «Истоки». Они составляют комплекс, выдержаный в едином ключе, построенный по единому принципу – в виде алфавитного перечня лексических единиц английского языка, не имеющих русских словарных соответствий в виде слова или устойчивого словосочетания.

Как писал Вольтер, все словари делаются из других словарей. Рассматриваемые словари – не исключение. Они составлены путем тщательного отбора лексических единиц, не имеющих однословных русских словарных соответствий, из авторитетных толковых и страноведческих словарей английского языка

Каждый раз, когда берешь в руки новый словарь, радуешься новому знанию, ибо что есть словарь, как не рассыпанный на кусочки мир вокруг нас. Когда проходит первая радость, начинаешь задумываться – кто войдет в «целевую аудиторию» пользователей. На мой взгляд, словари пригодятся:

1. переводчикам, особенно начинающим, при выборе варианта перевода. «Наивное языковое сознание» (по В.Б. Кашкину) с трудом мирится с мыслью, что вместо одного слова в одном языке нельзя подставить тоже одно слово в другом языке: **to barnstorm** можно передать только пространно, описывая явление и уточняя его участников, а не номинируя его: *гастролировать в провинции (об актерах, лекторах и т.п.)*. Шутливое сложнопроизводное слово **baby-snatcher** – *похитительница младенца (о старухе, женившей на себе молодого)*, можно передать, в зависимости от контекста, разными способами (например, *связался чёрт с младенцем*). Однако описание ситуации дает возможность переводчику подумать в нужном направлении. Кстати, не совсем понятно, почему не включено в словарь сложнопроизводное слово по этой же модели **cradle-snatcher** – *старый муж или старый любовник молодой женщины; старая жена или любовница молодого мужчины*.

2. преподавателям английского языка и русского как иностранного при отборе материала для занятий по словообразованию. Рецензируемые словари показывают, что чаще всего безэквивалентными оказываются слова, построенные по определенным словообразовательным моделям, например, выражающим отсутствие, отрицание признака: **affectionless** – *лишенный любви и ласки (часто о ребенке)*; **antipollution** – *защищающий окружающую среду от загрязнения*.

Особый интерес вызывают способы передачи так называемых «телескопных» слов, или контаминантов, т.е. особого вида словосложения, при котором берется первая морфема одной основы и конечная морфема второй основы: **ecotone** (*ecology+ hormone*) – *гормон, влияющий на экологическое равновесие*; **ecotecture** – *архитектура, гармонирующая с окружающей средой*; *проектирование зданий с учетом экологических факторов*. Как правило, эти слова представляют собой «два понятия в одном»: **educrate** – образование + бюрократия. Вполне естественно, что у таких слов нет и быть не может однословных эквивалентов, а только описательный перевод: *бюрократ от просвещения (о школьном инспекторе и др.)*

Словарь глагольной лексики убедительным образом показывает как

наличие множества глаголов, образованных по конверсии от существительных, так и невозможность передать сложные и разнообразные семантические модели деривации с помощью однословного эквивалента: **to brain-storm** – проводить коллективное обсуждение, **to lemon** – добавлять лимон, цедру; приправлять лимоном, лимонной кислотой.

3. студентам для самостоятельной работы. Словари дают возможность познакомиться с реалиями американской и английской жизни, с особенностями других англоязычных стран. Например, **Dear John (letter)** – письмо от жены или невесты с сообщением, что она больше не любит мужа или жениха и выходит замуж за другого. Отметим, что такое знакомство облегчается с помощью словарных помет: австрал., amer., ирл. и других. Например, **francize** – канад. *ввести французский язык вместо английского (в Квебеке)*

4. лингвистам для дальнейших исследований. Возможные направления анализа – обобщить, в каких частях речи преобладают лакуны, какие тематические группы наиболее выражены, какие способы словообразования в английском языке дают лакуны в русском.

Ценность словарей могла быть значительно больше, если бы к каждому было составлено Приложение по тематическому принципу: человеческие качества (**bomb-happy** – разг. готовый применить (атомную) бомбу, угрожающий (атомным) оружием, войной); названия жилища, профессий, приборов и устройств (**drunkometer** – разг. прибор для определения степени опьянения), действий по обработке и т.п. В этом случае преподаватели английского языка всех уровней были бы вдвойне признательны.

Словари хорошо отредактированы и достаточно удобны для пользования. Отметим, что словари были, есть и остаются увлекательным чтением. Лучше всего о словаре сказал американский поэт и прозаик Оливер Уэнделл Холмс:

Here's a book full of words; one can choose as he fancies,
As a painter his tint, as a workman his tool;
Just think! All the poems and plays and romances
Were drawn out of this, like a fish from the pool.

Литература

1. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж, 2006.
2. Петросян Ж.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь адъективной безэквивалентной лексики. Прилагательное. – Воронеж, 2011.
3. Суханова О.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол. – Воронеж, 2012.

Содержание

От научного редактора с.3

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернина М.А. (*Воронеж*) Использование сопоставительно-параметрического метода для определения национальной специфики семантом с.4

Махонина А.А., Стернина М.А. (*Воронеж*) Особенности лакунарности лексем различной частеречной отнесенности с.13

Маклакова Е.А. (*Воронеж*) Трафаретная модель аспектного семенного описания значения (на материале русских и английских наименований лиц) с.18

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Бабушкин А.П. (*Воронеж*) Англо-русские параллели фразеологизмов со словами *water/вода* с.24

Барабушка И.А. (*Воронеж*) Индивидуально-авторская метафора в образах города в русской и английской прозе конца XX – начала XXI века с.26

Вострикова И.Ю. (*Воронеж*) Особенности проявления национальной специфики ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках с.31

Деркач С.И. (*Воронеж*) Аспектный анализ национальной специфики тематической подгруппы «Наименования политических, государственных и международных объединений» в русском и английском языках с.35

Козельская Н.А., Али Фарис Хассун (*Воронеж*) Контрастивная ценность метафор с перцептивными прилагательными в русском языке на фоне арабского с.41

Корсакова Г.Г., Поздняков В.В. (*Калининград*) Структурно-семантический анализ английских и русских фразеологических единиц, содержащих соматические термины с.46

Н.В. Костенко (*Воронеж*) Способы языкового представления линейного перемещения (на материале русского и английского языков) с.49

Кочетова Н.В. (<i>Воронеж</i>) Особенности полисемии русских и английских многосеменных адвербиональных лексем	с.54
Кривенко Л.А. (<i>Воронеж</i>) Из опыта описания коммуникативной релевантности сопоставимых лексем русского и английского языков	с.59
Лёвин К.Ю. (<i>Воронеж</i>) Англоязычные и русскоязычные психолингвистические термины, обозначающие процесс порождения речи	с.63
Лукина Л.В. (<i>Воронеж</i>) Лексико-семантическая группировка наименований речевых событий в русском и английском языках	с.66
Макарова А.С. (<i>Москва</i>) Контаминация как способ трансформации крылатых выражений в современной российской и французской публицистике	с.72
Никитина И.Н. (<i>Воронеж</i>) Особенности русских и английских наиболее частотных глаголов чувственного восприятия	с.77
Портнихина Н.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительное исследование национальной специфики семантического развития наименований небесных тел в русском и английском языках	с.82
Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Фразеологизмы, включающие наименования <i>природных комплексов</i> в русском и английском языках	с.87
Чернова Н.И. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика наименований культовых зданий и помещений в русском и английском языках	с.97
Шишкина Н.М. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ глаголов речевой деятельности в русском и английском языках, обозначающих <i>согласие / несогласие</i>	с.100

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области концептосфер

Баскакова Е.С. (<i>Сургут</i>) Концепт «Русский человек» в дискурсе англоязычной и немецкоязычной прессы	с.106
Бурдина В.А. (<i>Тамбов</i>) Описание мимических движений лица посредством глаголов <i>хмуриться</i> и <i>frown</i>	с.110

Неровная Н.А. (*Воронеж*) Тематический текст как средство объективации концепта «толерантность» в русском и английском языках с.114

Стернин И.А. (*Воронеж*) Pet – слово, концепт, лакуна с.118

Раздел 4.

Исследования в области лингвокультурологии и перевода

Крайник Л.В., Рассоха М.Н. (*Владивосток*) с.122

Коммуникативная стратегия *understatement* в британской и американской лингвокультурах

Титова Л.Н. (*Воронеж*) К вопросу о развитии речи ребенка в условиях билингвизма с.129

Ульянова Н.П. (*Воронеж*) Диминутивные существительные английского языка в переводческом аспекте с.132

Раздел 5.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

Копров В.Ю. (*Воронеж*) Актуализирующий аспект высказывания в русском и английском языках с.137

Пешкова А.Б. (*Воронеж*) Влияние образования и социального положения коммуникантов на использование русских и английских восклицательных высказываний с.141

Травкина Е.А. (*Старый Оскол*) Темповые особенности звучащего новостного текста (на материале русского и немецкого языков) с.145

Шкунников В.А. (*Воронеж*) К анализу экспрессивной глагольной множественности в русском и английском языках с.148

Раздел 6.

Рецензии

Кулинич М.А. (*Самара*) Англо-русские словари безэквивалентной лексики с.151

Содержание с.154